

Сирил Хейр
Чисто английское убийство
М.: АСТ, 2021

Серия «Золотой век английского детектива»

Cyril Hare
AN ENGLISH MURDER

Перевод с английского О. Постниковой

Печатается с разрешения United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

© Charles Gordon Clark, 1951
© Перевод. О. Постникова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Сирил Хейр

Чисто английское убийство

I. Дворецкий и профессор

Уорбек-Холл считается самым старым жилым домом в Маркшире. Угловая северо-восточная комната, служащая семейным архивом, – вероятно, самая старая его часть, и уж точно самая холодная. Вацлав Боттвинк, доктор философии Гейдельбергского университета, почетный доктор филологии Оксфордского университета, бывший профессор современной истории Пражского университета, член-корреспондент полудюжины научных обществ от Лейдена до Чикаго, почувствовал, как холод пробирает его до костей; он сидел, склонившись над страницами сложенных в стопку блеклых манускриптов, и время от времени отрывался от чтения, чтобы своим угловатым иностранным почерком выписать из них некоторые отрывки. К холоду он привык. Холодно было в его студенческой квартире в Гейдельберге, еще холоднее – в Праге в 1917 году, а холоднее всего – в концлагерях Третьего рейха. Он чувствовал холод; однако он не позволял холоду себя отвлекать – до тех пор, пока его пальцы слишком сильно немели, чтобы держать ручку. Холод был лишь надоедливым фоном для работы. Настоящим препятствием, которое беспокоило его в данный момент, был отвратительный почерк, которым третий виконт Уорбек записывал комментарии к письмам, полученным им от лорда Бьюта в первые три года правления Георга III. Ох уж эти заметки на полях! Ох уж эти неразборчивые сокращения и вставки между строк! Доктор Боттвинк начал испытывать личную неприязнь к этому жившему в восемнадцатом веке аристократу. Получатель столь важной информации, хранитель государственных тайн, неизмеримо ценных для последующих поколений, в достаточной степени обладал чувством долга, чтобы сохранить письма нетронутыми, но затем вдруг решил испещрить самые ценные конфиденциальные сообщения неразборчивыми каракулями – о, это было невыносимо! Именно по этой причине изучение документов в Уорбеке заняло вдвое больше отведенного на него времени. А время было дорого для стареющего ученого, чье здоровье уже было не тем, что прежде! И это будет его вина, если работа, которая должна была показать развитие английской конституции между 1750 и 1784 годами, останется неоконченной из-за смерти автора. Доктор Боттвинк сердито и недоуменно смотрел на лежащие перед ним каракули и сквозь два столетия шепотом слал проклятия на голову лорда Уорбека и его плохо очиненное перо.

В дверь осторожно постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел слуга. Это был пожилой дородный мужчина с неопределенным выражением лица, характерным для дворецкого из хорошего дома.

– Я принес вам чаю, сэр, – сказал он, опуская поднос на стоящий посреди комнаты стол.

– Благодарю вас, Бриггс, – сказал доктор Боттвинк. – Вы очень добры. Право, не стоило беспокоиться.

– Никакого беспокойства, сэр. Я и сам обычно выпиваю чашку чая примерно в это время, а сюда из буфетной всего один лестничный пролет.

Доктор Боттвинк серьезно кивнул. Он был в достаточной степени знаком с английскими традициями, чтобы знать, что даже в нынешнее время дворецкий, как правило, не объясняет, почему он подал чай находящемуся в доме гостю. Именно потому, что он находился здесь не совсем на правах гостя, Бриггс счел необходимым объяснить, почему для него не составило труда подняться на один лестничный пролет. Доктор Боттвинк смаковал это тонкое социальное отличие с несколько противоречивым удовольствием.

– И тем не менее, вы очень добры, Бриггс, – настойчиво сказал он, тщательно подбирая английские слова. – Даже если мы такие близкие соседи. Между нами говоря, мы с вами – единственные обитатели изначального здания Уорбек-Холла.

– Совершенно верно, сэр. Эта часть дома была на самом деле построена самим Перкином Уорбеком в...

– Ах, нет, Бриггс! – доктор Боттвинк наливал себе чай, но прервался, чтобы поправить дворецкого. – Вы можете говорить подобные вещи гостям и туристам, но не мне. На самом деле Перкин Уорбек – это миф; я хочу сказать, миф не в историческом смысле, а в отношении семьи

лорда Уорбека. Между ними нет никакой родственной связи. Эта ветвь рода Уорбеков имеет совершенно иное происхождение, и я вас уверяю, гораздо более уважаемое. Все это записано в этих вот документах. – Он кивнул на стоящий у стены дубовый шкаф за своей спиной.

– Что ж, сэра, – вежливо ответил Бриггс, – по крайней мере, так говорят у нас в Маркшире.

Что бы там ни собирался возразить на это доктор Боттвинк, он сдержался. Вместо этого он пробормотал себе под нос: «Так говорят у нас в Маркшире...», и залпом выпил свой чай. Вслух он сказал:

– Этот чай очень бодрит, Бриггс. Он согревает сердце.

Он с некоторой гордостью взглянул на дворецкого, чтобы убедиться, что тот оценил его владение английскими идиомами. Бриггс позволил себе слегка улыбнуться.

– Именно так, сэра, – сказал он. – Сегодня очень холодно. Кажется, будет снег. Судя по прогнозу погоды, можно ждать белого Рождества.

– Рождества?! – доктор Боттвинк поставил чашку. – Неужели уже почти конец года? В таком месте совершенно теряешь счет времени. Рождество в самом деле скоро?

– Послезавтра, сэра.

– Я и понятия не имел. Я занимаюсь этой работой гораздо дольше, чем намеревался. Я и так уже слишком долго злоупотребляю гостеприимством лорда Уорбека. Возможно, он сочтет мое пребывание здесь неудобным в такое время. Мне следует спросить его об этом.

– Я взял на себя смелость, сэра, заговорить об этом с его светлостью как раз сегодня, когда подавал ему чай. Он выразил желание, чтобы вы оставались его гостем на время праздников, если вы сочтете это удобным.

– Это очень любезно с его стороны. Я воспользуюсь возможностью лично поблагодарить его за это, если он сможет меня принять. Кстати, как он сегодня?

– Его светлости лучше, благодарю вас, сэра. Он поднялся, но еще не спускался.

– Поднялся, но еще не спускался, – задумчиво повторил доктор Боттвинк. – Поднялся, но не спускался! Английский – прекрасный в своей выразительности язык!

– Верно, сэра.

– Кстати, Бриггс, вы только что говорили о праздниках. Я полагаю, что при нынешних обстоятельствах празднование будет носить чисто умозрительный характер?

– Прошу прощения, сэра?

– То есть не будет ни пирушек, ни... ни... – он нетерпеливо защелкал пальцами, пытаясь подобрать нужные слова, – ни шумного веселья?

– Не могу сказать, сэра, в какой именно форме будут проходить празднования; но думаю, можно предположить, что Рождество будет тихим. Его светлость пригласил лишь нескольких членов семьи.

– О, так, значит, гости будут? И кто именно?

– Сэр Джулиус приедет сегодня вечером, сэра, а завтра...

– Сэр Джулиус?

– Сэр Джулиус Уорбек, сэра.

– Но он ведь канцлер казначейства в нынешнем правительстве, так?

– Именно так, сэра.

– Из моих бесед с лордом Уорбеком у меня сложилось впечатление, что его политические взгляды носят совершенно иной характер.

– Политические взгляды, сэра? Насколько я понимаю, сэра Джулиус приедет просто в качестве двоюродного брата лорда Уорбека.

Доктор Боттвинк вздохнул.

– После стольких лет, – сказал он, – я порой чувствую, что никогда не пойму Англию. Никогда.

– Я еще нужен вам, сэра?

– Прошу прощения, Бриггс. Мое вульгарное континентальное любопытство отрывает вас от работы.

– Вовсе нет, сэра.

– Тогда, если вы выдержите в этом ледяном холоде еще минутку, я был бы рад, если бы вы сказали мне еще кое-что важное для меня. Кем именно я буду являться в доме в период этих рождественских праздников?

– Сэр?

– Наверное, мне будет лучше держаться в тени? Лорд Уорбек был очень любезен, обращаясь со мной как с гостем, но я, естественно, не жду, что окажусь в равном положении с членами его семьи – особенно когда его светлость поднялся, но еще не спускался. Ситуация довольно деликатная, а, Бриггс?

Дворецкий кашлянул.

– Вы говорите о еде, сэр? – спросил он.

– В общем, да, я полагаю, еда представляет собой основную трудность. В остальное время я вполне могу заняться делом здесь, наверху. Что вы посоветуете?

– Я осмелился упомянуть об этой проблеме в разговоре с его светлостью. Трудность, как вы понимаете, сэр, в персонале.

– Признаюсь, я не очень понимаю эту трудность.

– В прежние времена, сэр, – продолжил Бриггс, предавшись воспоминаниям, – не было бы никакого беспокойства. Было бы четыре работника в кухне, и два лакея под моим началом, и, конечно же, те слуги, что приехали бы с гостями, тоже могли бы помогать. Но при том, как обстоят дела сейчас – я ведь один, и я сказал его светлости, что никак не смогу подавать еду отдельно для всех. Одна подача в столовой и одна в комнате для слуг – это все, с чем я могу справиться; и конечно, нужно еще отнести поднос наверх его светлости. Поэтому, если вы не возражаете, сэр...

– Я вполне понимаю, Бриггс. Я сочту за честь столоваться с вами, пока здесь будут гости.

– О, нет, сэр! Я совсем не это имел в виду. У меня бы и мысли не возникло предложить подобное его светлости.

Доктор Боттвинк понял, что, несмотря на все свои усилия, он в очередной раз допустил оплошность.

– Что ж, – покорно сказал он, – отдаюсь в ваши руки, Бриггс. Значит, я буду завтракать, обедать и ужинать с членами семьи?

– Если не возражаете, сэр.

– Возражать? Мне? Надеюсь, что это они не будут возражать. В любом случае, я буду счастлив познакомиться с сэром Джулиусом. Возможно, он просветит меня касательно некоторых вопросов конституционной практики, которые я все еще нахожу неясными. Может быть, вы расскажете мне, с кем еще мне предстоит познакомиться?

– Будут только две дамы, сэр, – леди Камилла Прендергаст и миссис Карстерс.

– Леди Прендергаст тоже член семьи?

– Не леди Прендергаст, сэр, – леди Камилла Прендергаст. Это титул по обычаю¹. К ней обращаются «леди Камилла», потому что она графская дочь. Она племянница первого мужа покойной ее светлости. Мы считаем ее членом семьи. Миссис Карстерс – не родственница, но её отец много лет был пастором этого прихода, и она, так сказать, выросла в этом доме. Это все гости – не считая мистера Роберта, конечно.

– Мистер Роберт Уорбек, сын хозяина дома – он приедет сюда на Рождество?

– Разумеется, сэр.

– Да, – сказал сам себе доктор Боттвинк, – полагаю, это естественно. Странно, что я о нем не подумал. – Он повернулся к дворецкому. – Бриггс, а мне никак нельзя все-таки столоваться в комнате прислуги?

– Сэр?

– Не думаю, что мне доставит большое удовольствие сидеть за одним столом с мистером Робертом Уорбеком.

– Сэр?

– О, теперь я вас шокировал, Бриггс; мне не следовало этого делать. Но знаете ли вы, кто такой мистер Роберт?

– Конечно, знаю, сэр, – сын и наследник его светлости.

– Я говорю о нем не в этом смысле. Разве вы не знаете, что он является президентом этого начинания, которое именуется «Лигой Свободы и Справедливости»?

¹ Титул, носимый по обычаю, не дает права на членство в палате лордов. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

- Насколько я понимаю, так и есть, сэр.
- «Лига Свободы и Справедливости», Бриггс, – очень медленно и четко произнес доктор Ботвинк, – это фашистская организация.
- В самом деле, сэр?
- Вас это не интересует, Бриггс?
- Я никогда особо не интересовался политикой, сэр.
- Ох, Бриггс, Бриггс, – сказал историк, с печальным восхищением качая головой, – если бы вы знали, как вам повезло иметь возможность так говорить!

II. Гости

Сэру Джулиусу Уорбеку укрыли пледом колени, он обменялся несколькими последними словами со своим секретарем и устало откинулся на спинку сиденья в машине, удалявшейся от Даунинг-стрит. Рядом с ним на сиденье лежал служебный портфель, содержащий последний отчет о крайне важных переговорах, которые в тот момент велись с правительством Соединенных Штатов в Вашингтоне от имени казначейства. Этот отчет должен был занять его на те два часа, что ему предстояло ехать до Уорбека – ни одна минута драгоценного времени канцлера не должна была проходить впустую; но он потянулся к нему лишь тогда, когда машина уже проехала лабиринты центральных улиц Лондона и на ровной скорости покатила по автостраде.

Он положил портфель на колени, открыл его и принялся изучать листы с мелким печатным шрифтом. Великолепно составленный отчет, подумал он, именно такой, которого можно ожидать от Карстерса. Он почувствовал легкую гордость при воспоминании о том, что изначально именно он открыл Карстерса. Десять лет назад мало кто предвидел положение, которое мог занять этот молодой человек, и сэра Джулиус, который обычно без колебаний воздавал себе должное за свои достижения, полностью одобрял себя за то, что тогда был одним из этих немногих людей.

Зимнее небо застлало мрачные тучи, грозившие снегом; цифры начали плясать перед усталыми глазами канцлера. Он был рад воспользоваться этим предлогом, чтобы вернуть наполовину прочитанный отчет в портфель и снова откинуться на спинку сиденья. Карстерс! Это имя вновь возникло в его мыслях, вызвав легкое раздражение. Да, несомненно, этот парень далеко пошел, и пойдет еще дальше. Многие осведомленные служащие говорили о нем как о следующем канцлере казначейства, и сэра Джулиус, обладавший прагматизмом опытного политика, признавался себе, что никто не вечен, и что ему следует быть благодарным за то, что существуют столь способные плечи, готовые взвалить на себя это бремя, когда для него настанет час это бремя передать. (Не то чтобы этот час пробьет скоро, что бы там ни думали некоторые люди, включая самого Карстерса!) Но он также вынужден был признаться себе, что в самой глубине души ему не нравится этот его блестящий молодой коллега. Было в этом человеке что-то такое, что, несмотря на его несомненный шарм и талант, было не совсем... «благородного происхождения» – именно эти ужасные слова промелькнули в его голове. Вздрогнув, он изгнал их из своих мыслей. Нет, так нельзя! Алан Карстерс – отличный парень. Не его вина – скорее, это можно поставить ему в заслугу, – что он сделал успешную карьеру, изначально имея столь мало преимуществ. Вспомнив о своем собственном обеспеченном происхождении, он мысленно прошелся по этапам карьеры Карстерса. Начальная школа, стипендии, Лондонская школа экономики, удачный брак; да, весьма удачный брак, размышлял сэра Джулиус. Не поощряй его эта активная, амбициозная женщина – добился бы он вообще чего-нибудь, несмотря на весь свой ум? Миссис Карстерс должна приехать в Уорбек-Холл – так сказал его кузен. «Нужно не забыть сказать что-нибудь учтивое о ее муже», – напомнил он себе. Почему-то ему всегда было трудно быть учтивым с миссис Карстерс. У нее была манера преуменьшать значимость всех политиков, кроме ее обожаемого Алана. А сэра Джулиус не одобрял, когда его значимость преуменьшали.

Некоторое время он сидел, рассеянно глядя прямо перед собой. Через стеклянную перегородку ему были видны неподвижные спины двух молчаливых мужчин, сидевших впереди. Его оскорбляла эта их неподвижность и холодность даже по отношению друг к другу. Почему бюрократический аппарат всегда стремится превратить людей в бездушные автоматы? Сэру Джулиусу нравилось думать о себе как о доброжелательном, дружелюбном человеке, который осознает – как ему и следует – свое положение и все, что с ним связано, но при этом в разумных пределах остается человечным и доступным. Но как бы он ни старался, ему никогда не удавалось наладить отношения с этими двумя. Наверняка что-то с ними не так. Холли, водитель, был еще ничего. Его родители жили неподалеку от Маркхэмптона, и сэру Джулиусу стоило немалых усилий договориться, чтобы он взял машину, отправился на ней домой на Рождество, и заехал за ним в Уорбек-Холл после праздников. По крайней мере, он продемонстрировал хоть какую-то благодарность за этот жест, хотя она была и меньше ожидаемой. Но вот второй, Роджерс, –

детектив, приставленный к нему особым отделом Скотланд-Ярда, – какие о нем можно было сделать выводы? Иногда он задумывался, а был ли Роджерс вообще человеком. В течение последних трех месяцев этот мужчина был его неизменной тенью, и при этом сэра Джулиус знал о нем не больше, чем в самом начале. Парень был спокойным и вежливым, отвечал, когда с ним заговаривали – и на этом всё. Несомненно, сэру Джулиусу следует считать, что ему повезло: у Роджерса не было откровенно неприятных черт, в отличие от его предшественника, который постоянно шмыгал носом; однако сэра Джулиуса это не удовлетворяло. Он приходил в уныние, находясь в обществе человека, о котором невозможно было составить никакого впечатления. В этом, насколько ему было известно, был корень всей проблемы. Сэр Джулиус, тщеславная и общительная душа, сделал карьеру, производя впечатление на других людей. Было горько сознавать, что судьба дала ему в охранники человека, которого испускаемые его личностью теплые лучи впечатляли не больше, чем холодный свет луны.

К этому моменту на лобовом стекле стали появляться снежинки, и дворники двигались по нему туда-сюда, щелкая с точностью метронома. Машина свернула с главной дороги и теперь ехала по маршруту, который, несмотря на сгущавшуюся темноту, становился все более знакомым взгляду сидящего в машине пожилого мужчины. Автомобиль проезжал милю за милей, и этот маршрут словно стал продолжением его личности – так, как это случается только со знакомыми и любимыми с детства местами. Ибо это больше не была дорога, ведущая из Лондона в Маркшир – это был путь в Уорбек. И пока он ехал, что-то очень странное произошло с достопочтенным сэром Джулиусом Уорбеком, членом парламента, канцлером казначейства в самом прогрессивном социалистическом правительстве Западной Европы. Ему снова было пятнадцать лет, он ехал из Итона, чтобы провести рождественские каникулы со своим дядей, и пока сменяли друг друга памятные дорожные ориентиры, он вновь ощутил эту странную смесь гордости за принадлежность к одному из старейших родов Англии и зависти к своему двоюродному брату – наследнику всего великолепия этого прекрасного места. Когда машина замедлила ход, чтобы одолеть горбатый мост, отделявший деревню Уорбек от поместья, оказалось, что он даже сорок лет спустя бранит судьбу, сделавшую его отца младшим сыном и лишившую его того положения, которому он придал бы такое достоинство и приличие.

Машину потряхивало на неухоженной подъездной аллее, и это весьма действенно разрушило чары. Сэр Джулиус внезапно обнаружил, что он снова в середине двадцатого века, в мире, где владельцы исторических особняков были жалкими анахронизмами, беспомощно ждущими, что приближающаяся поступь социальной справедливости вытеснит их с привилегированных позиций, которые они слишком долго узурпировали. (Фразы из его последней предвыборной речи всплыли в его памяти, и он испытал победное удовлетворение. Школьник, испытывавший зависть сорок лет назад, был отмщен!) Не то чтобы он испытывал к двоюродному брату враждебность. Он оценил жест, который тот сделал, в последний раз пригласив в фамильный дом представителя нового порядка; и он выразил признательность, приняв это приглашение. Но это совершенно точно будет в последний раз. Лорд Уорбек недолго задержится на этом свете. Он ясно дал это понять в письме с приглашением. После него не будет больше ни Уорбеков, ни Уорбек-Холла. Следующий госбюджет об этом позаботится. Что ж, пусть будет так. По крайней мере, старый порядок исчезнет вместе с приличным и достойным своим представителем. А что касается молодого Роберта... При одной мысли о Роберте и о том, что он поддерживает, кровь вскипала в жилах канцлера, так что в конце поездки из машины вышел покрасневший и сердитый без достаточных на то оснований мужчина.

– На каком поезде ты поедешь завтра, Камилла? – спросила свою дочь графиня Симнел.

– На двухчасовом. Сначала я пообедаю с женой Карстерса, а потом мы вместе поедem на поезде.

– Понятно. Тебе не будет с ней скучно?

Леди Камилла рассмеялась.

– Полагаю, будет, – сказала она. – Но выбора у меня нет. Дядя Том распорядился встретить меня именно с этого поезда, а такси от станции я не могу себе позволить, так что мне придется сесть именно на двухчасовой. Зато путешествие с ней освобождает от необходимости

поддерживать беседу. Слушать ее тоже необязательно. Если принять умный вид, то она весь день будет говорить о своем ненаглядном Алане, не ожидая никакого ответа.

– Миссис Карстерс – зануда, – коротко заметила леди Симнел. – И в то же время ее преданность мужу вызывает восхищение. Счастлива та женщина, которая нашла цель в жизни, как это сделала она.

Леди Камилла ничего не ответила, но выражение ее красивого, умного лица дало понять, что она услышала в этих словах больше, чем лежало на поверхности.

– В Уорбеке будет холодно в это время года, – продолжила ее мать. – Надеюсь, ты берешь с собой достаточно теплых вещей.

– Беру все, что есть. Более того, я собираюсь все это носить. Причем разом. Я просто раздуюсь от одежды. Я знаю, каково бывает в Уорбеке в холода.

– А тебе не кажется, что было бы гораздо приятнее провести Рождество со мной, в Лондоне?

Леди Камилла обвела взглядом маленькую, хорошо обставленную гостиную в квартире матери и улыбнулась.

– Гораздо приятнее, дорогая мама, – согласилась она.

– Ты в самом деле считаешь, что тебе стоит ехать?

– Ну конечно, я должна поехать, мама. Дядя Том очень об этом просил. А поскольку это, возможно, последний шанс увидеть старика...

Леди Симнел фыркнула. То ли потому, что в этом фыркании было что-то неприятное, то ли потому, что сказанные ею слова прозвучали неубедительно даже для нее самой, но произнесенная Камиллой неоконченная фраза так и повисла в воздухе.

– Роберт будет там, я полагаю? – резко спросила леди Симнел.

– Роберт? О, наверное, да. Наверняка будет.

– Сколько времени прошло с вашей последней встречи, Камилла?

– Точно не знаю. Довольно много. Он...очень занят делами в последнее время.

– Очень занят делами, – сухо повторила леди Симнел. – Если можно назвать делом эту идиотскую Лигу Свободы и чего там еще. Он уж точно слишком занят, чтобы уделять время старым друзьям.

– Роберт, – сказала Камилла слегка запальчиво, – очень храбрый мужчина. Он доказал это на войне. Более того, он патриот. Можно не соглашаться со всеми его взглядами, но это не повод его обвинять.

– Что ж, – спокойно ответила ее мать, – тебе двадцать пять лет, и ты достаточно взрослая, чтобы понимать, что делаешь. Даже если оставить в стороне политику, я лично не думаю, что Роберт – такая уж завидная партия. Вряд ли он когда-нибудь сможет себе позволить жить в Уорбеке. Но это твои дела. Я считаю, что в такие вещи не следует вмешиваться. А что касается обвинений, то я всего лишь обратила внимание на то, что он уже довольно давно тебя избегает.

– Послушай, мама! – Леди Камилла резко повернулась на стуле, чтобы посмотреть матери в лицо. – Ты что, думаешь, что я бегаю за Робертом?

– Ну, дорогая моя, я не знаю, какое для этого есть современное название, но в мое время подобное поведение называли бы именно так.

– Значит, ты совершенно права: бегаю. И когда я приеду в Уорбек, я хочу каким-то образом с ним объясниться. Я не могу так больше... Не могу. Если я ему не нужна, пусть так и скажет, а не пытается пойти на попятную, просто избегая меня. И кстати, хотела бы я знать: какого черта я ему не нужна?

Леди Камилла встала; фигура у этой молодой женщины была великолепная. Мать посмотрела на нее оценивающим, трезвым взглядом.

– Возможно, потому, что ему нужен кто-то другой, – заметила она. – Но тебе лучше поехать в Уорбек и, как ты выразилась, каким-то образом это выяснить.

Миссис Карстерс говорила по трансатлантической телефонной линии с Вашингтоном. Ее голос лился в телефонную трубку стремительным потоком слов, между которыми оставались лишь очень короткие промежутки для ответа. Она словно хотела получить наибольшую возможную стоимость в словах за свой трехминутный звонок.

– Чудесно слышать твой голос, дорогой, – говорила она. – Ты не слишком устал на работе? ...А ты точно хорошо ешь? ...О, конечно, дорогой, я знаю, но тебе нужно быть поосторожнее с пищеварением... Пообещай мне, что не станешь переутомляться, хорошо? ...Знаешь, мне на самом деле следовало бы быть там и заботиться о тебе... Да, дорогой, я знаю, и в конце концов я ведь тоже вношу свой маленький вклад – я тут, на посту, пока тебя нет. Я ведь писала тебе, что еду в Уорбек на Рождество? ... О да, канцлер будет там, глупый напыщенный старик... Ну, может, мне и не стоило, но ты ведь знаешь, что он такой и есть. Я просто бешусь от мысли о том, что он стоит у тебя на дороге, когда всем известно... Нет, дорогой, конечно, не стану. Я буду с ним очень вежлива. Я думаю, сейчас он уже понимает, скольким он тебе обязан... Дорогой, ты слишком уж скромнен. Если бы ты только знал, как я тобой горжусь. Во вторник я встречалась с премьер-министром, и то, что он о тебе говорил, доставило мне такую радость... Дорогой, это так мило с твоей стороны. Конечно же, я бы все что угодно сделала, чтобы тебе помочь, но маленькая слабая женщина может так мало... Да, я еду в Уорбек завтра. Приятно будет снова там побывать. Мне только жаль, что тебя не будет со мной... Алан, дорогой, не говори ерунды! Разумеется, твое присутствие было бы уместно где угодно! Разве ты не осознаешь, что ты теперь великий человек? Да я просто купаться буду в лучах твоей славы... О, нет, это будет не прием – просто небольшая семейная встреча... Да, боюсь, Роберт будет там... Знаю, дорогой, он отвратителен, но ничего не поделаешь. Жаль, он ведь был таким хорошим мальчиком... Но, дорогой, ты ведь не думаешь, что эта его Лига является чем-то опасным? ...Нет, нет, конечно же, нельзя обсуждать это по телефону, но я поняла намек, и обещаю, что буду очень осторожна... Да, дорогой, можешь на меня положиться, я сделаю все, что смогу. Я ведь всегда так и делаю, правда? ...О, Алан, дорогой мой, если бы ты знал, как я тобой горжусь. Вчера в «Дейли Трампет» о тебе вышла чудесная статья на главной странице. Как же я смеялась! Как подумаешь, что раньше «Дейли Трампет»... – И так далее, и так далее в том же духе.

В длинной мрачной комнате на верхнем этаже неиспользуемого склада в южном Лондоне Роберт Уорбек подводил к концу ежемесячное собрание руководителей секций Лиги Свободы и Справедливости. Это был высокий, красивый молодой мужчина с рыжевато-коричневыми волосами и застывшим взглядом фанатика в серых, слегка навывкате глазах. В течение последнего получаса он обращался примерно к дюжине мужчин, которые представляли собой смесь всех типажей и классов. Всем им было не больше тридцати пяти лет. Помимо полной сосредоточенности, с которой они ловили каждое слово своего лидера, их объединяла еще одна общая черта: одежда. Подобно Роберту, они были одеты в серые фланелевые брюки и темно-красные пуловеры, слева украшенные вышитым белым клинком.

– На сегодня всё, джентльмены. Вас должным образом известят о дате следующей встречи. Вы свободны.

Все поднялись со стульев, минуту постояли по стойке «смирно» и отдали сложный салют, на который Роберт с серьезным видом ответил. За этим последовала минута разрядки. Отойдя вглубь комнаты, все стянули с себя пуловеры и отдали их одному участнику группы; оставшись в рубашках, они гурьбой вышли, чтобы внизу надеть жилеты и пиджаки – признаки штатской жизни.

Уорбек остался наедине с мужчиной, которому все отдали свои пуловеры. Он молча смотрел, как тот церемонно складывает их и убирает в большой шкаф, занимавший всю длинную стену комнаты. Потом он устало потянулся, снял свой пуловер и протянул его своему помощнику, чтобы тот убрал его в особое запирающееся на замок отделение.

– Придет время, – сказал он, – когда мы будем носить эту форму открыто. Но пока оно еще не настало.

– Да, шеф. – Ответ прозвучал уважительно, но слегка формально, словно отвечал человек, который уже слышал это замечание много раз. – Вот ключ от вашего шкафа, шеф.

– Благодарю.

– У вас усталый вид, шеф.

– Я буду рад отдохнуть несколько дней, – признал Уорбек, словно ему было стыдно сознаваться в человеческой слабости.

– Вы уедете из города завтра, шеф?

– Да. По дороге из Лондона я загляну в наше отделение в Фулхэме. Этим парней нужно научить тому, что такое дисциплина.

– Уж вы-то их научите, шеф.

– Я вернусь в начале следующей недели. Тогда мы сможем договориться насчет объединения в северном Лондоне. А пока, если будет необходимость, вы знаете, как со мной связаться.

– Да, шеф. Надеюсь, вы приятно проведете Рождество.

Минуту Уорбек молчал. Глядя в зеркало, он задумчиво повязывал галстук.

– Спасибо, – наконец ответил он. – По крайней мере, мне будет приятно исполнить свой долг. У человека ведь есть долг перед своей семьей.

– Боюсь, компания у вас будет довольно утомительная, – рискнул заметить его помощник. Уорбек резко обернулся.

– Что вы хотите этим сказать? – свирепо спросил он.

– Ну, шеф, – с запинкой произнес помощник, – я... я просто хотел сказать... я имел в виду сэра Джулиуса, шеф.

– Джулиус? Черт, а он-то тут при чем?

– Я так понял, что он проведет Рождество в Уорбек-Холле, шеф. Разве это не так?

– Впервые об этом слышу.

– В сегодняшнем номере «Таймс» была об этом заметка, шеф. Я решил, что вы должны об этом знать.

– Боже! Должно быть, мой отец... – Он вовремя спохватился. Он чуть не забыл золотое правило: никогда не обсуждать личные дела с подчиненными. – Что ж, спасибо, что сообщили, Сайкс, – продолжил он, надевая пальто. – Я пропустил эту заметку в «Таймс». Я ведь обычно не читаю страницы для снобов. Предупрежден – значит, вооружен. Я не жалею о том, что у меня будет возможность высказать этому пустозвону все, что я думаю. Возможно, для него Рождество окажется не таким уж приятным. Доброй ночи!

– Доброй ночи, шеф.

Он вышел на унылую улицу, где редкий снег быстро превращался под ногами в серую слякоть.

III. Отец и сын

Снег повалил в полную силу только после наступления темноты, и раз начавшись, снегопад становился все гуще и продолжился даже на следующий день. Лорд Уорбек, пробудившись от чуткого сна, каким спят больные, увидел из окна, что его лужайки, сад, парк за ним и Маркширские холмы вдалеке стали одинаково белы; мелкие детали ландшафта исчезли, его очертания под слоем снега стали плавными и плотными. Все это выглядело бы точно так же, размышлял он, для любого человека, лежавшего в этой кровати в подобное утро, в любое время с тех самых пор, как почти двести лет назад Умелый Браун² переделал посадки в парке. Под снегом исчезли все следы небрежения и ветхости, появившиеся в последнее время. Подъездная аллея, обсаженная по бокам подстриженными липами, снова стала гладкой и прямой. Лужайка для игры в шары в кои-то веки демонстрировала ту ровную и гладкую поверхность, которой обладала в те времена, когда поддерживать ее в должном порядке входило в обязанности специально нанятого физически крепкого мужчины. Конечно же, все это было иллюзией. Достанет двух дней оттепели, чтобы обнажить кочки, ямы и сорняки реальности; а также, мрачно подумал он, полдюжины лопнувших труб в разных частях этого внушительных размеров дома, и ему нужно будет каким-то образом найти деньги, чтобы их починить. Неважно. Ему, преждевременно состарившемуся и больному, приятно было тешить себя этой иллюзией, пока она длилась, особенно потому, что, возможно, он делал это в последний раз.

Когда Бриггс принес ему поднос с завтраком, он сказал:

– После ланча я встану, Бриггс.

– Очень хорошо, милорд.

– Мне будет нужна твоя помощь, чтобы спуститься в библиотеку. Я выпью чаю с гостями.

– Доктор Кертис сказал, милорд...

– Доктор Кертис не приедет сюда в такую погоду. У него, как и у его отца, слабые легкие. Он не выносит резких похолоданий. Ему незачем об этом знать.

– Да, милорд.

– Как сегодня сэра Джулиуса?

– Кажется, сэр Джулиус в отменном здравии, милорд. Он позавтракал рано – почти так же рано, как доктор Боттвинк, и ушел к себе поработать. Он сказал, что собирается добавить еще полшиллинга к подоходному налогу, но я решил, что таким образом он хотел пошутить.

– Будем надеяться, что так, Бриггс. Мне подобная шутка кажется мрачноватой, но у всякого свой вкус. Слава богу, у меня, кажется, мало шансов дожить до объявления следующего бюджета.

– В самом деле, милорд. То есть... я, конечно, прошу у милорда прощения... мы все надеемся...

– Ни слова больше об этом, Бриггс. Было бестактно с моей стороны обращаться к этой теме.

– Вовсе нет, милорд.

Бриггс, щеки которого заметно покраснели, собирался удалиться, но задержался в дверях и откашлялся. Лорд Уорбек, которому были знакомы эти симптомы, поднял глаза от завтрака.

– В чем дело, Бриггс? – спросил он.

– Меня не проинформировали, милорд, – сказал дворецкий с некоторым упреком, – что сэр Джулиус привезет с собой еще одного... человека.

– Еще одного человека? Не уверен, что я... Ох, боже мой, конечно: детектив. Глупо было с моей стороны позабыть об этом, но боюсь, это цена, которую мы должны платить за то, что принимаем у себя члена правительства. Надеюсь, вы не сочтете его пребывание здесь очень неприятным.

– Нет, милорд, дело не в этом. Я был несколько обеспокоен тем, где он будет есть. Но, подумав, я пришел к выводу, что можно разрешить ситуацию, предложив ему столоваться с персоналом.

² Ланселот Браун (1715–1783), прозванный Умелым Брауном, был английским ландшафтным архитектором, крупнейшим представителем системы английского пейзажного парка.

– Исходя из моего ограниченного знакомства со Скотланд-Ярдом, Бриггс, вы поступили совершенно правильно, – серьезно сказал лорд Уорбек. – Надеюсь, ваши коллеги одобрили это решение?

– Должен сказать, сэр, что вначале это вызвало на кухне некоторое беспокойство. Но всё уже позади.

– Рад это слышать.

– Ситуацию существенно облегчило то, что этот человек предложил помогать с мытьем посуды, милорд.

– Отлично! Похоже, это решило все ваши проблемы, Бриггс.

– Есть еще одно небольшое дело, милорд. Кажется, он считает, что ему позволят распоряжаться в доме.

– Не уверен, что понимаю вас.

– Обычно, милорд, – сурово сказал Бриггс, – от персонала ждут, что каждый его член будет находиться в отведенных для персонала помещениях, за исключением случаев, когда он должен исполнять свои обязанности. В нынешнее время, когда от нас ожидают, что мы станем исполнять обязанности, которые, строго говоря, не являются нашими, трудно придерживаться этого правила так, как мне хотелось бы, но насколько это возможно, милорд, я хотел бы сохранять традиции этого дома.

– Я тоже, Бриггс, видит бог! Я тоже.

– Что ж, милорд, это в высшей степени нарушит дисциплину, если этот человек, который в социальном смысле является членом обслуживающего персонала, посчитает, что может ходить куда ему заблагорассудится, и вообще станет совать нос во все углы дома, если позволите мне так выразиться, милорд.

– По долгу службы, Бриггс, не забывайте об этом.

– Службы, милорд?

– Понимаете, работой этого джентльмена является личная защита канцлера казначейства.

– Защита? – обиженно повторил Бриггс? – В этом доме, милорд?

– Согласен, в этом доме это будет настоящая синекура. Но боюсь, какое бы воздействие это ни оказало на дисциплину в доме, вам придется позволить ему делать его работу так, как он сочтет нужным.

– Как скажете, милорд. – В тоне дворецкого явственно прозвучало неодобрение. – Но я не представляю, от чего он, по его мнению, защищает сэра Джулиуса.

– От всего происходящего, я полагаю, – весело сказал лорд Уорбек. – От ужасов в ночи и стрелы, летящей днем.

Бриггс позволил себе улыбнуться.

– И от язвы, ходящей во мраке³, милорд? – мягко спросил он.

– Нет, Бриггс. Даже члены правительства не могут обеспечить себе защиту от этого.

Роберт Уорбек прибыл около четырех часов дня в канун Рождества. Он был не в самом хорошем расположении духа. Беседа с отделением Лиги Свободы и Справедливости в Фулхэме прошла не так хорошо, как он ожидал, а на выезде из Лондона его задержала поломка в моторе. Затем, едва он свернул с главной дороги, снова пошел снег, так что на протяжении последних нескольких миль он ехал все медленнее и все с большим трудом. К тому времени, когда он остановил машину у парадной двери, он замерз, а ноги у него затекли. Бриггс тут же подошел, чтобы взять его сумку.

– Добрый день, мистер Роберт, – сказал он. – Надеюсь, вы в добром здравии? – Он говорил достаточно уважительно, но внимательный слушатель заметил бы, что в его тоне недостает теплоты.

– Да, благодарю, Бриггс. Я в полном порядке. Как отец?

– Его светлости лучше, сэр. Сегодня он встал с постели и сейчас находится в библиотеке.

– Хорошо! Я сразу пойду к нему.

– Мистер Роберт, не могли бы вы, прежде чем встретиться с его светлостью...

³ Лорд Уорбек и Бриггс цитируют Библию (*Псалтирь* 91:5, 91:6)

Однако Роберт то ли не услышал слов дворецкого, то ли предпочел не обратить на них внимания.

– Я поставлю машину позади дома, – резко сказал он. – Отнесите, пожалуйста, мою сумку ко мне в комнату.

Он отпустил сцепление, и машина исчезла за углом дома. Бриггс остался у открытой парадной двери с сумкой в руках. Пока он стоял, а снег падал на его лысую голову, самообладание, которое было присуще его чертам после стольких лет службы в доме, ненадолго исчезло, и лицо его приняло совершенно естественное выражение. Нельзя было сказать, что это лицо счастливого человека и что думает он о чем-то приятном.

Роберт оставил машину в каретном сарае, который служил гаражом. Он потратил некоторое время на то, чтобы накрыть капот накидкой для защиты от холодного воздуха. В дальних углах этого большого помещения все еще стояли полуразвалившиеся кареты из того золотого века, в котором еще были лошади и процветание. Затем он быстро прошел вдоль ряда пустых денников, пересек конюшенный двор и вошел в дом через боковую дверь. Двигаясь тихо и быстро, словно избегая возможности быть увиденным, он затем прошел в холл, задержался там лишь на минуту, чтобы снять пальто, и пошел напрямик в библиотеку.

Лорд Уорбек лежал на диване, который для него пододвинули поближе к камину. Он дремал, но при звуке открывающейся двери вздрогнул и проснулся. Когда он понял, кто этот вновь прибывший гость, его бледные щеки порозовели, и он сел на диване.

– Роберт, дорогой мой мальчик, рад тебя видеть! – воскликнул он.

– И я рад тебя видеть, отец. Прости, что я задержался, но дорога сюда была просто отвратительной.

Он пересек комнату и подошел к дивану; последовала крошечная, но заметная пауза, которую наблюдатель-иностранец вроде доктора Боттвинка, присутствуя он в комнате, отметил бы с интересом. В любой другой европейской стране встреча отца и сына при подобных обстоятельствах ознаменовалась бы объятием. Очевидно, об этом не могло быть и речи. Роберт, разумеется, перестал целовать отца еще тогда, когда начал носить длинные брюки⁴. При встрече они, как и следовало англичанам, пожимали друг другу руку. Но есть что-то абсурдное в рукопожатии с лежащим человеком. В конце концов он пришел к компромиссу, слегка коснувшись одной рукой отцовского плеча.

– Садись вон там, – хрипло сказал лорд Уорбек, словно немного устыдившись такого проявления эмоций со стороны сына. Он указал на кресло, стоявшее по другую сторону камина. – Ты хорошо выглядишь.

– Да, спасибо, я в отличной форме, – сказал Роберт. – А ты выглядишь... – Он помолчал, и в голосе его зазвучала легкая тревога. – Как ты себя чувствуешь, отец?

– По большей части как обычно, – спокойно ответил лорд Уорбек. – Чувствую себя человеком, который тихо выжидает; жду, когда аневризма лопнет, или что там аневризмы делают. Прошло три месяца с тех пор, как молодой Кертис сказал мне, что я не доживу до Рождества; до него осталось несколько часов, так что я думаю, что дотяну. Я очень надеюсь, что ты сможешь мне продержаться и во второй день Рождества. Нет ничего хуже хозяина дома, который настолько дурно воспитан, чтобы решить испустить дух в такой момент.

Лицо Роберта, до этого выражавшее лишь сочувственный интерес, при словах «хозяин дома» приняло выражение сердитого неодобрения.

– Ты пригласил сюда Джулиуса, – сказал он ровным низким голосом.

– Да. Я упомянул об этом в последнем письме?

– Нет. Один из моих парней сказал мне. Он прочел об этом в газете.

– Что ж, газетчики в кои-то веки правы. Джулиус уже здесь, и, по словам Бриггса, занят тем, что добавляет что-то к подоходному налогу.

– Мне это не кажется смешным. – Говоря это, Роберт сердито смотрел в камин, и был так до нелепого похож на обиженного мальчика, что его отец, раздираемый противоречивыми

⁴ То есть примерно с восьмилетнего возраста, когда, согласно британской традиции, мальчики начинали носить полноценные брюки, а не шорты или бриджи.

чувствами – любовью и раздражением, – с трудом подавил улыбку. Но отвечая, он сумел овладеть собой.

– Шутка не очень хороша, признаю, но, кажется, это сам Джулиус так пошутил. Ты должен винить его, а не меня. В любом случае, мне незачем говорить, что подоходный налог – это не шутки.

– Дело не в этом, – настаивал Роберт.

– Да, это я понял. Ты возражаешь против присутствия самого Джулиуса.

– Конечно, возражаю. Отец, как ты мог позволить ему приехать сюда – именно ему?!

– Послушай, Роберт, – голос лорда Уорбека, хоть и слабый, звучал по-настоящему властно. – Мы с тобой не всегда и не во всем соглашались, но думаю, что по-своему ты, как и я, испытываешь глубокие чувства в отношении традиций нашей семьи и традиций этого дорогого нам старого дома. Насколько я помню – и даже дольше, чем я могу вспомнить, – Рождество в Уорбеке означало воссоединение семьи и друзей. От семьи уже мало что осталось. Не считая тебя, Джулиус – мой единственный ныне живущий близкий родственник. А поскольку это Рождество, похоже, станет последним для меня на этой земле, я был бы о себе плохого мнения, если бы сейчас нарушил эту традицию. Вот поэтому я решил, что следует оказать ему гостеприимство.

– А ты можешь сказать, почему он решил, что ему следует им воспользоваться? – перебил Роберт. – Ты говоришь о традициях, отец. А ты когда-нибудь пытался поговорить об этом с Джулиусом? Он – враг всего того, что мы поддерживаем. Он больше чем кто-либо из ныне живущих занимается тем, что уничтожает традиции... уничтожает нас... уничтожает страну. Полагаю, ты понимаешь, к каким последствиям приведет этот бюджет, когда...когда...

– Когда я умру. Да, разумеется, понимаю. Это будет конец Уорбек-Холла. Мне жаль тебя, Роберт. Тебя постигла неудача родиться в первом поколении людей, лишенных права собственности. Мне повезло больше. Я могу сказать о себе древним латинским изречением: *Felix opportunitate mortis*⁵. Можешь написать это на моем надгробии, если викарий тебе позволит. Но знаешь, – продолжил он, не дав Роберту времени возразить, – я думаю, ты слишком преувеличиваешь ту роль, которую сыграл в этом вопросе Джулиус. В конце концов, это точно так же случилось бы и без него. Он – лишь номинальная фигура, за которой стоит нечто большее. Я думаю, что, несмотря на все его позерство, он время от времени это осознает, и в такие минуты я нахожу его довольно-таки жалким.

– Жалким?! – Роберта было не остановить. – Сказать тебе, что я о нем думаю? Он не кто иной, как предатель своего класса, предатель своей страны...

– Не кричи, Роберт. Ты приобрел эту гадкую привычку, выступая на улицах. Кроме того, мне это вредно.

– Прости, отец. – Роберт тут же превратился в само раскаяние. – Но у меня всегда плохо получалось прощать своих врагов.

– «Врагов»? Не слишком ли крепкое слово? Я не желаю Джулиусу зла. Он, как и все мы, находится во власти того, что доктор Боттвинк назвал бы *Zeitgeist*⁶.

– Доктор Боттвинк? Это еще кто?

– О, весьма интересный человек. Ты скоро его увидишь. Он занимается исследованиями в фамильном архиве. Вряд ли это твой типаж, но мне он нравится.

– Фамилия похожа на еврейскую, – с отвращением сказал Роберт.

– Я его об этом не спрашивал, но не удивлюсь, если так и есть. А это имеет значение? Но мне, наверное, не следовало тебя об этом спрашивать.

Роберт минуту помолчал, а потом невесело рассмеялся.

– Это и в самом деле немного забавно, – сказал он. – Я приезжаю в Уорбек на Рождество, и обнаруживаю, что провести его мне придется с Джулиусом и каким-то евреем! Веселая у нас подобралась компания!

– Мне жаль, что ты так это воспринимаешь, мой мальчик, – серьезно сказал лорд Уорбек. – Вообще-то, доктор Боттвинк оказался здесь совершенно случайно. Но ты не будешь ограничен

⁵ Счастлив возможности умереть (*лат.*).

⁶ Дух времени (*нем.*).

лишь его обществом. Мы нынче не можем позволить себе большого гостеприимства, но все не так плохо.

С видом человека, готового услышать худшее, Роберт сказал:

– Понятно. И кто же остальные участники приема?

– Я вряд ли был бы в состоянии устроить прием, Роберт, даже если бы дом это позволял. Как я уже сказал, это просто последняя встреча в семейном кругу. Мало осталось людей, которых можно отнести к этой категории. Во-первых, конечно же, миссис Карстерс...

Роберт застонал.

– Миссис Карстерс! Я так и знал!

– Самая давняя подруга твоей матери, Роберт. Она также была крестной матерью твоего бедного брата, если память мне не изменяет. Мне было бы стыдно не пригласить её.

– Какая разница, кем она была? Я возражаю против того, кто она сейчас. Она – жена Алана Карстерса, и все, что ее заботит, – это как протолкнуть этого грязного политика вверх по грязной политической лестнице. К тому же, она невыносимо скучна, – добавил он.

– Что ж, – безропотно сказал лорд Уорбек, – будем благодарны за то, что грязный политик сейчас за границей и не станет тебя беспокоить. Будет еще одна гостя, – продолжил он. – Надеюсь, ты сочтешь это компенсацией за всех остальных.

В свете каминного пламени щеки Роберта казались красными. Он закусил губу, и повисла отчетливая пауза, прежде чем он повернулся и посмотрел на отца.

– Камилла? – спросил он.

– Да, Камилла. Надеюсь, ты рад.

– Я... Я какое-то время с ней не виделся.

– Я так и понял. Я надеялся, что поэтому ты еще больше обрадуешься возможности встретиться с ней.

– Спасибо, что подумал обо мне, отец.

– У меня в последнее время много времени для размышлений. Это одно из преимуществ, которым обладают больные в сравнении с обычными людьми. А ты и Камилла очень занимаете мои мысли.

Роберт молчал.

– Я люблю эту девушку, – мягко продолжил его отец. – Ты ей очень нравишься, или же я сильно ошибаюсь. Раньше я думал, что тебе она тоже очень нравится. Ты сильно изменился за последние пару лет, но я надеялся, что не в этом отношении. Я не настолько ретроград, чтобы думать, будто родители сейчас могут распоряжаться жизнью своих детей, но для меня было бы большим утешением знать перед смертью, что ты пошел по правильному пути. Почему ты не сделаешь ей предложение, Роберт? Сделай это Рождество счастливым для вас обоих, и предоставь мне справляться с остальными гостями!

Сначала Роберт не ответил. Он закурил и нервно стряхивал сигаретный пепел в камин.

– Послушай, отец, – сказал он наконец, – я давно хотел поговорить с тобой об этом... об этом деле, но это трудно. Я...

Он резко замолчал, так как открылась дверь, и в комнату вошел Бриггс.

– Подавать чай, милорд?

– Я же сказал, что мыждемся дам, Бриггс.

– Они только что прибыли, милорд. Как я понимаю, их задержал снегопад.

– Тогда мы будем пить чай немедленно. Скажите сэру Джулиусу, и спросите доктора Ботвинка, присоединится ли он к нам.

– Хорошо, милорд. Кажется, я слышу, что дамы уже идут сюда.

Он вышел и через мгновение вернулся, провозгласив:

– Леди Камилла Прендергаст и миссис Карстерс.

IV. Чай для шестерых

Внезапно возникло впечатление, что в комнате полно женщин. В спокойную мужскую атмосферу библиотеки, пахнущую дымом из камина и старыми книжными переплетами из телячьей кожи, вторглась новая волнующая стихия, созданная из женских запахов и звуков. Роберт почувствовал, что он и его отец сократились до незначительного меньшинства. Было трудно осознать, что на самом деле здесь присутствовали всего две женщины, и более того, одна из них была заметно молчалива. Однако ее недостаток самоуверенности вполне компенсировала ее спутница.

Когда друзья описывали поведение миссис Карстерс, они частенько говорили, что она «одна стоит многих», и так всегда было и будет; это описание подхватили и стали использовать и другие, менее дружелюбные комментаторы. Оно безусловно подходило к ее вторжению в библиотеку лорда Уорбека. Она заполонила ее подобно армии захватчиков, сея огонь направо и налево и оставляя население в состоянии потрясенной неподвижности.

– Дорогой лорд Уорбек! – воскликнула она, ворвавшись в комнату. – Как чудесно снова оказаться в этом милом старом доме! Вы были очень добры, решив пригласить меня, особенно с учетом того, что вы так нездоровы; но вам ведь лучше, не так ли? Мне сообщали о вас такие скверные новости, что в какой-то момент я в самом деле решительно *встревожилась*. Когда я получила ваше письмо с приглашением, я сначала едва поверила своим глазам, но я могла бы догадаться: это так похоже на вас – не забывать старых друзей, пусть даже наши дороги разошлись на долгие годы. Ах, Роберт, дорогой мальчик, как ты? С первого взгляда видно, что у тебя все хорошо. Боже мой, я боюсь, *наши* дороги чрезвычайно далеко разошлись! Но ничего, мы постараемся забыть о больных темах хотя бы на Рождество, правда? Рождество должно быть временем для забвения, так же как и для воспоминаний – я всегда так считала. Ох, позвольте мне подойти к этому прекрасному камину и оттаять! Я совершенно заледенела!

Лорду Уорбеку удалось вставить в этот монолог вопрос о том, как прошла поездка.

– Ужасно, ужасно! Если бы меня не подбадривала перспектива увидеть дорогой Уорбек, я даже не знаю, как бы я это вынесла. Поезд, конечно, опоздал, и в нем было холодно! Я прямо-таки вспомнила скверные старые времена до национализации железных дорог; однако полагаю, в те времена мы бы вообще до вас не добрались! А потом была еще ужасная поездка на машине. В самом деле, когда мы добрались до Телеграф-Хилл, снег пошел такой густой, что мы уже начали думать, что не доедем. К счастью, водитель оказался весьма разумным молодым человеком, у него были с собой цепи, и он...

Решительно, комната была полна женщин. Но не миссис Карстерс, несмотря на всю ее болтовню, привлекала к себе наибольшее внимание. Пока лился этот безжалостный поток банальностей, Камилла Прендергаст тихо подошла к дивану и наклонилась к лорду Уорбеку. Последовал быстрый, едва слышный диалог, обмен поцелуями, а потом она выпрямилась и подошла к Роберту. Он стоял у окна, и лицо его было маской равнодушия.

– Ну, Роберт, как ты поживаешь?

– О, хорошо, спасибо. А у тебя все хорошо?

– Да, спасибо.

За время последовавшей за этими словами паузы история миссис Карстерс успела проделать путь от Телеграф-Хилл до сугробов в Тэнгли-Боттом. Тут Камилла рассмеялась.

– Кажется, нам больше нечего сказать друг другу, да?

– Похоже на то.

Она посмотрела в окно поверх его плеча. К оконным стеклам прилипали мелкие снежинки.

– Взгляни на этот снег! – сказала она. – Сыплет так, словно и не собирается прекращаться. Роберт, а тебе не приходило в голову, что было бы просто убийственно, если бы мы оказались заперты здесь на долгие дни, и нам нечего было бы друг другу сказать, кроме «Как поживаешь»?

Роберт не смотрел на снег. Вместо этого он очень пристально смотрел на Камиллу. Внезапно он усмехнулся, но было ли его веселье подлинным, трудно было сказать.

– Совершенно чудовищно, – ответил он.

Появление Бриггса с чайным сервизом положило конец этой беседе – если ее можно было так назвать. Сразу вслед за ним вошел сэр Джулиус, потирая руки и излучая добродушие.

– Чай! – воскликнул он с видом человека, столкнувшегося с неожиданным угощением. – Великолепно! То, что нужно в такой холодный день!

– Надеюсь, на сегодня ты покончил с угнетением богатых, Джулиус, – сказал лорд Уор-бек. – Полагаю, мне не нужно тебя никому представлять.

– Представлять меня! – воскликнул сэр Джулиус с преувеличенным удивлением. – Полагаю, что нет. Камилла, дорогая, ты еще красивее, чем всегда!

– Благодарю вас! Знаете, я уже начала бояться, что никто этого не заметит.

– Моя дорогая юная леди, я не поверю, что кто-либо может быть настолько слеп. Если бы я был немного моложе, я бы... Ах, миссис Карстерс! Какое удовольствие видеть вас! Мы весьма кстати встретились. Я как раз читал один государственный документ, мастерски составленный неким джентльменом в Вашингтоне – весьма мастерски, даю вам слово. Ваш муж там отлично выполняет свою работу. Он нас всех просто поразил.

– Меня он не удивил, сэр Джулиус, – несколько резко прервала его миссис Карстерс. – Я давно знаю, что у него лучшая голова в парламенте по части финансов; я бы даже сказала, что и в стране... даже если...

– Даже если – что? – хорошее расположение духа сэра Джулиуса ничуть не изменилось. – Даже если, скажем, некий человек занимает должность канцлера казначейства, а мистер Карстерс нет? Ничего, его время еще придет. Будет и на его улице праздник, ведь все мы смертны. Скажите ему, что не стоит проявлять нетерпение. Это золотое правило политики.

Что-то очень похожее на усмешку донеслось от оконного проема, и сэр Джулиус быстро повернулся в ту сторону.

– А, Роберт, – сказал он заметно более холодным тоном, – я не заметил тебя там, у окна. Как ты поживаешь?

– Здравствуйте, – ответил Роберт так же холодно.

– Я так понимаю, ты только что приехал?

– Да. У меня вчера была важная встреча в Лондоне.

– Понятно. Лига Свободы и Справедливости, полагаю?

– А что, если и так? Разве вас это как-то касается?

– Я считаю, что это касается любого думающего мужчины и женщины в этой стране, кого волнует демократия.

– А я считаю, что то, что вы с таким удовольствием называете демократией...

– Камилла, ты, кажется, не знакома с доктором Боттвинком. – Спокойный голос лорда Уорбека прервал эту перебранку. – Очень любезно с его стороны проводить время здесь, копаясь в наших фамильных документах. Доктор Боттвинк, позвольте вас познакомить: леди Камилла Прендергаст, миссис Карстерс, мой сын Роберт. С сэром Джулиусом вы уже знакомы. Теперь, как мне кажется, наша небольшая компания в сборе. Вряд ли кто-то еще заглянет к нам в такой день. Задерните шторы, Бриггс. Камилла, ты не разольешь чай?

Напряжение спало. Занявшись монументальным серебряным чайником для кипятка, который Бриггс счел уместным по такому поводу, Камилла поймала себя на том, что в голове у нее крутится полузабытый стишок:

*Напились чайку и, не помня досад,
Все счастливы стали опять⁷.*

По крайней мере на какое-то время воцарился мир. Вид сахарницы побудил миссис Карстерс вовлечь сэра Джулиуса в обсуждение технических деталей пошлин на сахар, привозимый из

⁷ Строки из стихотворения «Метла, совок, кочерга и каминные щипцы» английского поэта Эдварда Лира (1812–1888), основоположника «поэзии бессмыслицы» (nonsense poetry). Отрывок приведен в переводе Г. Кружкова.

колоний. Роберт был поглощен беседой с отцом на какую-то столь же безобидную тему. Камилла заметила, что доктор Боттвинк смиренно стоит рядом с ней.

– Может быть, я поднесу лорду Уорбеку его чашку? – предложил он. – Кажется, все остальные заняты.

Она протянула ему чашку. Он неловко принял ее и чуть не уронил.

– Я должен извиниться за свою неуклюжесть, – серьезно сказал он, – но, по правде говоря, мои пальцы слегка онемели.

Он благополучно донес чашку до лорда Уорбека и вернулся. Камилла заметила, что Роберт демонстративно и почти презрительно его игнорирует. Она нарочно задалась целью быть любезной с этим покинутым маленьким человеком.

– Вы работали в фамильном архиве с незатопленным камином? – спросила она. – Вы, должно быть, погибаете от холода!

– Нелегко погибнуть от одного только холода, если есть еда, – нравоучительным тоном ответил доктор Боттвинк. – По крайней мере, так подсказывает мой опыт. Но там действительно холодно. Ученые говорят, что существует состояние, известное как абсолютный холод, и я склонен думать, что фамильный архив недалеко ушел от этого состояния.

– Вы очень хорошо говорите по-английски, – рассеянно сказала Камилла. Она смотрела мимо него на Роберта. Со своенравным удовольствием она заметила, что тот бросает сердитые взгляды в ее сторону, словно ее дружелюбие по отношению к этому иностранцу его раздражало. «Ну хотя бы так он мной интересуется», подумала она. Она не могла устоять перед побуждением рассердить его еще больше. Прервав его беседу с отцом, она сказала:

– Дядя Том, доктор Боттвинк рассказывает мне об абсолютном холоде. Вы знаете, что это такое?

– Нет, Камилла, но уверен, что это нечто крайне неприятное.

– Кажется, это очень похоже на комнату, где хранятся фамильные документы.

– Я прошу прощения, – любезно сказал лорд Уорбек, поворачиваясь к историку. – Боюсь, в нынешние времена мне трудно обеспечить гостей тем комфортом, каким бы мне хотелось.

– Что вы, лорд Уорбек, уверяю вас, это пустяки. Мне не следовало этого говорить, даже в шутку. Много раз за свою жизнь я испытывал гораздо более сильный холод, так что повторюсь: это пустяки.

Доктор Боттвинк порозовел от смущения.

Роберт впервые обратился к нему напрямую:

– Без сомнения, в вашей родной стране гораздо холоднее, – медленно произнес он. – А могу я спросить, какая страна является вашей родиной?

Перед лицом этой преднамеренной грубости доктор Боттвинк снова стал совершенно спокоен.

– Трудно сказать точно, – ответил он. – По национальности я австриец, чех и немец – именно в таком порядке. Но я также немного русский, и случилось так, что родился я в Венгрии. Так что в моем происхождении довольно много ингредиентов.

– Включая еврейские, я полагаю?

– Разумеется, – ответил доктор Боттвинк с вежливой улыбкой.

– Доктор Боттвинк, не сочтите за беспокойство передать мне вон те маленькие пирожные, – вмешался лорд Уорбек. – Благодарю вас. Вы не представляете, как я стал завидовать людям, которые могут принимать пищу сидя. Есть лежа – это самое неопрятное из известных мне занятий.

Камилла поправила подушки за его спиной.

– Бедный дядя Том! – сказала она. – Это значит, вы не сможете поужинать с нами сегодня?

– Да, Камилла, именно так. Полагаю, я усну задолго до того, как вы встретите Рождество. Роберт будет хозяином вместо меня. Надеюсь, ты не против.

Камилла посмотрела на Роберта. Он слегка покраснел и избегал ее взгляда.

– Надеюсь, Роберт не против, – сказала она мягко. – Миссис Карстерс, могу я предложить вам еще чашку чая?

– Спасибо, дорогая, только не слишком крепкий. Как я уже говорила, сэр Джулиус, мой муж совершенно убежден, что производители сахара в колониях...

– Лорд Уорбек, – робко сказал доктор Боттвинк, – возможно, с учетом всех обстоятельств, было бы предпочтительнее, если бы я отказался от вашего любезного приглашения поужинать с вашей семьей сегодня вечером? Мне кажется, что может быть...

– Глупости, мой дорогой, – добродушно ответил его светлость, – я настаиваю, чтобы вы его приняли. Вы должны считать себя таким же гостем в этом доме, как и все остальные.

– Но...

– Ну конечно, вы должны поужинать с нами, – вставила Камилла. – Если вы откажетесь, мне не с кем будет беседовать. Еще чаю, Роберт? – невинно добавила она.

– Нет, спасибо, – многозначительно ответил Роберт и встал. – Если сегодня вечером я должен председательствовать на этом праздничном ужине, то мне лучше пойти и поговорить с Бриггсом о напитках.

Он демонстративно вышел из комнаты.

После его ухода возникла неловкая пауза. Миссис Карстерс, у которой временно иссякли описания проблем с колониальным сахаром, потрясенно и с выражением неодобрения смотрела ему вслед. Лицо лорда Уорбека покраснело от гнева, доктор Боттвинк был очень бледен. Рука Камиллы задрожала, и она поставила чашку со стуком, который громко прозвучал во внезапно воцарившейся тишине. Только сэра Джулиус, поглощенный пережевыванием кекса с изюмом, казалось, не заметил, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Первым заговорил лорд Уорбек. Он тяжело дышал и с трудом выговаривал слова.

– Я... прошу прощения, – сумел выговорить он. – Мой единственный сын... гость в моем доме... Мне стыдно...

– Не терзайтесь, милорд, молю вас, – быстро сказал доктор Боттвинк, чей английский стал более формальным чем когда-либо из-за напряженности ситуации. – Я прекрасно осознаю свое положение. Этого небольшого прискорбного инцидента следовало ожидать. Он лишь укрепил меня во мнении, что мне не следует присутствовать за сегодняшним ужином. Я ведь именно так и сказал вчера вашему славному Бриггсу. Не подумайте, что я не ценю вашего гостеприимства, но там, где дело касается политических вопросов...

– Никакой политики в этом доме, – слабым голосом сказал лорд Уорбек.

– Пойдемте-ка со мной, – твердо сказала Камилла, – я хочу с вами поговорить. – Она взяла озадаченного Боттвинка под руку и отвела его в дальний конец комнаты. – Послушайте, я отлично знаю, какие чувства вы испытываете, но вы просто обязаны помочь нам довести до конца этот вечер. Он в любом случае будет довольно неприятным, но без вас и с Робертом в его нынешнем расположении духа все будет еще хуже.

– Хуже, леди Камилла? Я не понимаю. Как он может оказаться еще хуже, ведь это я – виновная сторона в его глазах.

– О, не воображайте, что только вы один! Вы послужили для него лишь поводом продемонстрировать дурные манеры. Он ненавидит сэра Джулиуса так же сильно – я бы даже сказала, сильнее, потому что он считает его человеком, который предал свой клан. И миссис Карстерс он терпеть не может – по той же причине.

– А вас, миледи? Вас он тоже ненавидит? И если так, то за что?

– А вот это, – медленно ответила Камилла, – я и приехала выяснить.

– Я вас понял.

– Благодарю. Я знала, что вы поймете. Вы кажетесь... понимающим человеком.

Доктор Боттвинк с минуту помолчал. Затем, взглянув в сторону дивана, он сказал:

– Это ведь огорчило бы лорда Уорбека, если бы я отказался?

– Его бы это очень расстроило. Этот прием был целиком его идеей, и вряд ли он устроит еще что-то подобное.

Доктор Боттвинк вздохнул.

– Я многим обязан лорду Уорбеку, – сказал он. – Я присоединюсь к вам сегодня вечером, леди Камилла.

– Спасибо. Я очень вам за это благодарна.

– И все-таки, – печально продолжил он, – боюсь, что в лучшем случае я буду чувствовать себя несколько не в своей тарелке. Помимо того, что я вызываю неудовольствие мистера Роберта, между мной и остальными гостями так мало общего.

– Я уверена, что вы можете поладить с кем угодно.

Доктор Боттвинк покачал головой.

– Это не так, – возразил он. – Я – человек довольно специфической квалификации. Я с нетерпением ждал встречи с вашим канцлером казначейства, поскольку существуют некоторые аспекты теории и истории конституции, которые имеют отношение к его посту и по поводу которых, как я думал, он сможет меня просветить. Но когда я поднял эту тему за завтраком, я обнаружил, что он весьма неотзывчив – я бы даже сказал, несведущ.

Камилла рассмеялась.

– Это было очень наивно с вашей стороны, доктор Боттвинк, – сказала она. – Вы и в самом деле ожидали, что член кабинета министров непременно будет разбираться в конституционной истории? Он слишком занят управлением своим министерством, чтобы беспокоиться о таких вещах.

– Боюсь, мои познания об Англии все еще несовершенны, – спокойно сказал историк. – На континенте раньше часто можно было встретить профессоров истории на министерских постах.

– Что ж, не думайте, что вы станете душой компании, настойчиво расспрашивая Джулиуса о британской конституции, – твердо сказала Камила. – Он вообще ненавидит разговоры о службе. Разве вы не заметили, как утомила его миссис Карстерс болтовней о пошлинах на сахар? Нет, если вы хотите его разговорить, попробуйте затеять разговор о гольфе или рыбалке. Это единственные темы, которые его по-настоящему увлекают.

– Гольф и рыбалка, – серьезно повторил доктор Боттвинк. – Благодарю вас, леди Камила. Я запомню. Возможно, с вашей помощью я даже наконец пойму английскую общественную жизнь!

V. Роберт в затруднительном положении

Роберт закрыл за собой дверь в библиотеку и со вздохом облегчения шагнул в коридор. Чтобы дойти до людской, ему нужно было повернуть налево, но вместо этого он после минутного колебания повернул в противоположную сторону. Он прошел всего несколько шагов и в удивлении остановился. У стены в углу коридора стоял человек, по всей видимости всерьез увлеченный созерцанием портрета шестого лорда Уорбека верхом на коне и в компании мид-маркширских фоксхаундов⁸. Незнакомец был одет в опрятный серый твидовый костюм и выглядел весьма крупным, но при этом умудрялся казаться незаметным. Похоже, он чувствовал себя совершенно свободно, и при приближении Роберта посторонился, чтобы пропустить его, с видом человека, который ждет, что его присутствие будет восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Роберт был не в настроении принимать что-либо или кого-либо как нечто само собой разумеющееся. Он почувствовал, что Рождество в Уорбеке превращается для него в череду неприятных сюрпризов. Присутствие еще одного нежданного гостя оказалось последней каплей.

– А вы, черт подери, кто еще такой? – свирепо спросил он.

– Мое имя Роджерс, сэр, – любезно ответил крупный мужчина. Его голос звучал странно обезличенно, словно исходил из чрезвычайно благовоспитанного автомата.

– И чего вы здесь шляетесь?

– Ну, сэр, шляюсь я по работе, если можно так выразиться. Вот моя карточка, сэр.

В его руке неожиданно материализовалась маленькая квадратная карточка, и Роберт прочел:

ПОЛИЦИЯ ЛОНДОНА. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Джеймс Артур Роджерс, сержант полиции Лондона.

Сим удостоверяется его право и полномочия исполнять обязанности, соответствующие занимаемой им должности.

– Понятно, – он протянул карточку владельцу, держа ее кончиками пальцев, словно само ее прикосновение было ему неприятно. – Так вы один из этих, да? А мы с вами раньше не встречались?

– Да, сэр. В последний раз – в воскресенье, двадцатого сентября, между восемью и десятью часами вечера.

– А?

– Уличный митинг. Лига Свободы и Справедливости, сэр. Я был на дежурстве.

– Ясно. А теперь, полагаю, они послали вас сюда, чтобы вы продолжали за мной шпионить?

– О нет, сэр. Я здесь на охранной службе – присматриваю за сэром Джулиусом.

Роберт откинул голову и расхохотался.

– Охрана! – сказал он. – Вот это забавно! Как будто она ему нужна! Я тебе вот что скажу, приятель, и можешь передать это своим начальникам в Скотланд-Ярде: когда наше движение придет к власти, ты и тебе подобные останетесь без работы.

– О нет, сэр, – невозмутимо ответил агент. – Точно так же говорили раньше друзья сэра Джулиуса, когда я присутствовал на их собраниях. Вам точно так же понадобится охрана. Она всем нужна.

Осторожное покашливание за спиной заставило Роберта резко обернуться.

– Прошу прощения, сэр, – Бриггс говорил вполне почтительно, но его взгляд выражал неодобрение. По-видимому, беседа между сыном хозяина дома и полицейским не предусматривалась традициями Уорбек-Холла. Он повернулся к сержанту Роджерсу. – Чай ждет вас в комнате экономки, мистер Роджерс, – быстро сказал он.

– Спасибо, мистер Бриггс.

– Не хочу вас задерживать, сержант, – с нажимом сказал Роберт.

⁸ Английская лисья гончая

– Очень вам благодарен, сэр, – благодушно и без капли смущения ответил Роджерс и удалился.

Роберт с отвращением смотрел ему вслед.

– Вот с чем нам нынче приходится мириться, Бриггс, – заметил он.

– Да, сэр. – Дворецкий снова кашлянул. – Простите, мистер Роберт, но удобно ли вам будет поговорить со мной сейчас?

Роберт повернулся и молча посмотрел на него. Бриггс сохранял почтительную позу, которую усвоил за долгие годы службы, но он встретил взгляд хозяйского сына и выдержал его не дрогнув, так что в конце концов первым взгляд отвел Роберт.

Тем же почтительным тоном Бриггс продолжил:

– Я затопил камин в курительной, сэр. Наверное, там будет удобнее всего.

Все еще молча Роберт прошагал по коридору, вошел в дверь, которую распахнул перед ним Бриггс, и бросился в кресло у камина в курительной. Дворецкий, как ему и следовало, остался очень прямо стоять в центре ковра, а Роберт вытянул перед собой длинные ноги и угрюмо уставился на носки своих ботинок. Тишина становилась все более гнетущей, и в конце концов Роберт не выдержал. Подняв взгляд, он внезапно рывкнул:

– Ну, Бриггс? Почему вы ничего не говорите?

– Я надеялся, сэр, что вы сами что-нибудь предложите.

– У меня нет предложений.

– В таком случае, сэр, позвольте мне обратить ваше внимание на то, что моя дочь Сьюзан сейчас...

– Слушайте, Бриггс! – Роберт вскочил, и его великолепная атлетическая фигура возвышалась над покорно стоявшим перед ним дворецким. – Что толку снова поднимать эту тему сейчас? Вы, так же как и я, прекрасно понимаете сложившееся положение. Мы уже столько раз об этом говорили. Я думал, что уж кто-кто, а вы станете мне доверять. Я обещал вам раньше, и могу пообещать сейчас...

– Обещания – это прекрасно, мистер Роберт, – ровным голосом сказал дворецкий, – но с тех пор прошло некоторое время, и сейчас нужно принимать в расчет двоих, не говоря уж обо мне. Самое время сделать что-нибудь.

– Вы в самом деле считаете, что сейчас подходящее время что-то делать, как вы выражаетесь? Сейчас, когда мой отец опасно болен, а в доме полно народа? Вы ведете себя в высшей степени неразумно, Бриггс. Все пока должно идти так, как идет. Когда у меня будет возможность поговорить с отцом, я это сделаю.

– Боюсь, этого недостаточно, сэр.

– Бриггс! – тон Роберта стал грозным. – Вы пытаетесь мне угрожать?

– Я бы не стал так выражаться, сэр.

– Это дело мое и Сьюзан. Она совершеннолетняя и вполне способна о себе позаботиться. Если бы ее не устраивало нынешнее положение, она была бы здесь, чтобы сказать мне об этом.

– Она здесь, сэр, – спокойно сказал Бриггс.

– Здесь? – Роберт был заметно ошарашен. – Вы хотите сказать, что она в самом деле сейчас здесь, в этом доме?

– Именно, сэр.

Добрых полминуты Роберт молчал. Затем сказал тоном человека, признающего свое поражение:

– Полагаю, она хочет меня видеть?

– Нет, сэр. – Бриггс говорил так бесстрастно, словно обсуждал выбор послеобеденного ликера. – Она испытывает определенную неловкость от встреч с людьми в ее нынешнем положении. Это одна из причин, по которой она считает... мы считаем... что было бы желательно как можно скорее прояснить ситуацию.

– Понятно... Понятно. – Голос Роберта снова стал резким. – И вы привезли ее сюда, чтобы оказать на меня дополнительное давление? Отличный образчик шантажа, Бриггс, честное слово!

– Я против того, чтобы называть это шантажом, сэр.

– А что же это еще такое? У вас нет других известных мне причин пускать ее в этот дом.

– Сэр, – сказал Бриггс, впервые проявив нечто похожее на чувства, – насколько я понимаю, Рождество – это время воссоединения семьи, даже для дворецких. А что касается давления, то я надеюсь, в этом не будет необходимости. Мы все еще надеемся, что вы во всех отношениях поведете себя как подобает джентльмену.

Слово «джентльмен» в устах Бриггса прозвучало с такой силой и простотой, что на мгновение Роберт лишился дара речи. Возможно, лишь человек в положении Бриггса мог употребить это слово именно таким образом. Сам он по определению не был джентльменом, но он поклялся служить благородному сословию, и сейчас он взывал к тем нормам, согласно которым он и ему подобные прожили всю свою жизнь, и без которых эта служба опустилась бы до уровня простого холопства.

Роберт, хоть и был зол и встревожен, в какой-то степени ощутил то глубокое чувство, которым были наполнены спокойные слова дворецкого. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуть разговор в практическое русло.

– Вы только что сказали, что Сьюзан не хочет никого видеть. Но ведь другие слуги в доме...

– Мне пришлось довериться кухарке и старшей горничной, сэр, но лишь в определенных пределах. Они знают, что она – моя дочь, но не более того. У них сложилось впечатление, будто она вдова, и я не стал их разубеждать. Как бы я ни сожалел о необходимости прибегать к подобным ухищрениям, сэр, мне показалось, что так будет лучше всего.

– Понимаю... Бриггс, мне нужно все это обдумать. Я...

Слабое позвякивание вдалеке вклинилось в его запинаящуюся речь. Бриггс тут же насторожился. Он слушал Роберта с напряженным вниманием, но сейчас прервал его без всяких церемоний:

– Прошу прощения, сэр. Кажется, это звонит его светлость.

Он пошел к двери. Едва он протянул руку к дверной ручке, как дверь распахнулась – на пороге стояла Камилла. Он остановился едва вовремя, чтобы не столкнуться с ней. Порозовев от смущения, он шагнул назад, пробормотав:

– Прошу прощения, миледи. Я понятия не имел...

– Все в порядке, Бриггс, – сказала Камилла, чуть задыхаясь. – Его светлость хочет, чтобы вы помогли ему подняться наверх. Он решил лечь.

– Хорошо, миледи.

Бриггс удалился быстрым, но размеренным шагом, который является профессиональным секретом дворецких, и Камилла повернулась к Роберту.

– Дай мне сигарету, – отрывисто сказала она.

Роберт протянул ей свой портсигар и поднес зажигалку. Камилла стояла у огня, положив одну руку на каминную полку и глядя вниз, на огонь. Поза была привлекательная, а колеблющиеся отсветы от горящих поленьев придавали яркость и живость ее чертам, которые ценитель женской красоты в обычное время считал бы несколько холодными и бесстрастными. Если Роберт и заметил производимый эффект, то постарался этого не показывать. Он подождал, пока она выкурит половину сигареты, и только потом нарушил молчание.

– Я думал, отец хочет посидеть подольше, – сказал он. – Ему ведь не стало плохо или что-нибудь в этом роде?

– Нет, с ним все в порядке. Он просто пожаловался на усталость.

– Неудивительно, что он устал, если ему пришлось слушать, как Джулиус и эта Карстерс говорят о сахаре.

– Ну, он, по крайней мере, выдержал дольше, чем ты, Роберт, – сказала Камилла, чуть усмехнувшись.

Разговор снова прервался, и непохоже было, что Роберту хочется его возобновлять. Наконец Камилла бросила окурочек в камин и повернулась к нему.

– Ну, – спросила она, – и как прошло обсуждение с Бриггсом?

– Обсуждение? – Роберт тут же насторожился. – О чем ты? Что я должен был с ним обсуждать?

– Вино к сегодняшнему ужину, – ответила Камилла с невинным и удивленным видом. – Я думала, именно для этого ты с такой неохотой прервал чаепитие.

– Ах, это... Да, напитками мы вполне обеспечены.

– Я надеюсь, что вина будет достаточно, – Камилла вдруг позволила себе небольшую вспышку злости. – Я сегодня собираюсь много пить. Я решительно намерена как следует напиться.

– Это чрезвычайно усилит твою привлекательность.

– Что ж, ее ведь надо усиливать, верно? Пока что она не произвела должного эффекта.

– Напротив, Джулиус сделал тебе очень красивый комплимент, да и твой новый еврейский друг, кажется, совершенно покорен. Он уже попросил тебя уехать с ним в Палестину?

– Бедный Роберт!

– Не знал, что я нуждаюсь в сочувствии.

– Нет? Может, и не нуждаешься; но это делает тебя еще более жалким. Знаешь, раньше ты был очень приятным человеком, а теперь ты стал угрюмым и озлобленным. Что случилось?

– Ничего, насколько мне известно.

– Роберт, это чушь. Человек не может измениться, как изменился ты, и не знать, что с ним случилось.

– Не понимаю, где произошли перемены. Я ведь никогда не любил евреев и социалистов, я и сейчас их не люблю.

Камилла нетерпеливо вздохнула.

– А мы можем не приплетать сюда политику? – спросила она.

– Безусловно. Я ведь не просил тебя о ней заговаривать.

– Я не против этой твоей Лиги Свободы и Справедливости...

– Как мило. Я так и передам им, когда вернусь в Лондон. Они испытают громадное облегчение.

Камилла отмахнулась от попытки ее прервать.

– Ты можешь быть кем пожелаешь, черт побери, при условии, что это ты, а не эта ужасная, циничная карикатура на самого себя, – настойчиво продолжила она.

– Ты несешь какую-то ерунду!

– Роберт! – Камилла ухватила его за рукав. – Роберт! Посмотри на меня! Мы с тобой знакомы почти всю жизнь, с тех пор, как были детьми. Бесплезно притворяться передо мной и делать вид, что ничего не случилось, когда всякому легко заметить, что ты ужасно несчастен! Ты... Позволь мне помочь тебе, Роберт. Я ведь не слишком много прошу. Мы с тобой были такими друзьями. Я... Я все, что угодно, сделаю, чтобы помочь тебе. Ты понимаешь, о чем я, Роберт? Все, что угодно! Я просто больше так не могу. Посмотри на меня, ради бога, посмотри на меня!

– Отпусти меня, Камилла, – сказал Роберт сквозь зубы. – Предупреждаю, отпусти!

– Нет, пока ты не скажешь мне, в чем дело. Можешь сказать, что ненавидишь меня, если хочешь, только объясни мне почему. Видит бог, я не хочу делать ничего, что причинит тебе боль. Я просто хочу помочь. Я хочу... Я хочу...

– Ты хочешь, ты хочешь! – Роберт внезапно повернулся к ней. Его сильные руки схватили ее за плечи, его лицо было в нескольких дюймах от ее лица. – Ладно, я знаю, чего ты хочешь! Незачем было ходить вокруг да около. Ты хочешь мужчину. Ты ведь за этим сюда приехала? Ладно, вот он, твой шанс. Не хочешь запереть дверь и погасить свет? Полагаю, мы вполне можем устроиться на диване.

– Роберт, мне больно! Отпусти!

– Или, может, ты хочешь подождать до вечера, когда ты хорошенько наберешься шампанского, чтобы преодолеть свою девичью скромность? Ты ведь сама только что сказала, что собираешься напиться. Наверное, так будет лучше всего, и я тоже могу выпить, чтобы мы были в равном положении. Как думаешь, ты сможешь дотерпеть до вечера?

– Ты сошел с ума, Роберт! Бога ради, отпусти меня!

– Значит, договорились, моя красотка. По крайней мере, у одного из нас будет счастливое Рождество. И в качестве напоминания, пока ты не ушла...

Он три или четыре раза поцеловал ее – силком, грубо прижимая свои губы к ее губам.

– Пока что хватит, – сказал он, отпуская ее. – Надеюсь, ты удовлетворена?

Побледнев от гнева, Камилла отшатнулась от него.

– Ты омерзителен, омерзителен! – всхлинула она. – Ты грязное животное! Убила бы тебя за это!

Она с размаху влепила ему крепкую пощечину и, прежде чем он снова пошевелился, выбежала из комнаты.

VI. Компания в буфетной

Буфетная в Уорбек-Холле, как отметил в разговоре с Бриггсом доктор Боттвинк, была частью изначальной постройки, независимо от того, имел ли отношение к ее строительству мифический Перкин или нет. В какой-то период часть того, что в Средние века было главной гостиной, отделили перегородкой, и в результате получилась узкая прямоугольная комната с непропорционально высокими для такой ширины стенами. Подтверждением древности этого помещения теперь служил лишь вымощенный камнем пол да крошечные стрельчатые окна, вырубленные в массивной внешней стене. Вдоль стен располагались шкафы и полки, на которых были тщательным образом расставлены и разложены столовое серебро, стаканы и бокалы, средства для уборки и все приборы, требуемые цивилизацией с точки зрения дворцового. Это были владения Бриггса – холодные, аскетичные и безупречно чистые; и здесь, уложив своего хозяина в постель, Бриггс закатал рукава, повязал на своей обширной талии суконный фартук и принялся за увлекательное занятие – полировку ложек и вилок для сегодняшнего ужина. Свет от лампочки без абажура падал на его блестящую лысину. В холодном воздухе, пропитанном запахом средства для полировки, от его дыхания шел пар.

Через некоторое время дверь за его спиной тихо отворилась, и показалась головка молодой женщины. У нее было хорошенькое, хоть и ничем не примечательное лицо, искаженное тревогой, отчего уголки ее рта были все время опущены. Ярко-рыжие волосы резко контрастировали с бледностью щек. Помедлив и понаблюдав, она наконец вошла в комнату и тихонько подошла к столу, у которого стоял дворецкий.

– Папа! – тихо выдохнула она. – Папа!

Не оборачиваясь и ни на мгновение не прерывая работы, Бриггс сказал:

– Напрасно ты пришла сюда, Сьюзан. Ты тут до смерти простудишься, девочка моя. Я ведь велел тебе сидеть наверху, у камина.

– Прости, папа, но я не смогла тебя дожидаться. Ты... Ты поговорил с ним, папа?

– Да, еще как поговорил.

– Что он сказал? Что он собирается делать?

Прежде чем ответить, Бриггс поднял к свету георгианскую лопатку для рыбы, подышал на нее и энергично протер кусочком замши.

– Этого я не могу сказать точно. Нас прервали прежде, чем мы до этого добрались. Но делать что-то нужно, и поскорее. Это я ему ясно дал понять.

– Ох, ну что толку говорить подобное? – раздраженно выпалила девушка. – Это значит, что ты снова позволил ему выкрутиться, и теперь он будет без конца изворачиваться и все откладывать, так же как и раньше.

– И все-таки я не думаю, что так будет и на этот раз, – мрачно сказал Бриггс, обращаясь, по-видимому, к ложечке для соли.

– Мне уже очень хочется пойти напрямиком к его светлости и рассказать все ему, – продолжила Сьюзан. – Вот это бы его расшевелило!

– Не вздумай, моя девочка! – Дворецкий развернулся на каблуках и впервые посмотрел дочери в лицо. Вид у него был такой свирепый, что она невольно отпрянула.

– Прости, папа, – с запинкой сказала она, – я не то имела в виду, правда.

– Надеюсь, что нет. Я не для того прослужил в этом доме сорок пять лет, чтобы устроить его светлости потрясение, которое сведет его в могилу. И если бы твоя бедная матушка была жива, она сказала бы то же самое.

– Он и правда настолько болен?

– Не думаю, что кто-то, кроме меня и его светлости, знает, насколько он болен, – серьезно сказал Бриггс. – Ему достаточно серьезного потрясения, чтобы угаснуть – вот так, – тут он щелкнул пальцами и вернулся к работе.

– А ведь странно, правда? – заметила Сьюзан, обращаясь к отцовской спине. – Я хочу сказать, странно то, что он там, а я здесь. Это ведь несправедливо. В конце концов, у меня есть права, как у всякого другого человека, разве нет?

– У тебя есть права, моя девочка, и в свое время ты ими воспользуешься, – уверил ее Бриггс. – А теперь беги-ка наверх.

Сьюзан отступила, но на полпути к двери остановилась.

– Папа?

– Ну что еще?

– Это правда, что он и я – вроде как кузены в каком-то смысле?

Дворецкий снова обернулся и молча посмотрел на нее.

– Кто-то рассказывает небылицы, – сказал он наконец.

– Так это правда?

– Цвет волос у тебя подходящий, – ответил Бриггс, глядя на волосы дочери. – Большого говорить не стану. Двоюродная бабушка твоей матери намекала, что во времена шестого виконта были какие-то шашни, но я никогда не обращал на это внимания, и тебе не советую. У тебя и без того уже полно проблем. Но если эта мысль дает тебе какое-то чувство общности с его светлостью, то я не возражаю. А теперь марш отсюда! Я не хочу, чтобы кто-нибудь вошел и застал тебя здесь.

Сьюзан исчезла, и Бриггс, покончив с чисткой серебра, принялся раскладывать его на подносе. Он проверял, все ли на месте, когда дверь буфетной снова отворилась.

– Бриггс, простите, что я вас потревожила. – Это была Камилла, лицо ее разругалось, и вела она себя необычайно возбужденно.

– Ничего страшного, миледи. Вам что-нибудь нужно? – спросил Бриггс, торопливо снимая фартук и надевая пиджак.

– Да. Я такая глупая – оказывается, я забыла взять с собой рожок для обуви. Я знаю, что у вас тут хранятся всякие сокровища. У вас есть такая штука?

– Обувной рожок, миледи? – Бриггс ненадолго задумался. – Да, думаю, я вам его найду.

Он открыл дверцу одного из шкафов и почти сразу достал оттуда элегантный серебряный рожок для обуви, который он протер кусочком замши, прежде чем отдать ей.

– Какая красивая вещица! – воскликнула Камилла. – Откуда он?

– Подарок, сделанный его светлости по случаю совершеннолетия, – пояснил Бриггс. – Не думаю, что им когда-нибудь пользовались.

– Вы просто чудо, Бриггс. Как же вы помните, где что лежит?

– Я уже давно здесь живу, миледи. Я наводил на этих полках порядок еще когда был помощником в буфетной, и полагаю, я могу разыскать тут что угодно.

Камилла пошла вдоль комнаты, распахивая один шкаф за другим.

– Чудесно! – повторяла она. – Похоже, тут ничего не изменилось с тех пор, как я ребенком заходила сюда и мешала вам работать.

– Конечно, все серебро на месте, миледи, и стеклянной посуды побилось совсем немного.

– Выглядит все просто прекрасно. А это вилки времен королевы Анны, да, Бриггс?

– Короля Уильяма и королевы Мэри, миледи... Прошу меня извинить, миледи, но мне нужно отнести серебро в столовую, чтобы накрыть на стол.

– Конечно, Бриггс. Вот опять я вам мешаю, совсем как раньше. В котором часу обед?

– В восемь часов, миледи.

– Значит, пока можно не переодеваться. Вы ведь верите, что я не украду что-нибудь из серебра, если я тут немного полюбопытствую? Я и забыла, как это все увлекательно.

– Разумеется, все в порядке, миледи, – ответил Бриггс, беря тяжелый поднос с серебром. Он остановился у двери и добавил: – Ваша светлость упомянули переодевание к обеду. Если позволите, я бы не рекомендовал надевать платье без рукавов. Боюсь, сегодня в столовой будет несколько прохладно.

Когда через четверть часа он вернулся в буфетную, леди Камиллы там не было, но в помещениях, где обитали слуги, еще не закончилось вторжение из другой части дома. Он услышал, как по вымощенному плитам коридору, который вел в кухню, стучат высокие каблуки, и до него донесся голос миссис Карстерс.

– Милый Уорбек! – услышал он. – Простите меня, кухарка, но я не могла устоять и не заглянуть сюда! Я бегая прямо-таки по всему дому, освежая старые воспоминания. Боже мой, сколько прекрасных обедов готовилось на моих глазах в этой вашей чудесной старой кухне!

Из услышанных им невнятных ответов на заигрывания миссис Карстерс Бриггс сделал вывод, что приняли ее вежливо, но не более того. Кухарку, которая в отличие от него не была прислугой старой закалки, слишком заботили трудности приготовления рождественского обеда на древней плите, чтобы радоваться тому, что ее отвлекают. Вскоре миссис Карстерс отказалась от попыток братания и ушла из кухни тем же путем, каким пришла. На обратном пути она остановилась у двери в буфетную, чтобы порадовать его своим присутствием.

– А, Бриггс! Я как раз объясняла кухарке, что я брожу по всему этому милому старому дому! И знаете, я в самом деле думаю, что вы занимаете лучшую его часть. В этом крыле царит совершенно уникальная атмосфера древности!

– В такую погоду это очень холодная атмосфера, мадам, – довольно черство сказал дворецкий.

– Да, да, конечно, я знаю. А некоторые люди еще и мерзнут гораздо сильнее прочих. Но все равно, Бриггс, вы должны признать, что это привилегия – работать в изначально построенном Уорбек-Холле, в комнате, которую построил сам Перкин Уорбек...

– О нет, мадам, я должен возразить! Это миф, который сочинили авторы путеводителей! У него нет никакого исторического обоснования.

Голос раздался у нее за спиной, и она удивленно обернулась.

– Мистер Боттлинг! Вы меня так напугали!

– Меня зовут мистер Боттвинк, мадам.

– Конечно. Боюсь, я очень плохо запоминаю имена, особенно иностранные. Я понятия не имела, что вы здесь. Откуда вы взялись?

– Из фамильного архива, – объяснил он. – Он находится прямо над нашими головами. Вот эта маленькая лестница в стене позади меня ведет прямо туда.

– Ах да! Я совсем про нее забыла. Мы называли ее «лестница Перкина». Наверное, вы бы сказали, что это тоже неправильно?

– Сожалею, мадам. Как бы сильно это ни огорчило вас и Бриггса, но это совершенно неверно. Тем не менее, эта старая буфетная – очень интересная часть здания. Вы знаете, что здесь остался лишь один небольшой фрагмент панелей с «льняными складками»⁹?

– Неужели? – сварливо ответила миссис Карстерс. – Вот уж не думала, что незнакомец будет рассказывать мне об Уорбеке. Я все-таки думаю, что вы ошибаетесь, мистер... м-м... доктор...

– И тем не менее он здесь, мадам. Совсем небольшой фрагмент, позади вон того шкафа рядом с раковиной. Там не на что смотреть – фрагмент сильно поврежден, и за последние несколько веков его много раз красили, но это, без сомнения, самый настоящий фрагмент панелей с «льняными складками», и он является ровесником материалов, из которых построен дом. Если вам интересно, я покажу его вам прямо сейчас.

– Если он в таком состоянии, как вы описали, то вряд ли стоит тратить время на его осмотр, – резко сказала миссис Карстерс.

– Верно, мадам. Он представляет собой малоинтересный объект – если не считать того, что, в отличие от Перкина Уорбека, он настоящий. – И, выпустив эту парфянскую стрелу, историк удалился.

– Нет, вы только подумайте! – миссис Карстерс тяжело дышала от негодования. – Похоже, этот джентльмен позволяет себе необыкновенно вольно обращаться с вашей буфетной, Бриггс. Мне это кажется совершенно неуместным. Ведь что угодно может случиться в помещении, в котором полно ценных вещей.

– Ну, мадам, – снисходительно сказал Бриггс, – нужно принимать в расчет то, что этот джентльмен, в конце концов, иностранец. Его, безусловно, очень увлекает все старинное и замшелое. Он сказал мне, что именно поэтому он так интересуется британской конституцией.

⁹ Льяные складки (*англ.* linen-fold) – готический орнаментальный мотив, изображающий сложенное в несколько раз полотнище, напоминающее льняную ткань.

– Это то, чего иностранцы никогда не поймут, – решительно заявила миссис Карстерс. – Они воображают, что мы до сих пор живем в прошлом. Они не осознают тех великих перемен, которые произошли в стране за последние несколько лет, и того, что последуют еще более великие перемены.

– Именно так, мадам, – сказал Бриггс, и было заметно, что говорит он это без всякого энтузиазма.

– Обед в восемь, как обычно, я полагаю?

– Да, мадам. Гонг к переодеванию будет в половине восьмого.

Разница в чувствах, которые Бриггс испытывал по отношению к миссис Карстерс и к леди Камилле Прендергаст, выразилась в том, что при прощании он решил не предупреждать первую из них о низкой температуре в столовой.

До подачи обеда нужно было выполнить еще множество дел. Сначала дворецкий отправился в погреб. Он вернулся оттуда минут через пять, осторожно неся бутылку в толстом слое паутины, и сердце у него упало, когда он заметил в буфетной еще одного посетителя. Он вздохнул с облегчением, поняв, что это всего лишь сержант Роджерс.

– Простите, что беспокою вас, мистер Бриггс, – сказал Роджерс, – но вы не видели где-нибудь поблизости моего парня?

– Сэр Джулиус не приходил сюда, насколько мне известно, мистер Роджерс. Он практически единственный из гостей, кто этого не сделал.

– Странно. Должно быть, он как-то от меня ускользнул. Я мог бы поклясться, что видел, как он удирает в этом направлении. В таком большом доме трудноато присматривать за людьми – вы не находите, мистер Бриггс?

– Присмотр за людьми не входит в мои обязанности, и я этому рад, мистер Роджерс. У меня и без того полно дел.

Бриггс достал с полки графин.

– Что ж, – философски сказал детектив, – полагаю, ему не повредит побыть немного в одиночестве. Да у вас тут бутылка отличного портвейна, мистер Бриггс!

– Если хотите знать, мистер Роджерс, – веско сказал Бриггс, – то это предпоследняя бутылка урожая 1878 года из запасов его светлости.

– Что вы говорите, мистер Бриггс! Сбор, который был до виноградной тли!

Бриггс взглянул на него с неожиданным уважением.

– Значит, вы разбираетесь в портвейне, мистер Роджерс? – спросил он.

– Немного, мистер Бриггс. Совсем чуть-чуть.

– В таком случае, мистер Роджерс, не будете ли вы будете так любезны помочь мне перелить его в графин?

– Буду горд, мистер Бриггс, – ответил детектив. Затем, когда Бриггс достал штопор, он с тревогой в голосе спросил, – Как вы думаете, с пробкой все в порядке? Может, имея дело с вином такого возраста, было бы разумнее отбить горлышко?

– Совершенно незачем, мистер Роджерс. Его покойная светлость велел повторно укупорить этот ящик всего-навсего в 1913 году, так что думаю, у нас не возникнет трудностей.

Бриггс оказался прав. Пробку вынули без проблем, и он твердой рукой перелил драгоценную жидкость в графин, пока Роджерс держал зажженную свечу у горлышка бутылки, чтобы обнаружить присутствие любых плавающих примесей.

– Ну вот! – сказал дворецкий, когда с церемонией было покончено. – Прекрасный осадок на стенках, и ни капли не осталось на доньшке. Я вам чрезвычайно благодарен, мистер Роджерс.

Оба восхищенно посмотрели на графин.

– Его светлость выпьет маленький бокал с бисквитом, – пробормотал Бриггс. – Доктор не позволил бы ему, если бы знал. Сомневаюсь, что гости в столовой выпьют хотя бы половину этой бутылки на всех. На дам он, конечно, будет потрачен напрасно... Думаю, если вы присоединитесь ко мне здесь после обеда, мистер Роджерс, на каждого из нас должно остаться по паре бокалов.

– Что ж, мистер Бриггс, – рассудительно сказал Роджерс, – было бы интересно узнать, в каком он состоянии после стольких лет.

И на этом два знатока портвейна расстались.

VII. Рождественский обед

Без десяти восемь Бриггс внес в малую гостиную поднос с графином хереса и бокалами. Ровно в восемь он ударил в большой китайский гонг в холле. Это была совершенно ненужная часть ритуала, поскольку он сам видел, что все пятеро гостей уже собрались; но он наслаждался этим именно как частью ритуала. Глубокий медный звук разнесся по большому полупустому дому, проникая в обветшалые свободные комнаты, в которых никто не гостил с Первой мировой, и эхом отдаваясь в помещениях для слуг, где вряд ли можно будет когда-нибудь снова увидеть слуг. Как ни странно, единственным человеком, который, кажется, разделял удовольствие, получаемое Бриггсом от этого звука, был сэр Джулиус, который снова на мгновение оказался во власти прошлого очарования.

– Чудесный тон у этого старого гонга, – заметил он, обращаясь к леди Камилле. – Я помню, что при открытых окнах его было слышно даже на другой стороне парка. Нет никого лучше китайцев в изготовлении подобных вещей. Помню, отец рассказывал мне, что этот гонг – часть трофеев, захваченных в Зимнем Дворце в Пекине. Великие были времена, великие!

– Надеюсь, сэр Джулиус, вы не хотите сказать, что разграбление Зимнего Дворца было похвальной страницей в истории нашей страны? – вмешалась миссис Карстерс.

– Сударыня, я лишь констатирую тот факт, что этот гонг – из Зимнего Дворца в Пекине, – с явным раздражением ответил сэр Джулиус.

– Прошу прощения, – неуверенно обратился доктор Боттвинк к Камилле, пока язвительная дискуссия продолжилась и перешла к событиям Ихэтуаньского восстания¹⁰ в 1900 году, – но откуда бы ни прибыл этот инструмент, он, если я не ошибаюсь, сигнализирует время обеда?

– О да, – уверила его Камилла, – именно к нему он и призывает.

– Тогда почему нам не послушаться этого призыва и не пройти в столовую?

– Так не полагается. Бриггс ведь еще не объявил о том, что обед подан. Он всегда ждет еще три минуты.

– Я понял. Ввиду того, что язык гонга, будучи китайским, вероятно, звучит неоднозначно, необходимо, чтобы этот призыв был подкреплён объявлением, сделанным на простом английском языке.

– На простом английском, доктор Боттвинк? – не удержавшись, переспросила Камилла. Как странно, подумала она, что из всех присутствующих этот незнакомец, с его странной педантичной манерой выражаться, был единственным человеком, с которым она могла беседовать с достаточной легкостью. Джулиус – напыщенный эгоист, миссис Карстерс – обычная зануда, а Роберт... Она взглянула в другой конец комнаты, где он стоял. Он уже выпил три бокала хереса, ни с кем не обменявшись ни словом, и теперь упрямо ее игнорировал.

– Простой английский? – повторил доктор Боттвинк. – Я понимаю, что вы имеете в виду, леди Камилла. Вы сказали бы, что на этом языке я не имею права говорить. Возможно, на языке Шекспира и Джонсона, которым я овладел. Но то, что вы зовете простым английским – эта последовательность ворчания и вариаций одной неопределенной гласной, при помощи которых решили общаться девять десятых населения этого острова...

– Обед подан! – торжественное объявление Бриггса избавило историка от необходимости придумывать конец предложения, которое стремительно становилось все более запутанным.

– Пойдемте в столовую, – предложил Роберт, впервые заговорив.

Обеденный стол представлял собой маленький остров посреди просторной комнаты, и в столовой было очень холодно, как и предсказывал Бриггс. Неудачно подобранная компания гостей уселась за стол в подавленном настроении. Роберт занял место во главе стола, но помимо этого, не проявлял никаких намерений исполнять долг хозяина. Он ел то, что перед ним ставили, обильно пил и ничего не говорил. Его явная скука по поводу всего происходящего задала тон

¹⁰ Восстание ихэтуаней (буквально – «отрядов гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах.

рождественскому обеду, который обещал быть поразительно безрадостным. Однако понемногу еда и спиртное стали оказывать на гостей свое влияние. Гости, начиная с миссис Карстерс, чью болтливость было ничем не обуздать надолго, пытались поддерживать то и дело прерывавшуюся беседу. И все же за столом царила атмосфера скованности и напряженности, которую им трудно было с себя стряхнуть. Краткие вспышки разговора перемежались долгими паузами, которые были наполнены гнетущим предчувствием чего-то дурного, и это нельзя было объяснить лишь температурой воздуха в столовой.

В конце концов именно доктор Боттвинк спас ситуацию и поспособствовал тому, что обед закончился более оживленно, чем можно было предположить в самом его начале. Очевидно, памятуя о советах Камиллы, он задал сэру Джулиусу вопрос о ловле рыбы на мушку. Государственный муж посмотрел на него с неприкрытым удивлением. Надо же, почти читалось на его лице, этот смешной маленький иностранец, оказывается, может быть человеком.

– А вы рыбак? – недоверчиво спросил он.

– В юности я очень любил это занятие, – спокойно сказал доктор Боттвинк. – В моей стране есть вполне сносные ручьи с форелью. Конечно, – извиняющимся тоном добавил он, – они ни в какое сравнение не идут с маркширскими реками, но по-своему они вполне хороши.

– Интересно, – сказал сэр Джулиус, пожатием плеч отмахиваясь от всех водоемов Европы. – Помню...

Камилла бросила на историка благодарный взгляд. Она знала, что рыбалка – это тема, на которую сэр Джулиус может очень долго и нудно рассуждать, но по крайней мере это гарантировало то, что каждый раз эта гнетущая тишина будет нарушаться на несколько минут кряду. Она не была разочарована. Джулиус с легкостью пустился в подробные рассуждения о технических деталях, трудностях и достоинствах рыбалки, в особенности с точки зрения утомленного государственного деятеля, желающего отдохнуть от тяжелых трудов. Он сравнил себя с покойным лордом Греем, тем самым представив этого политика в не совсем выгодном свете, и проиллюстрировал тему несколькими примерами из своей жизни, которые оказались для его слушателей такими же интересными, какими неизменно бывают истории о рыбалке, услышанные от других людей. Он только что предоставил публике размышлять об оригинальности очередного рассказанного случая, когда доктор Боттвинк, который следил за его рассуждениями с сосредоточенным вниманием, заметил:

– Ловля форели очень похожа на развитие любовной истории, вы не находите?

– А? – сэр Джулиус был явно обескуражен. Миссис Карстерс, которая до этого почти не обращала внимания на его монолог, внезапно застыла. Даже Роберт поднял глаза от тарелки с индейкой и удостоил доктора Боттвинка пристального взгляда.

– Но разве это никогда не приходило вам в голову, сэр Джулиус? Мне всегда казалось, что параллель между ними необычайно точна. Давайте посмотрим. – Он поднял руку и принялся загибать пальцы, приводя свои рассуждения. – Вы должны согласиться, что в обоих случаях вам для начала необходимо пойти на существенные расходы и хлопоты – в частности, на покупку дорогой наживки и приманок, многие из которых в конечном счете окажутся бесполезными. Затем, когда подготовительная стадия завершена, следует период мечтательности, когда накануне этого события вы обещаете себе неслыханную удачу и восторг. Третья стадия: происходит свидание – у воды или в другом месте, в зависимости от ситуации. Ваша добыча в пределах досягаемости, вы испытываете восхитительные муки ожидания и неопределенности. Далее, подумайте о трудностях и разочарованиях, с которыми вы можете столкнуться, о фатальных ошибках, которые вы можете допустить вплоть до последнего момента, когда уже почти уверены в успехе! И особенно не забывайте о том, что, каким бы умелым вы ни были, вы все же можете потерпеть поражение всего лишь из-за робости или нежелания, выказанных вашей жертвой – если только вы не призовете на помощь сочетание пыла и благоразумия, которое составляет особый дар влюбленного! И наконец, высший момент триумфа! Как он прекрасен и как краток!

Он завершил свою пламенную речь, выпив бокал шампанского среди внезапно наступившей тишины.

– Ну знаете ли! – воскликнула миссис Карстерс. Она сильно покраснела и сидела гораздо прямее, чем обычно.

Доктор Боттвинк встревоженно посмотрел на нее. Выражение его лица вопрошало: неужели он обидел еще одну непредсказуемую англичанку? Отведя взгляд от этого зрелища возмущенной добродетели, он неуверенно сказал:

– Боюсь, вы не совсем согласны с моим сравнением, сэра Джулиус.

– Нет, – сказал Джулиус, – не согласен. – Его любимое развлечение вдруг предстало перед ним в новом свете, и некоторое время было непонятно, обидело его это или показалось ему забавным. Чтобы поразмыслить, он тоже выпил бокал шампанского, и благородное вино решило за него. – Не совсем согласен, – продолжил он. – Потому что мне случалось поймать полдюжины рыб за двадцать минут, но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь мужчина...

– Сэр Джулиус! – протрубила миссис Карстерс подозрительно прерывающимся голосом.

Камилла поймала себя на том, что смеется, причем скорее от облегчения; и внезапно Роберт присоединился к ней и тоже расхохотался. Когда через несколько минут Бриггс внес рождественский пудинг, он обнаружил гостей «невероятно веселыми», как он позже сообщил Роджерсу.

Возникшее таким неожиданным образом хорошее расположение духа сохранилось у всех до конца обеда. С общего согласия дамы после десерта остались в столовой и наблюдали, как сэра Джулиус, а еще больше Роберт, налегают на драгоценный портвейн урожая 1878 года. Бриггс зашел спросить, подавать ли кофе в гостиную. Лицо его неодобрительно вытянулось, когда он увидел, как Роберт выливает последние капли из графина в свой бокал. Камилла заметила выражение его лица, но неверно поняла его причину. Роберт, конечно же, достаточно много выпил. Его молчаливость сменилась чрезвычайной разговорчивостью. В какой-то степени эта перемена была к лучшему: теперь в нем иногда проскальзывал тот Роберт, которого она знала прежде – остроумный, веселый и общительный. Он подшучивал над сэром Джулиусом и миссис Карстерс по поводу политики, но делал это беззлобно, и даже был любезен с доктором Боттвинком. Однако, когда человек выпивает, существует очень тонкая грань между тем, как подействует на него спиртное – в лучшую или же в худшую сторону. В любой момент он мог перейти эту грань и сказать или сделать нечто совершенно непростительное.

– Кофе лучше подать в малой гостиной, – сказал Роберт, проглотив остатки марочного вина, которое теперь безвозвратно закончилось. – И разложите карточный стол. Может, мы сыграем роббер-другой в бридж.

– Хорошо, мистер Роберт.

По пути в гостиную доктор Боттвинк отвел Камиллу в сторонку.

– Наверное, сейчас хорошая возможность удалиться, если вы меня простите, – сказал он. – Партию в бридж вы сыграете и без меня, я буду только лишним.

– Глупости, – твердо сказала Камилла. – Вы не можете покинуть нас сейчас. Кроме того... – тут она бросила взгляд на Роберта, который шел впереди с преувеличенной осторожностью подвыпившего человека.

– Он, конечно, немного перебрал, – рассудительно сказал доктор Боттвинк. – Вы считаете, что мое дальнейшее присутствие может оказаться полезным?

– Оказаться полезным? Дорогой мой, разве вы не понимаете, что просто спасли положение за обедом?

– Ах, вы об этом? – историк скупно улыбнулся. – Но это было легко. Я лишь вспомнил о знаменитом изречении сэра Роберта Уолпола¹¹ касательно беседы за обеденным столом, и действовал в соответствии с ним.

– Возможно, это изречение хорошо известно, но я никогда о нем не слышала. Так что же сказал сэра Роберт Уолпол?

Доктор Боттвинк колебался.

¹¹ Роберт Уолпол (1676–1745) – британский государственный деятель, один из самых влиятельных политиков в 1720-х и 1730-х годах. Он возглавлял правительство дольше, чем кто-либо в истории Великобритании, и считается первым британским премьер-министром.

– Возможно, мне не пристало его цитировать, – сказал он. – Его, наверное, не включали в учебники по истории для юных леди¹².

¹² Речь о цитате из книги современника Уолпола, шотландского писателя и мемуариста Джеймса Босуэлла «Жизнь Сэмюэля Джонсона»: «Не потому ли сэр Роберт Уолпол как-то сказал, что за столом он всегда говорит сальности, дабы в разговоре могли участвовать все?» (цитата приведена в переводе А. Ливерганта).

VIII. Последний тост

Часы показывали без десяти минут полночь. Последний роббер в бридж только что подошел к концу; сэр Джулиус и миссис Карстерс играли против Роберта и Камиллы. Не принимавший участия в игре доктор Боттвинк отодвинул штору и смотрел в окно. Он видел, что снег неумолимо продолжает падать. Доктора пробрала дрожь, он отпустил штору и вернулся к наблюдению за маленькой компанией, сидевшей за карточным столом. Сэр Джулиус, зажав в зубах сигару, громко ворчал, пытаясь подсчитать выигрыш. Сидевшая напротив миссис Карстерс нетерпеливо барабанила пальцами по столу, не скрывая презрения к медлительности партнера. Лицо Камиллы было повернуто к нему в профиль, но доктор Боттвинк видел, что она очень бледна. Ее поза показалась ему странно напряженной и неестественной. Она смотрела через стол на развалившегося в кресле Роберта, и доктор Боттвинк подумал, что будь ему видно выражение ее лица, он прочел бы на нем тревожное ожидание. Он в свою очередь тоже посмотрел на Роберта. Было совершенно ясно, что навеянное обедом добродушие было лишь временной прихотью. Сейчас в его поведении проскальзывала грубость, и в последние полчаса эта грубость проявлялась во все более исступленной и неудачной игре. Оставаясь незаметным зрителем в тени, доктор Боттвинк наблюдал за ним с холодной и стойкой неприязнью, вспоминая о других людях, которые исповедовали принципы, не слишком отличающиеся от тех, которых придерживалась Лига Свободы и Справедливости; эти люди в нетрезвом состоянии тоже бывали шумны и общительны, а потом совершали немыслимые преступления.

– Вы еще не подсчитали выигрыш, сэр Джулиус? – резко спросила миссис Карстерс. – Вы только посмотрите, который час! Мне давно пора быть в постели.

– Вы же не пойдете спать сейчас, – хрипло сказал Роберт. – Мы должны встретить Рождество.

– В этом нет никакой необходимости, – твердо ответила миссис Карстерс. – Завтра утром мне нужно встать рано, чтобы пойти в церковь, и мне все равно, чем собираются заняться все остальные.

– Боюсь, это окажется невозможным, – вступил в разговор доктор Боттвинк. – Насколько я могу судить из своих наблюдений, завтра утром снег не даст никому пойти ни в церковь, ни куда-либо еще.

Вид у миссис Карстерс стал раздраженный и встревоженный.

– До церкви совсем недалеко, – заметила она. – Наверняка нам смогут расчистить до нее дорогу.

– И кто же это сделает, дорогуша? Кто? – спросил Роберт, издав гадкий смешок. – Подручные конюха и младшие садовники? Вы, кажется, забыли, что в Уорбеке теперь нет подневольных работников. Вы с Джулиусом об этом позаботились!

Миссис Карстерс проигнорировала его.

– Сэр Джулиус, – сказала она угрожающе спокойно, – хотите, я помогу вам подсчитать выигрыш? Кажется, вы пребываете в некотором затруднении.

– Нет, нет, все в полном порядке, – промямлил Джулиус, не выпуская изо рта сигару и роняя пепел на стол. – Было трудновато – столько подсчетов над чертой, но теперь я понял. Посмотрим... Восемь и шесть – четырнадцать, один в уме... Получается, они должны нам один фунт, четыре шиллинга и пять пенсов, миссис Карстерс. Мои поздравления!

– Дайте посмотреть! – Миссис Карстерс протянула руку через стол и схватила таблицу с очками прежде, чем Джулиус успел возразить. – Уверена, что это неверный результат! Семь и четыре – одиннадцать, и десять – двадцать один... Я же говорила! Должен быть один фунт, четыре шиллинга и девять пенсов! Ну что же это такое, сэр Джулиус, ведь вы же канцлер казначейства!

– Ну, ну, – без всякого смущения ответил сэр Джулиус. – Слава богу, для того, чтобы заниматься государственными финансами, не обязательно быть докой в арифметике. Да один из моих предшественников даже не знал, что такое десятичные дроби, и когда впервые их увидел...

– Да-да, сэр Джулиус, – ядовито перебила миссис Карстерс, – уверена, что все присутствующие уже слышали эту историю как минимум один раз. И могу сказать, что с тех самых пор она служит дежурной отговоркой всех непригодных к своему делу канцлеров...

– Не-при-год-ных?! – по слогам произнес сэр Джулиус, приняв потрясенный и изумленный вид. – Ей-богу, это, наверное, последний эпитет, который я ожидал бы услышать в свой адрес из такого источника, миссис Карстерс! То есть я правильно предполагаю, что вы намеревались применить этот эпитет ко мне?

Миссис Карстерс не дала прямого ответа на этот вызов. Она удовольствовалась пожатием плеч и улыбкой, которая не очень-то соответствовала духу Рождества.

– Потому что, если именно таким было ваше намерение, – с упреком в голосе продолжил сэр Джулиус, – то я считаю нужным обратить ваше внимание на то, что оно не соответствует точке зрения моего чрезвычайно преданного сотрудника... – он произнес это слово не очень четко, сделал паузу, откашлялся и демонстративно повторил: – Моего сотрудника и коллеги – и вашего мужа.

Он стал с трудом подниматься из кресла, словно желая показать, что спор окончен – но напрасно. Будь он совершенно трезв, он бы понимал, что если что-то и может гарантированно вызвать в ответ возражение, так это упоминание об Алане Карстерсе.

– Да! Мой муж действительно очень преданный! – задыхаясь, быстро заговорила преданная жена. Ее красный блестящий нос дрожал от душевного волнения. – Как говорят его лучшие друзья, он даже слишком преданный, сэр Джулиус, чтобы думать о собственных интересах! Я лишь надеюсь, что интересы страны не страдают также по причине его бескорыстности. Повторю, я на это надеюсь, но бывают моменты, когда эта надежда становится очень слабой. Мое положение обязывает меня хранить молчание, но раз уж вы решили упомянуть его имя в нашей беседе, позвольте мне прямо сейчас откровенно сказать вот что: я уверена, что не одна я сожалею о том, что в такой критический для нашей истории момент финансы страны находятся не в его руках, а в руках...

– А в руках вашего покорного слуги, да, миссис Карстерс? – сэр Джулиус решил, что пришла пора при помощи своего добродушия утихомирить волнение, которое он так опрометчиво вызвал. – Ну что ж, вы, наверное, вряд ли станете ожидать от меня беспристрастности по этому поводу. Возможно, эту тему, если мне позволено так выразиться, вообще лучше не обсуждать – даже среди друзей. – Он оглядел комнату и на мгновение остановил взгляд на докторе Боттвинке, которому неожиданно случилось получить дополнительные сведения о современной британской политике. – Но поскольку мы находимся в кругу друзей, – продолжил он, понимая, что среди его слушателей есть те, на кого, возможно, стоило бы произвести впечатление, – позвольте мне с полной искренностью прибавить вот что: если – избави Бог! – какое-либо несчастье случится с нашим уважаемым премьер-министром, и если вследствие этого на мои плечи ляжет груз ответственности по формированию кабинета – а возможно, так и будет, – то думаю, мне не придется искать другого канцлера, помимо моего давнего друга и соратника, Алана Карстерса.

– Да-да, Джулиус! Правильно! – в голосе Роберта прозвучала пьяная ирония, резанувшая чуткое ухо канцлера.

– Вы сказали, один фунт, четыре шиллинга и девять пенсов, миссис Карстерс? – быстро спросила Камилла. – У меня есть точная сумма.

Слегка дрожащими пальцами она достала из сумочки деньги и передала их через стол.

– О, благодарю, дорогая Камилла. Очень достойно с вашей стороны.

Роберт встал и, пошатываясь, пошел к своему кузену.

– Один фунт, четыре шиллинга и девять пенсов, – сказал он с угрожающей улыбкой на полных губах. – Боюсь, у меня нет при себе наличных, Джулиус. Это редкий товар в нашей части семьи. Как жаль. Тебе за твою прекрасную речь полагается премия. Ты примешь чек?

– Да-да, конечно, мой дорогой.

– Прекрасно! Тогда завтра я его выпишу. О, кстати: полагаю, ты не станешь возражать, если он будет выписан со счета Лиги Свободы и Справедливости?

Сэр Джулиус отшатнулся, словно его ударили. Его лицо резко побледнело от гнева. Было видно, что он с трудом овладел собой; сдавленным голосом он сказал:

– Если ты собирался пошутить, Роберт, то могу лишь сказать, что шутка эта самого дурного тона.

– Никаких шуток! Я говорил совершенно серьезно. Не ожидал, что ты проявишь такую щепетильность по поводу происхождения денег, которые ты можешь получить. Это не похоже на тебя, Джулиус.

– Как ты смеешь предполагать, что я приму деньги от такой шайки?! Позволь тебе заметить, юноша, что связь с этой твоей так называемой лигой ставит тебя в опасное положение, в очень опасное!

Роберт поклонился с насмешливой серьезностью.

– Спасибо за предупреждение, дорогой кузен! Я в состоянии о себе позаботиться. Мне, во всяком случае, не нужен тупой полицейский для охраны. Кстати, где он? Я, кажется, не видел его вечером. Он маячит за дверью, держа в руках блокнот и карандаш? Давай пригласим его сюда! Он именно тот, кто сделает нашу счастливую компанию полной! Может, он одолжит мне фунт, четыре шиллинга и девять пенсов!

Он направился к двери, но Камилла быстро поднялась и преградила ему путь.

– Не говори глупостей, Роберт, – сказала она. – Если хочешь, я заплачу за тебя сэру Джулиусу.

Роберт остановился и посмотрел на нее сверху вниз с дикой ухмылкой.

– Один фунт, четыре шиллинга и девять пенсов, – повторил он. – Я ровно настолько тебя интересую, Камилла? Даже после того, что было сегодня днем? Какая у тебя, должно быть, прекрасная, всепрощающая натура! Жаль, что она пропадет понапрасну, правда? А теперь уйди с дороги. За дверью стоит самый настоящий коп из Скотланд-Ярда и просто мечтает, чтобы его впустили.

С противоположных концов комнаты к нему подошли доктор Боттвинк и сэр Джулиус.

– Леди Камилла, может быть, мне... – начал доктор Боттвинк.

– Роберт, ты пьян! Тебе следует немедленно отправиться в постель! – одновременно с ним сказал сэр Джулиус.

Оттолкнув их обоих, Роберт сделал два шага в сторону двери. Едва он подошел к ней, как она распахнулась с другой стороны, и в комнату вошел Бриггс. Перед собой он держал поднос с бутылкой шампанского и полдюжиной бокалов. Двигаясь с величественной неторопливостью, он прошел через комнату, в которой внезапно воцарилась тишина, и поставил свою ношу на сервировочный столик.

– Это еще за каким чертом нужно, Бриггс? – спросил Роберт.

– Осталось несколько минут до полуночи, мистер Роберт, – спокойно ответил Бриггс. – Я принес шампанское, чтобы, согласно традиции, гости выпили за наступление праздника.

Роберт засмеялся – сначала хрипло хихикая, затем все громче и громче, словно он не мог остановиться. Этот безрадостный смех заполнил собой комнату.

– Согласно традиции! – ерничал он. – Вот это да! Ты прав, Бриггс, будем придерживаться традиций, пока можем! Последнее Рождество в старом доме – спасибо кузену Джулиусу и его шайке грабителей! Наполняйте бокалы, Бриггс, и себе тоже налейте.

– Хорошо, сэр. – Ровный тон дворецкого словно принадлежал иному миру, отличному от неконтролируемых манер Роберта. Он откупорил бутылку и принялся наполнять бокалы.

– А где же ангел-хранитель, Бриггс? Он должен принять в этом участие.

– Сержант уголовной полиции, сэр, – сурово ответил дворецкий, не прерывая своего занятия, – ужинает в помещении для слуг. Думаю, ему там будет комфортнее. Ваш бокал, миледи.

Он поочередно протянул поднос с бокалами Камилле, миссис Карстерс, сэру Джулиусу и доктору Боттвинку. Затем он повернулся к Роберту.

– Ваш бокал, мистер Роберт, – сказал он. – Уже почти полночь.

– Время идет! – безумным голосом вскричал Роберт. Он поднял бокал, и вино перелилось через край. – Но мы кое о чем забыли, Бриггс. Шторы до сих пор задернуты, и окна закрыты. Так нельзя поступать в канун Рождества. Нужно впустить Рождество в дом!

– Нельзя, сэр, – запротестовал Бриггс. – Снаружи мороз и сильный снег.

– Какое это имеет значение, старина? Речь ведь о традициях! – Роберт поставил бокал на карточный стол и ринулся к тяжелым шторам на окне. Двумя резкими движениями он полностью раздвинул их и распахнул широкие створки французского окна. В комнату ворвался порыв

ледяного воздуха, на ковре закружился вихрь снежинок. Роберт стоял в черном проеме окна, напряженно всматриваясь в ночь. Потом он повернул голову и заговорил, обращаясь к тем, кто был в комнате:

– Слушайте! – велел он. – Разве вы не слышите их? Подойдите все ближе к окну! Ближе! Камилла! Бриггс! Давай, Джулиус, на этот раз глоток свежего воздуха тебе не повредит! Теперь вы их слышите?

Словно зачарованные, мужчины и женщины подчинились его призыву и собрались у распахнутого окна, из которого веяло пронизывающим холодом. Поверх шелеста ветра был слышен отдаленный перезвон церковных колоколов.

– Уорбек бьет в колокола! Возвещает этим звоном приход Рождества и уход Уорбеков! Всех, кроме старого толстого Джулиуса, который всегда будет одерживать верх, что бы ни случилось! А теперь слушайте все! – Он внезапно отошел от окна и встал посреди комнаты. На его пиджаке лежал снег, и он тяжело дышал, словно только что закончил соревнование в беге. – У меня есть важное объявление...важное объявление! Камилла, ты не должна его пропустить. Это... это...

Внезапно он замолчал. Звон колоколов прекратился. Теперь в свою очередь принялись бить церковные часы.

– Рождество! – пробормотал он. – Мы должны произнести тост! Где мой бокал? Бриггс, идиот, куда, черт подери, ты поставил мой бокал?

– Он на карточном столе, мистер Роберт.

– А, вот он! – нетвердой рукой он схватил бокал одновременно с первым гулким ударом часов. – Все готовы? За Уорбек-Холл, и да поможет бог этому старому дому!

Он осушил бокал, постоял минуту с дико искаженным лицом, потом схватился за горло одной рукой, выронил бокал из другой, вдруг ставшей вялой руки, и тяжело упал лицом вниз.

– Роберт! – звонкий голос Камиллы перекрыл последний удар колокола.

– Он потерял сознание! – вскричала миссис Карстерс.

– Все эта выпивка! – проворчал сэр Джулиус, шагнув вперед, чтобы поднять его с пола.

Но доктор Боттвинк его опередил. Встав на колени у лежащего тела, он приподнял его голову, бросил быстрый взгляд на его лицо и опустил голову на пол.

– Боюсь, он совершенно мертв, – отчетливо и спокойно сказал он.

IX. Цианид

За словами, произнесенными доктором Боттвинком, последовала полнейшая тишина. Маленькая компания долго стояла молча и неподвижно, пятеро живых были так же безмолвны и недвижимы, как и один мертвец. В комнате все замерло, не считая хлопающих от ветра штор.

Наваждение разрушил голос Камиллы – хриплый и едва узнаваемый.

– Мертв? – запинаясь, спросила она. – Но он не может быть мертв! Это... это невозможно! Он только что был совершенно живым! Роберт! – Голос ее превратился в безумный крик, она рванулась вперед и бросилась на колени рядом с мертвым телом. – Роберт! Послушай меня! Ты должен меня выслушать! Я не хотела! Я не хотела... – Она разразилась бурными рыданиями.

Сэр Джулиус быстро подошел к ней и поднял ее на ноги. Она цеплялась за него в поисках поддержки и безудержно лила слезы; все ее самообладание исчезло.

– Ты должна постараться быть мужественной, моя девочка, – неуверенно пробормотал сэр Джулиус. – Ужасное потрясение для всех нас. Я... м-м...ты... – Он растерянно огляделся. – Миссис Карстерс, вы не могли бы проводить ее наверх и уложить в постель? Ей не следует здесь оставаться, и...

– Конечно, конечно! – Отрывистая деловитая манера миссис Карстерс представляла собой живительный контраст по сравнению с беспомощностью канцлера. – Я отведу ее наверх и останусь с ней сколько нужно. Бриггс, помогите мне отвести ее в ее комнату. Я...

– Минутку! – Доктор Боттвинк поднялся на ноги. – Не думаю, что будет разумно, если дамы сейчас уйдут.

В его голосе звучала спокойная властность, которая заставила всех присутствующих к нему прислушаться. Даже рыдания Камиллы стали тише. Доктор Боттвинк очень аккуратно смахнул снег с брюк, подошел к окну, закрыл его и задернул тяжелые шторы. В тишине, резко наступившей в комнате после того как шум снежной бури остался снаружи, отчетливо произнесенные им слова прозвучали для их слуха словно маленькие камешки, брошенные один за другим в тихий пруд.

– Здесь внезапно умер человек, – сказал он. – Умер насильственной смертью. За этим неизбежно – я прав? – последует полицейское расследование. Вы, дамы и господа, наверняка лучше меня знакомы с процедурой, предусмотренной законами этой страны в подобных случаях, но мне кажется, что было бы нежелательно, чтобы свидетели такого трагического происшествия разошлись до того, как будут предприняты необходимые меры.

– Необходимые меры? – переспросил сэр Джулиус.

– Необходимой мерой, насколько я понимаю, является незамедлительное обращение за помощью к полиции. К счастью, у нас под рукой как раз есть офицер полиции.

– Ну конечно, сэр Джулиус, – вмешалась миссис Карстерс. – Доктор Боттвинк совершенно прав. Этот ваш человек... как его зовут? Ему нужно немедленно об этом сообщить. Он наверняка знает, что нужно делать. Бриггс, вы не могли бы сейчас же сходить за ним и привести его сюда? Боже мой, какая ужасная ситуация! Если бы мой муж был здесь, он бы знал...

Ее перебил доктор Боттвинк.

– Мне кажется, – заметил он, – что леди Камилла вот-вот потеряет сознание.

Сэр Джулиус едва успел ее подхватить. С помощью доктора Боттвинка он отнес ее на диван, а Бриггс тем временем отправился на поиски сержанта Роджерса. Миссис Карстерс, среди талантов которой было и умение оказывать первую помощь, занялась Камиллой.

– Здесь есть вода? – спросила она.

– Нет, но в бутылке еще осталось немного шампанского, – предложил сэр Джулиус. – Может быть, капля шампанского...

– Сэр Джулиус! – перебил его доктор Боттвинк. – Умоляю, не трогайте эту бутылку и ничего на столе.

У канцлера казначейства уже было достаточно времени, чтобы вновь ощутить чувство собственной значимости.

– Честное слово, сэр, вы, кажется, много на себе берете. На что именно вы намекаете?

– Я ни на что не намекаю. Но разве факты не говорят сами за себя?

– Вы, кажется, поспешили прийти к выводу, что случившееся с этим молодым человеком несчастье – это какая-то нечестная игра?

– Я бы ни в коем случае не стал называть это игрой, – серьезно сказал доктор Боттвинк.

Ответа не последовало, так как в этот момент в комнату вбежал Роджерс в сопровождении Бриггса. На лице сержанта читалась тревога, которая уступила место облегчению, когда он увидел сэра Джулиуса. Его первые слова были до нелепого неуместны в такой ситуации.

– С вами все в порядке, сэр? – тяжело дыша, спросил он.

– Да, да, разумеется, со мной все в порядке, – раздраженно ответил Джулиус. – Почему должно быть иначе?

– Прошу прощения, сэр Джулиус, но мистер Бриггс сказал, что я срочно нужен, и я подумал...

Его взгляд упал на безмолвную фигуру, распростертую на полу у окна.

– Мистер Уорбек! – воскликнул он. – Что произошло?

– Он умер, – коротко ответил доктор Боттвинк, – после того как выпил бокал шампанского.

Осторожно шагая, Роджерс прошел по ковру к тому месту, где лежал Роберт.

– Вы лично убедились в том, что жизнь его покинула, доктор? – спросил он.

– Я доктор, но я не врач. Однако вы можете проверить сами.

– Прошу прощения, сэр. В таком случае...

Он встал на колени у лежащего тела и оставался в таком положении пару минут. Когда он поднялся, вид у него был мрачный и в то же время несколько озадаченный. Повернувшись к сэру Джулиусу, он сказал:

– Это крайне неудачная ситуация, сэр. Я нахожусь в некотором затруднении касательно того, какие шаги следует предпринять.

Доктор Боттвинк принялся что-то говорить, но передумал, и сержант продолжил:

– О таком деле следует немедленно сообщить в местную полицию. Это целиком находится в сфере их ответственности. Как вам известно, сэр, я здесь исполняю исключительно обязанности по вашей охране. Строго говоря, все, что случается не с вами, меня не касается. Расследование дел такого рода совершенно не находится в сфере моей компетенции.

– Вы что, хотите сказать, что будете просто стоять тут и ничего не станете делать, нелепый вы человек? – возмутилась миссис Карстерс.

Сержант Роджерс не обратил на нее ни малейшего внимания; он терпеливо ждал ответа сэра Джулиуса.

– Что ж, если дело обстоит именно так, то сейчас же свяжитесь с местной полицией, – сказал тот.

– Прошу прощения, сэр, но именно в этом и заключается проблема. Я думал, вы знаете. Невозможно связаться ни с полицией, ни с кем-либо еще за пределами этого дома. Я попытался передать сегодня вечером свой дежурный отчет, но телефон не работает. По радио в десять часов сообщили, что все телефонные линии в округе отключились. Мы совершенно отрезаны от мира.

– Отрезаны? Абсурд! Вы не хуже меня знаете, что я должен быть на связи с казначейством в такое время, и неважно, что сейчас Рождество. Интересно, как я должен заниматься делами страны, если я отрезан от мира, как вы выразились?

– Не могу знать, сэр. Но дело обстоит так, как я описал.

С минуту Джулиус молчал. Затем он сказал:

– Если дело действительно обстоит так, Роджерс, вы должны сделать все, что можете. В конце концов, вы ведь офицер полиции.

– Вы хотите, чтобы я занялся этим расследованием, сэр?

– Да, пока не сможете передать его в соответствующие органы.

– Хорошо, сэр. – Роджерс помолчал, словно собираясь с мыслями. Когда он снова заговорил, вся его неуверенность улетучилась. Его отрывистый официальный тон стал почти похож на резкий голос военного, отдающего команды на плацу.

– Когда наступила смерть? – спросил он сэра Джулиуса.

– Ровно в двенадцать часов.

– Часы как раз били полночь, – вставила миссис Карстерс.

– Пожалуйста, по одному, мадам. Все присутствующие были здесь, когда покойный умер?

– О да, – уверил его Джулиус. – Конечно, все были здесь. Это просто...

– Хорошо. Далее: трогали ли вы что-либо в комнате с момента его смерти?

– Нет, думаю, нет.

– Да, – сказала миссис Карстерс. – Вы только что закрыли окно и задернули шторы, доктор Боттлинг.

– Боттвинк, – автоматически поправил историк. – Да, миссис Карстерс, я это сделал, потому что...

– Больше ничего? – настойчиво спросил сержант.

– Нет, больше ничего.

– Тогда я сейчас попрошу всех вас выйти из комнаты и не возвращаться сюда без моего разрешения. Ключ я оставлю у себя. Позже я попрошу каждого из вас дать показания, а тем временем я буду вам благодарен, если вы не станете обсуждать это происшествие между собой. Видите ли, – на мгновение он почти превратился в человека, – я хочу услышать то, что запомнили вы сами, а не другие люди. Вы мне поможете?

– Но вы ведь не собираетесь опрашивать нас в такой поздний час? – запротестовал Джулиус. – Не знаю, как другие, но я не гожусь ни для чего, кроме сна после всего пережитого.

– Я не прошу проявления заботы по отношению к себе, – с нажимом сказала миссис Карстерс, – но мне кажется очевидным, что одного человека можно было бы избавить от подобного испытания.

Она указала на диван, где Камилла все еще лежала в полубессознательном состоянии. Сержант Роджерс на минуту задумался.

– Думаю, что я могу отложить расспросы до утра, – сказал он. – Но если я поступлю подобным образом, то прежде, чем вы все покинете эту комнату, нужно прояснить один момент. – Он повернулся к доктору Боттвинку. – Вы только что сказали, что мистер Уорбек умер, выпив бокал шампанского. Через какое время?

– Немедленно. Можно сказать, что смерть настигла его, когда он еще пил.

– Очевидно, явившись результатом того, что он пил?

– Несомненно. Шампанское было явно отравлено – цианидом или цианистым калием.

– Вы же вроде сказали, что вы не врач?

– Нет, не врач, – сухо ответил доктор Боттвинк. – Но я уже видел такие смерти прежде. Их нелегко забыть.

– Кто-нибудь еще пил из этой же бутылки?

– Полагаю, мы все пили. Я точно пил.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Роджерс, отвернулся от него и обратился к остальным: – А теперь я должен просить всех вас подвергнуться обыску.

– Право же, сержант, – сказал Джулиус, – какая в этом необходимость?

– Причина очень проста, сэр, – сурово ответил Роджерс. – Если покойный был отравлен, а яд был не в бутылке, из которой он пил, значит, кто-то принес яд в эту комнату.

– Боже мой! Вы воображаете, что я, к примеру...

– Воображать – это не мое дело, сэр Джулиус, но вы пожелали, чтобы я занялся расследованием, и я должен провести его как полагается. Не могли бы вы вывернуть ваши карманы, сэр?

– Хорошо, раз вы настаиваете, – проворчал канцлер. – Хотя мне кажется нелепым предполагать... Откуда вам знать, что несчастный юноша не отравился сам? – спросил он.

– Разумеется, я учитываю такую возможность. Я обыщу покойного позже. А теперь, сэр, прошу вас...

Разнообразное содержимое карманов сэра Джулиуса оказалось на карточном столе. В нем не нашлось ничего предосудительного, кроме маленького пузырька с белыми пилюлями, на ярлыке которого значилось название известной лондонской аптеки. Сержант с подозрением осмотрел флакон.

– Думаю, пока что я оставлю это у себя, – сказал он.

– Боже, вы что, не можете распознать таблетки для пищеварения?

– Нет, сэр. Пока не будет проведен анализ, я не знаю, что это за таблетки. И не использовался ли этот флакон для хранения чего-либо другого.

– Но это мои таблетки! – настаивал Джулиус. – Я должен принимать их каждый вечер. Я никак не могу без них обойтись.

– Какую дозу вы обычно принимаете, сэр?

– Две штуки.

Детектив открутил крышку пузырька, вытряхнул из него две таблетки и с серьезным видом положил их на стол. – Этого вам хватит по крайней мере на сегодняшний вечер, сэр, – сказал он. – Разумеется, я не хочу причинять вам неудобства.

Сэр Джулиус, ворча, взял таблетки и принялся распахивать свое добро обратно по карманам.

– Полагаю, теперь я могу лечь спать? – спросил он.

– Не сейчас, прошу вас. Думаю, теперь я займусь дамами.

– Вы хотите сказать, что будете обыскивать меня?! – с видом оскорбленной добродетели возмутилась миссис Карстерс.

– Нет, мадам. Будет достаточно, если вы покажете мне свою сумочку. И передайте, пожалуйста, сумочку второй дамы... Благодарю вас.

Роджерс опытной рукой перетряхнул содержимое обеих сумок, но не нашел в них ничего для себя интересного. Далее обыску подверглись доктор Боттвинк и Бриггс – без протестов и без всякого результата. Когда Роджерс закончил, Джулиус повторил свою просьбу – позволить ему отправиться в постель.

– Теперь, когда наша репутация восстановлена, – сказал он, делая жалкую попытку иронизировать, – я полагаю, нет смысла дальше заставлять нас бодрствовать.

Сержант на минуту задумался.

– Боюсь, нужно сделать еще кое-что, – сказал он. – Но как бы то ни было, вам не нужно оставаться здесь. Мистер Бриггс, есть ли другая комната, в которую мы все могли бы перейти? Желательно, чтобы там было тепло.

Бриггс колебался.

– Самое теплое место в доме – это комната экономки, – ответил он. – Там хорошо протоплено, а все остальные слуги легли спать. Мне не особенно нравится предлагать это дамам и джентльменам, но...

– Тогда ради всего святого пойдете туда и покончим с этим, – сказал сэр Джулиус. – Показывайте дорогу, Бриггс. – С этими словами он направился к двери, предоставив доктору Боттвинку помогать миссис Карстерс поднять на ноги Камиллу.

– Вы сможете идти, миледи? – мягко спросил доктор Боттвинк?

– Да, благодарю вас, – прошептала она и опираясь на него пошла к двери. На полпути он остановилась и оглянулась на безмолвную фигуру у окна. – Мы... мы ведь не оставим его лежать здесь... вот так? – жалобно спросила она.

– Мне жаль, миледи, но это необходимо, – твердо ответил Роджерс. Надеюсь, это ненадолго.

После того как все остальные вышли, он на пару минут остался в комнате. Прежде чем уйти, он убедился, что все окна надежно закрыты, затем выключил свет, запер за собой дверь и положил ключ в карман.

Маленькая квадратная комнатка экономки оказалась очень уютной. К тому времени как Роджерс пришел туда, печальная компания, переместившаяся в нее из гостиной, расселась в потертые, но удобные кресла вокруг топившейся углем печки. Бриггс, хотя его никто об этом не просил, поставил на нее чайник и занялся завариванием чая. По сравнению с той картиной, которую только что видел Роджерс, здесь царила уютная, почти домашняя атмосфера.

– Я проверил одежду покойного, – отрывисто сказал он. – Насколько я могу судить в данный момент, на ней и на его теле нет следов яда.

– Этого следовало ожидать, не так ли? – несмело сказал доктор Боттвинк. – В конце концов, смертельная доза такого яда очень мала. Вряд ли можно было найти оставшиеся излишки в карманах.

– Верно, – согласился детектив. – Я ищу что-то, что могло послужить местом хранения яда. Пока что мне ничего не удалось найти.

– Чего я не могу понять, – пожаловался Джулиус, зевая во весь рот, – так это зачем вы пользуетесь этим как отговоркой, чтобы не давать нам лечь спать.

– Сэр Джулиус, – твердо сказал Роджерс, – я должен убедительно попросить вас оценить ситуацию. Если исключить несчастный случай – а он крайне маловероятен – то мы имеем дело либо с самоубийством, либо с убийством. – Он впервые использовал слово, которое было в мыслях всех присутствующих. Будучи произнесенным вслух, пусть и ровным будничным тоном, это слово заставило их всех беспокойно зашевелиться. – В данный момент я вынужден действовать, исходя из предположения, что это убийство. Если это так, то его, очевидно, совершил кто-то из вас. – Он сделал паузу, и пока он молчал, его слушатели, собравшиеся в крошечной комнате, словно спрятались каждый в своей скорлупе, как будто хотели отодвинуться друг от друга, как будто каждым из них внезапно овладело желание оказаться подальше от соседа. – При таких обстоятельствах, – сухо продолжал Роджерс, – я очевидно должен вести расследование лишь одним способом. У меня нет помощников, и это значит, что для этого понадобится больше времени, чем было бы нужно в установленном порядке.

– Я понял, – сказал доктор Боттвинк. – Прежде чем мы отправимся спать, вы желаете обыскать наши комнаты, чтобы проверить, не хранит ли кто-то из нас запас цианида, спрятанный в шкафу.

– Именно так.

– Кажется, вы всё знаете о подобных случаях, доктор Боттлинг, – язвительно сказала миссис Картерс.

– Боттвинк. Да, я прежде имел возможность подвергаться обыскам со стороны полиции.

– Прошу вас, – слабым голосом спросила Камилла, – можно мне первой отправиться в постель?

– Как пожелаете, миледи. Я бы предпочел провести обыск в вашем присутствии, и вы, наверное, захотите, чтобы вторая дама также при этом присутствовала. Мы можем пойти прямо сейчас. Прошу остальных оставаться на месте до моего возвращения.

– Чай готов; ваша светлость не желает выпить чашку, прежде чем уйти?

– Спасибо, Бриггс, с удовольствием.

Наливая чай, Бриггс внезапно вздрогнул. Он со стуком поставил чайник на стол и повернулся к детективу.

– Вы ищете цианид или цианистый калий, мистер Роджерс?

– Да.

– Я только что вспомнил. У меня есть небольшой запас в буфетной.

– Что?!

– Я приобрел его для обработки осиных гнезд прошлым летом, и он лежит там с тех самых пор. Вы бы хотели на него взглянуть?

– Покажите мне его немедленно.

– Хорошо, мистер Роджерс. Ваш чай, миледи. Дамы и господа, вы не будете против сами разлить чай? Сюда, мистер Роджерс.

– Вот здесь, – сказал Бриггс. – Вот в этом маленьком шкафчике рядом с раковиной. Наверное, вы захотите сами посмотреть. Он не заперт.

Сержант подошел к указанному шкафу и открыл его.

– Когда вы в последний раз к нему подходили? – спросил он.

– Не могу сказать точно, мистер Роджерс. Я нечасто в него заглядываю – в нем лежат всякие мелочи, которые редко бывают нужны. Хотя погодите... Теперь я вспомнил, что пару недель назад доктор Боттвинк показывал мне часть старинной панели, которую он обнаружил позади этого шкафа. Она его очень заинтересовала, хотя там особо не на что смотреть. Видите панель, мистер Роджерс?

– Да, – ответил Роджерс, – вижу.

Он закрыл шкаф и повернул к Бриггсу бесстрастное лицо.

– Полагаю, на нем была маркировка «Яд»? – спросил он.

– Да, верно. Маленькая синяя бутылочка с надписью «Яд» на ярлыке, большими буквами. Она... Мистер Роджерс, вы хотите сказать, что она исчезла?

Роджерс кивнул.

– Нам лучше вернуться в комнату экономки, – сказал он. – Теперь мы, по крайней мере, знаем, что именно искать.

По дороге он повернулся к дворецкому и задал еще один вопрос:

– Сколько комнат в доме?
– Никогда не считал, мистер Роджерс, но в путеводителе говорится, что их пятьдесят три.
– Пятьдесят три, – повторил Роджерс. – И яд может быть в любой из них, если он вообще еще в доме. – Он со вздохом добавил: – Теперь я понимаю ваши жалобы на нехватку рабочих рук, мистер Бриггс!

Прошло больше часа. Глаза у Роджерса покраснели, но он неумолимо завершал осмотр комнаты Бриггса. Бриггс отправился спать последним. Гостей одного за другим сопроводили в их комнаты, где они наблюдали, как их вещи подвергают безжалостному, но безрезультатному осмотру.

– Ну все, я закончил. Простите, что устроил в ваших вещах такой беспорядок, мистер Бриггс. Теперь вы с радостью отдохнете.

– Думаю, вы тоже, мистер Роджерс. Уже два часа ночи.

Сержант покачал головой.

– Мне еще предстоит поработать, – сказал он. – Моя служба напоминает работу моряка – нужно уметь обходиться без сна, когда это необходимо. Спокойной ночи! Увидимся утром. Лучше не говорите ничего остальным слугам о том, что произошло, пока я сам с ними не поговорю.

– Хорошо, мистер Роджерс. Спокойной ночи! Я... – Вдруг Бриггса поразила внезапная мысль, от которой он переменялся в лице. – Его светлость! – прошептал он. – Кто сообщит об этом его светлости?

Х. Доктор Боттвинк завтракает

Доктор Боттвинк первым явился к завтраку в рождественское утро. Он шустро проковылял в столовую на своих коротеньких ножках; его круглые желтоватые щеки были чуть бледнее обычного, но в остальном почти не было заметно, что события прошлой ночи как-то на него подействовали. В попытке согреть руки он наклонился к слабому пламени, печально тлевшему в камине, а затем, с упреком взглянув на часы, обернулся и пристально посмотрел в окно. Бесплезное занятие – вид ограничивался несколькими ярдами покрытой снегом лужайки, а дальше все исчезало под плотным покровом тумана. Воздух был неподвижен. Ничто не шевелилось, за исключением нескольких скворцов, которые с совершенно унылым видом прыгали по снегу, распушив перья от пронизывающего холода. У доктора Боттвинка было достаточно времени, чтобы насладиться этим зрелищем, прежде чем вошел Бриггс с подносом.

– Доброе утро, Бриггс!

– Доброе утро, сэр.

– Полагаю, вряд ли будет уместно пожелать вам веселого Рождества?

– Не при нынешних обстоятельствах, сэр, – серьезно ответил Бриггс, ставя приборы для завтрака на буфет. – Но я все равно благодарен вам за это намерение, – добавил он.

– Я встречал Рождество во многих странах, – заметил Боттвинк, – и в очень разных условиях, но никогда при таких странных обстоятельствах, как сейчас. Странно еще и то, что я впервые нахожусь в доме, который замело снегом. А теперь еще и туман! Английский климат совершенно непредсказуем. Я так понимаю, мы всё еще отрезаны от внешнего мира?

– Да, сэр.

Доктор Боттвинк подошел к буфету и взялся за два серебряных кувшинчика, словно собираясь налить себе чашку кофе, затем поставил их на место и удовлетворился тем, что поднял на них крышки и изучил их содержимое.

– Однако молоко, кажется, вполне свежее, Бриггс, – сказал он. – Каким же образом?

– Час назад до нас смог добраться человек с фермы при усадьбе, сэр. Я спросил его, сможет ли он пройти до деревни днем, и он сказал, что очень в этом сомневается. Мы тут находимся в низине, и снега намело на несколько футов.

Доктор Боттвинк вздохнул.

– Очень, очень жаль, что я не додумался привезти с собой лыжи, – сказал он, – хотя в таких условиях я в любом случае вряд ли бы нашел дорогу. Интересно, как долго продлится этот снегопад?

– Надеюсь, не очень долго, сэр. Этим утром по радио пообещали скорую оттепель. Через день-другой все закончится.

– День-другой! При определенных обстоятельствах это может оказаться очень долгим промежутком.

– Совершенно верно, сэр.

– Возможно, вы задаете себе тот же вопрос, что и я?

– Прошу прощения, сэр?

– Вопрос, который меня занимает – все ли из нас доживут до окончания снегопада.

– Сэр?!

– Не смотрите так потрясенно, Бриггс. В таких делах нужно быть реалистом. Если кто-то свободно разгуливает по дому с запасом яда, я не вижу никаких причин, почему бы этому человеку не воспользоваться им снова. В конце концов, условия для этого идеальны.

Дворецкий не ответил. Казалось, он поглощен созерцанием стола для завтрака. Он очень аккуратно поправил вилку, которая и так уже идеально располагалась на одной линии с остальными, а потом тихо и торопливо спросил:

– Я вам еще нужен, сэр?

– Мне? Вовсе нет, Бриггс. Хотя в такое время человек, естественно, рад обществу, вы не находите? Но я не должен отвлекать вас от дел. Вы, верно, заметили, что я еще не приступал к

завтраку. Я подожду, когда придет еще кто-нибудь из гостей, прежде чем начать. Если случится какое-нибудь несчастье, то лучше иметь при этом свидетелей.

– Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, сэр.

– Я говорю лишь о том, Бриггс, что жизнь, которую я, к своему несчастью, веду, сделала меня по натуре подозрительным. Очевидно, вы не обладаете подозрительным характером, иначе вы бы так не торопились уйти.

– Я не понимаю вас, сэр.

– Вы меня поражаете. Что ж, если я должен выразиться прямо... Предположим, что кто-то, скажем, сэр Джулиус – конечно, я говорю это исключительно в качестве примера – умирает от отравления цианидом, выпив этого прекрасного кофе. Это было бы крайне неудачно для нас обоих: для вас, потому что вы этот кофе приготовили, и в равной степени для меня, потому что я оставался здесь в одиночестве достаточно долго, чтобы всыпать в него смертельную дозу яда. Каждый из нас в таком случае оказался бы в неприятной ситуации и был бы вынужден защищать себя, обвиняя другого. Однако до этого может и не дойти, и я готов рискнуть, если и вы готовы.

Глубоко встревоженный Бриггс некоторое время колебался, и затем сказал:

– Я останусь, пока кто-нибудь не спустится, сэр.

– Думаю, это мудро с вашей стороны, Бриггс. Если, насколько вам известно, в данный момент в нашем завтраке нет совершенно ничего опасного, то это гарантирует, что жизнь гостей продлится по крайней мере до обеда. Надеюсь, один из них скоро спустится. Я решительно проголодался. – Он улыбкой выразил высокую оценку своему владению английской разговорной речью и прошелся туда-сюда по комнате. – Не желаете ли выпить со мной чашку кофе, Бриггс? По крайней мере, это поможет скоротать время, и мы, так сказать, присмотрим друг за другом.

– Благодарю вас, сэр, я позавтракал час назад.

– Не сомневаюсь в этом, но уверен, что еще одна чашка вам не повредит.

Дворецкий отрицательно покачал головой.

– Вряд ли это будет уместно, сэр, – ска– зал он.

– Понимаю. Дворецкий в присутствии гостя не может угоститься даже такой малостью, как чашка кофе – даже если дом отрезан от мира снегопадом, и даже на следующий день после убийства. Я прошу прощения, что предложил вам нечто столь постыдное. Тогда мыждем остальных. Кстати, я полагаю, придут лишь двое из них? Леди Камилла, несомненно, останется в постели.

– Нет, сэр. Горничная сообщила мне, что ее светлость решила встать.

– В самом деле? Эта юная леди обладает мужеством... и большей силой, чем может показаться. А лорд Уорбек? Мне прежде следовало справиться о нем. Сегодня он будет наверху или спустится?

– Его светлость завтракает в постели, сэр. Не думаю, что он намерен вставать сегодня.

– Это я вполне могу понять. Но по крайней мере, он завтракает. Это говорит о хладнокровии, которое поистине достойно восхищения. Значит, новость его не сломила?

– Он... Он пока ничего не знает об этом, сэр. Я не упоминал о... о происшедшем прошлой ночью.

– Право же, Бриггс, если позволите мне так выразиться, то ваше стремление держаться в тени кажется мне почти нечеловеческим. Но, полагаю, вы скажете мне, что английскому дворецкому не пристало поднимать вопрос жизни и смерти в присутствии своего нанимателя.

– Дело вовсе не в этом, сэр, – ответил Бриггс, в голосе которого прозвучала необычная теплота. – Если и есть на свете человек, который имеет право говорить с его светлостью о таких вещах, то думаю, это я. Дело просто в том, что, когда до этого дошло... когда я увидел, как его светлость лежит, усталый и слабый, но все-таки довольный, и как он рад, что я пришел и принес ему завтрак... В общем, у меня не хватило мужества, вот и все.

Если доктора Боттвинка и тронули очевидные душевные страдания дворецкого, то он ничем этого не показал.

– Вот как! – удивленно сказал он. – И однако же, Бриггс, я бы не принял вас за труса. Значит, затем его светлость пожелал вам счастливого Рождества – как я только что предложил это сделать – и вам пришлось пожелать ему того же в ответ?

Бриггс молча кивнул.

– Должно быть, для вас это был трудный момент. Но все равно нам нужно смотреть в лицо фактам: когда-нибудь придется ему об этом сказать. Без сомнения, он будет ждать, что утром сын придет его навестить.

– Да, сэр, – хрипло ответил Бриггс. – На самом деле он велел мне попросить всех гостей навестить его после завтрака, чтобы поздравить их, – тут его голос дрогнул, – с наступившими праздниками.

Историк вздохнул.

– В таком случае похоже, что эту новость ему вынужден будет сообщить «комитет всей палаты»¹³, столь нелогично именуемый так английским парламентом, – сказал он. – Что ж, по крайней мере, сообща действовать легче.

Словно для того, чтобы подтвердить его замечание, в этот момент в комнату вошел сэр Джулиус. Под глазами у него были мешки, и, бреясь, он порезал подбородок.

– Доброе утро, сэр Джулиус, – вежливо сказал доктор Боттвинк.

– Доброе. Доброе утро, Бриггс. Что у нас на завтрак?

– Яичница-болтунья и копченый лосось, сэр Джулиус. Есть и каша, если желаете.

– Терпеть ее не могу. Ладно, Бриггс, вы можете быть свободны. Я сам себе положу.

– Хорошо, сэр Джулиус.

Какие бы кто ни питал подозрения касательно еды, подаваемой в Уорбек-Холле, у канцлера казначейства их явно не наблюдалось. Стоя у буфета, он положил себе на тарелку изрядную порцию еды, отнес ее к столу, уселся спиной к окну и приступил к завтраку. Доктор Боттвинк с облегчением вздохнул и последовал его примеру, сев за стол напротив канцлера.

Историк был слишком хорошо осведомлен об английских традициях, чтобы удивляться тому, что его сотрапезник предпочитал завтракать, ни единым словом или знаком не подавая вида, что он за столом не один. Тем не менее, царящее за едой молчание становилось более гнетущим, чем обычно. Он принялся размышлять о том, почему этот завтрак казался ему более мрачным, чем все прочие проходившие в молчании завтраки, случавшиеся у него в прошлом. Может быть, думал он, дело в отсутствии газет, которыми можно было отгораживаться от сотрапезника? Или виной тому сверхъестественная неподвижность пустынного мира за стенами дома? Или на него так подействовали события предшествующей ночи и осознание того, что за этой дверью, всего в нескольких ярдах от него, лежит тело убитого мужчины? Каким бы ни был ответ, ему было интересно, ощущает ли это напряжение и сэр Джулиус, внешне полностью сосредоточенный на еде.

Через некоторое время Джулиус дал ему ответ. Когда уже казалось, что тишину так ничто и не нарушит, он на мгновение перестал намазывать тост маслом, сурово посмотрел через стол, откашлялся и обвинительным тоном произнес:

– Доктор Боттвинк, вы – иностранец.

– Вынужден признать, что это так, – с полнейшей серьезностью ответил историк.

– И вы, естественно, не вполне знакомы с нашими привычками, обычаями и образом жизни.

– Совершенно верно. Я даже могу сказать, что, хоть я и прожил в этой стране несколько лет, и даже отважился написать о ней пару книг, я все еще удивляюсь своему невежеству в трех упомянутых вами областях. Полагаю, это три отдельные темы? – добавил он. – Мои познания столь туманны, что, будь я предоставлен самому себе, я бы счел три этих слова синонимами.

Джулиус нахмурился. Этот упрямый чужак как-то слишком уж умничал.

– Дело не в этом, – сурово ответил он. – Я хочу, чтобы вы ясно понимали вот что: это... хм... прискорбное происшествие, свидетелями которого мы стали прошлой ночью, ни в коем случае не типично для английского образа жизни. На самом деле, я считаю, что было бы справедливо описать его как совершенно *не-английское*. Мне особенно мучительно от мысли, что иностранцу случилось присутствовать при подобном событии. Меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы вы вообразили, будто этот вопиющий случай является чем-то совершенно заурядным. Это не так.

¹³ Комитет всей палаты – заседание палаты лордов или палаты общин на правах комитета для обсуждения законопроектов.

– Да, в самом деле, – пробормотал доктор Боттвинк. – Даже погода, как уверяет Бриггс, стоит феноменальная.

– Я говорю не о погоде, сэ! – рявкнул Джулиус.

– Прошу прощения. Мое замечание было непростительно легкомысленным. Могу я сра– добавить, что очень ценю ваше беспокойство на мой счет? Уверяю вас, я вполне понимаю: то, чему я имел несчастье стать свидетелем прошлой ночью, вовсе не является событием, которого можно ожидать в английском доме в обычной жизни; особенно, – добавил он с легким поклоном, – в такое время, когда вся страна наслаждается правлением столь прогрессивного кабинета.

– Не понимаю, при чем тут правительство, членом которого я имею честь быть, – проворчал сэ! Джулиус.

– Именно так! То есть это, конечно, моя точка зрения. Случись нечто подобное в менее привилегированных странах, можно было бы ожидать, что событие будет иметь политическую окраску, и даже политические последствия. Но, возможно, мне не следовало это говорить. Должно быть, смерть наследника вашего кузена в некоторой степени повлияет на ваше собственное положение, сэ! Джулиус.

Сэ! Джулиус сильно покраснел.

– Я бы предпочел это не обсуждать, – сказал он.

– Естественно. Хотя обсуждения этой темы вряд ли удастся избежать – рано или поздно оно состоится. Я лишь хотел сказать, что с чисто эгоистической точки зрения – если мне позволено будет гипотетически предположить в вас эгоизм – вы, возможно, сочтете не такой уж неудачей то, что среди свидетелей этой трагедии оказался никому не известный чужестранец.

К этому времени Джулиус уже явно пожалел, что решил затеять с доктором Боттвинком разговор за завтраком. Дай только этому парню заговорить, и остановить его уже невозможно. И говорил он, словно был книжкой, а не человеком. Терпеть это в такое раннее время было выше его сил. Однако Джулиусу претила не только манера историка вести беседу – по его мнению, решительно неприятной становилась и тема этой беседы.

– Не знаю, о чем вы говорите, – пробормотал он тоном, который явственно давал понять, что обсуждение окончено. Однако доктор Боттвинк явно не уловил намека.

– Не знаете? – спросил он. – Простите, если мне не удалось выразиться яснее. Вам, британцам, свойственна порядочность – наверное, поэтому вам не пришло в голову то, о чем сразу подумал я. Видите ли, – тут он поправил очки жестом, который каким-то образом придал комнате атмосферу лектория, – как грубо, но убедительно выразился сержант Роджерс, этот молодой человек, по всей вероятности, был убит. Раз это так, то подозреваемых очень мало – что удобно с его точки зрения, но прискорбно с нашей. Ему нужно выбрать между министром, юной аристократкой, женой идущего в гору политика, пользующимся доверием семейным слугой и иностранным ученым смешанного происхождения и сомнительной национальности. Совершенно ясно, что арест любого из первых трех названных мной людей спровоцирует серьезнейший скандал. Схватить – так ведь это называется? – схватить семейного дворецкого означает потрясти веру британского общества в одно из самых лелеемых им установлений. И какая же удача, что под рукой есть козел отпущения, за которого никто в Англии гроша ломаного не даст!

– Вы говорите глупости, сэ! – хрипло сказал сэ! Джулиус, – и притом очень вредные глупости! Надеюсь, я проявляю все необходимое снисхождение к вашему положению, но как бывшего министра внутренних дел меня глубоко оскорбляет предположение, что полиция этой страны позволит каким-либо образом оказывать на себя влияние – то влияние, на которое вы намекаете. Или какое-либо другое влияние, – с нажимом прибавил он.

Он с отвращением оттолкнул от себя кофейную чашку и встал из-за стола. Доктор Боттвинк остался сидеть. Не обращая никакого внимания на гневную вспышку канцлера, он задумчиво продолжил:

– Конечно, до ареста дело может и не дойти. Возможно, добропорядочный Роджерс окажется не в состоянии возложить вину ни на кого из нас пятерых. Тогда все мы в какой-то степени до конца наших дней будем оставаться под подозрением. В этом случае вы должны признать, сэ! Джулиус, что в вашем крайне уязвимом положении, особенно когда вы в свое время унаследуете титул лорда Уорбека, для вас окажется преимуществом возможность заставить замолчать

сплетников, указав на такую очевидную фигуру, как я – подозрительную, и с сомнительной репутацией. Ни один англичанин, даже будучи вашим горячим политическим противником, если бы его попросили выбрать между нами двумя в качестве потенциальных преступников, не стал бы колебаться и сказал бы...

Но с Джулиуса было довольно.

– Я больше не могу слушать этот вздор! – сказал он и направился к двери.

Ему не повезло. Когда до побега от своего мучителя ему оставалось лишь несколько футов, дверь открылась, и он оказался лицом к лицу с миссис Карстерс. Воспитанность вынудила его посторониться и пожелать ей доброго утра, и прежде чем он возобновил свой путь к свободе, его подхватили и увлекли обратно в комнату.

– О, сэр Джулиус, я так рада, что вы все еще здесь! – говорила она. – Я вижу, что вы уже позавтракали, но вы ведь останетесь и окажете мне небольшую моральную поддержку, пока я выпью чашку кофе? Видит бог, я не в состоянии съесть что-нибудь в такое утро!.. Нет, не беспокойтесь, я налью себе сама... О, благодарю вас, доктор Боттлинг, вы очень любезны... Да, два кусочка, пожалуйста. А что там под крышечкой?.. Что ж, возможно, кусочек лосося, если вы не возражаете. В конце концов, как я всегда говорю мужу, свои силы нужно поддерживать. Вот если бы он был здесь, он бы знал, что делать. Чувствуешь себя такой незащищенной и одинокой... Да, сэр Джулиус, курите, это совершенно меня не беспокоит... О нет, не уходите, доктор Боттлинг... Что? Простите, я всегда так бестолкова, когда дело касается имен. Не уходите – мне кажется, в такой момент всем хочется держаться вместе; а вам?

– В ваших словах есть большая доля истины, миссис Карстерс, – серьезно сказал доктор Боттвинк, передавая ей поджаренный хлеб.

– Я провела такую ужасную ночь, – продолжила миссис Карстерс, с удовольствием набрасываясь на копченого лосося. – Всю ночь я ворочалась, ломая голову над тем, что же такое нашло на этого юношу, что он покончил с собой. Как вы думаете, это могло случиться из-за женщины? И все же, как подумаешь о Камилле, которая явно по уши в него влюблена...

– Вы считаете, что Роберт совершил самоубийство? – Джулиус как-то слишком уж охотно вступил в разговор.

– Но ведь именно это он и сделал, сэр Джулиус, разве нет? В конце концов, все мы были там. Мы его видели.

– Мы видели, как он умер, мадам, – мрачно сказал доктор Боттвинк.

– Но это ведь одно и то же? Я хочу сказать, что любое другое предположение было бы слишком шокирующим!

– Шокирующее предположение необязательно ошибочно, миссис Карстерс.

– Доктор Боттвинк, – язвительно сказал Джулиус, – предпочитает считать, что Роберт стал жертвой ужасного преступления.

– Ну что вы, сэр Джулиус! В этом деле не может быть никаких предпочтений. Я не исключаю никаких возможностей, уверяю вас. Просто в меру своих способностей я сужу исходя из фактов, и я не сомневаюсь, что так же поступит и сержант Роджерс.

– Не говорите мне о сержанте Роджерсе! – вскричала миссис Карстерс. – Если я когда и встречала болвана, то это он! Просто невероятно, какой беспорядок он устроил вчера в моей комнате со своим нелепым обыском! Но, говоря серьезно, доктор Боттвинк, вы же не можете думать, что один из нас... – она не закончила фразу.

– Когда мне говорят, что я не могу чего-либо думать, во мне просыпается дух противоречия, и я немедленно начинаю думать именно об этом. А с вами подобное не случается?

– Разумеется, нет!

– Это очень интересно с психологической точки зрения. Возможно, секрет английской партийной политики заключается в способности осуществлять контроль над мыслями. Как вы считаете, сэр Джулиус?

Джулиус затушил окуроч в блюдце, поднялся и посмотрел в окно, прежде чем ответить.

– Я считаю, – сказал он наконец, – что миссис Карстерс во многом права.

– О, благодарю вас, сэр Джулиус. Я знала, что вы со мной согласитесь. Такое утешение знать, что в подобный момент...

Джулиус бесцеремонно перебил ее.

– Совершенно ясно, – медленно и громко продолжил он, – что это случай самоубийства. Все прочие предположения просто незачем брать в расчет.

– Но... – сказал доктор Боттвинк.

– В конце концов, – продолжал Джулиус еще громче, – как подчеркнула миссис Карстерс, – мы были там. Мы видели, что произошло.

– Именно, – сказал доктор Боттвинк, – и именно из-за того, что я видел...

– Мы *видели, что произошло*, – повторил Джулиус еще более настойчиво. – Не считая леди Камиллы и Бриггса, мы – единственные свидетели. Я предлагаю позже поговорить с Бриггсом. Он, вероятно, мог многого не увидеть. Миссис Карстерс, вы, несомненно, найдете возможность обсудить это с леди Камиллой. Никто не сможет опровергнуть наши слова. – Он очень пристально посмотрел на доктора Боттвинка и продолжил: – Конечно, я могу говорить только сам за себя, но говорю вам, что ясно помню, как мой кузен положил что-то – что именно, я могу только догадываться, – в свой бокал сразу перед тем, как выпить из него.

– Как странно, что вы об этом упомянули, сэр Джулиус, – быстро вставила миссис Карстерс, – потому что я и сама собиралась сказать ровно то же самое. Мне следовало рассказать об этом раньше, но ведь мы все были так расстроены... А теперь я припоминаю, что видела... м-м... ну, видела именно то, что вы только что описали. Я обязательно скажу об этом сержанту Роджерсу.

Сидя на стуле очень прямо, доктор Боттвинк переводил взгляд с миссис Карстерс на сэра Джулиуса и обратно. Лицо его совершенно ничего не выражало, и прошло довольно долгое время, прежде чем он заговорил.

– Понятно, – сказал он. Последовала еще одна долгая, тревожная пауза. – Понятно, – повторил он. – Сожалею, сэр Джулиус, но я совершенно не умею лгать.

– Право же! – Джулиус был само праведное негодование. – Это не то слово, которое я...

– Нет, – голос историка зазвучал холодно и четко. – Это ведь в высшей степени *не-британское* слово, да? Мне следовало сказать... Но какое значение имеет любой красивый эвфемизм, который я мог бы использовать? Вы не желаете предавать это происшествие огласке – вот в чем все дело. Что ж, я не стану вам препятствовать, хоть и не могу пообещать, что буду вам содействовать. В конце концов, меня это не касается. Меня не учили английскому образу жизни. Можете морочить голову сержанту Роджерсу, если сумеете. Только должен вас предупредить: он вовсе не так глуп, как вы думаете.

Сказав это, он встал и без дальнейших церемоний вышел из комнаты. После его ухода на минуту воцарилось неловкое молчание. Затем миссис Карстерс, не глядя на сэра Джулиуса, прошептала:

– Как вы думаете, он... Все будет в порядке?

– Думаю, да, – уверил ее Джулиус. – Он весьма нудный субъект, но он образумится. Как он сам сказал, его это не касается. Не в его интересах вредить.

– Надеюсь, вы правы, сэр Джулиус. Должна сказать, мне совершенно не понравилось его поведение.

– Уверяю вас, вы еще не слышали самого худшего. Знаете, перед вашим приходом этот чужак практически намекал на то, что я убил Роберта, чтобы унаследовать титул пэра! Подумать только, это я-то! – он невесело рассмеялся.

– Какая нелепость, сэр Джулиус! Тем более в вашем положении! – миссис Карстерс тоже рассмеялась. – И все же... это указывает на то, что станут говорить невежественные люди. Вот почему так важно...

– Именно. Думаю, Бриггс не доставит нам никаких проблем. Можете предоставить это мне. А что касается Камиллы...

– Камилла, дорогая! – дверь открылась, и миссис Карстерс встала. – Мы как раз о вас говорили! Как мужественно с вашей стороны спуститься к завтраку! Я думала, вы будете весь день лежать.

– Нет смысла лежать в постели, если не можешь уснуть, – сказала Камилла резким безжизненным голосом. – Нет, спасибо, сэр Джулиус, я сама. Я лишь хочу съесть кусочек тоста и чего-нибудь выпить.

Она села за стол, неестественно выпрямив спину, лицо ее было похоже на застывшую белую маску. По знаку миссис Карстерс Джулиус поднялся и оставил женщин наедине.

– Камилла, – мягко заговорила миссис Карстерс, – когда вы вошли, сэр Джулиус и я как раз говорили...

– Говорили обо мне, я знаю. Вы уже сказали об этом. Сказать вам, что именно вы обо мне говорили? Вы говорили, что Роберт обращался со мной как подлец, и если у кого и была причина его убить, так это у меня.

– Нет, нет, Камилла! Ничего подобного, уверяю вас.

– Ну так ведь это правда. Я скажу вам и еще кое-что, чего вы, вероятно, не знаете. За две минуты до полуночи прошлым вечером я желала ему смерти, а теперь мне хочется умереть самой. Глупо, правда?

– Камилла, дорогая, вы не должны такое говорить! Разве вы не понимаете, как опасны могут быть подобные разговоры?

– Опасны? – переспросила Камилла с горькой улыбкой.

– Скажи вы подобное этому сержанту, он мог бы бог знает что подумать.

– Я полагаю, он уже в любом случае готов думать худшее о всех нас. Мне все равно.

– Но вам *не должно* быть все равно, Камилла, – ради нас! Мы тут снова обсуждали все это с сэром Джулиусом, и мы оба чувствуем, что существует опасность сделать ужасную ошибку... Если бы вы только помогли нам сделать так, чтобы *истинная* правда об этом ужасном деле стала известна...

Ее слова лились серьезно и увещательно, но по лицу Камиллы трудно было сказать, слушает ли она.

XI. Джон Уилкс и Уильям Питт

Комната с фамильным архивом в то утро была темной как никогда из-за снега, который толстым слоем замел узкие окна, и, пожалуй, даже холоднее, чем накануне; однако доктор Боттвинк вошел туда со вздохом облегчения. Он отправился в архив сразу после того, как покинул сервированный к завтраку стол – отчасти по привычке, отчасти же, как он осознал, оглядевшись по сторонам, повинувшись инстинкту, который заставлял его спастись от страхов и затруднений настоящего времени в том единственном мире, который был для него реален.

Он с облегчением закрыл за собой дверь и быстро убедился, что в комнате ничего не трогали. По-видимому, сержант Роджерс еще не добрался с обыском до этой отдаленной части дома. Бумаги лежали точно так, как доктор Боттвинк их оставил. На столе все еще находился трудночитаемый документ, который он так и оставил нерасшифрованным, когда вчера вечером Бриггс пригласил его познакомиться с гостями дома за чаем. Доктор Боттвинк горько улыбнулся. Неужели это было всего лишь вчера?! Он пожал плечами. Вчерашний день уже стал историей, притом историей мерзкой и грязной. Этот день уже был для него не более реальным и не менее отдаленным, чем тот, в который появился на свет этот лежащий на столе утомительный небольшой манускрипт. Возможно, какой-нибудь будущий историк сочтет вчерашний день достойным исследования и записи, но он в этом сомневался. Может быть, сержант Роджерс напишет историю этого дня, если сумеет; он, Боттвинк, предпочитает восемнадцатый век.

Историк взглянул на часы. Меньше чем через полчаса он должен присоединиться к остальным в комнате лорда Уорбека, чтобы поучаствовать в церемонии поздравления с Рождеством. Вряд ли он мог отказаться от исполнения этого долга, хотя ему очень хотелось этого избежать. Значит, времени на серьезную работу у него нет. И все-таки, раз уж он все равно здесь, можно еще разок взглянуть на документ. Может быть, ему удастся разобрать достаточно для того, чтобы удостовериться, что он не представляет никакой важности. Попытаться стоит. Он выделит на это четверть часа, самое большее двадцать минут... Он уселся за стол, включил настольную лампу, тщательно протер очки и подтянул к себе пожелтевший лист бумаги.

Хоть он уже и был знаком с ужасным почерком третьего лорда Уорбека, некоторое время он совершенно ничего не мог разобрать в испещренных кляксами каракулях. Он бы и вовсе отказался от этой задачи, если бы какое-то шестое чувство не говорило ему, что стоит проявить настойчивость. Наконец из чернильных пятен возникло сначала имя, потом дата. Имя было достаточно знакомо любому знатоку истории, но доктор Боттвинк прежде не встречал его в бумагах Уорбеков. Сочетание этого имени с конкретной датой, возможно – и даже вероятно, – являлось ключом к чему-то важному. Со все возрастающим волнением он снова склонился над работой. Вооружившись лупой и другими образцами почерка лорда Уорбека, он настойчиво продвигался вперед. Мало-помалу весь поблекший документ ожил и приобрел смысл. Наконец-то он одолел его, весь до последней буквы. Он несколько раз перечел его с тревожным вниманием, и затем, достав ручку, старательно занялся переписыванием.

Сидя за столом в ледяной комнате, доктор Боттвинк чувствовал, как по его венам струится тепло успеха.

Здесь была реальность; здесь была истина! Здесь, в его руке, была запись беседы третьего лорда Уорбека с Джоном Уилксом¹⁴ в разгар избирательной кампании в Мидлсексе¹⁵, записанная в тот же день, в который она состоялась. Суетные мечты двадцатого века постепенно исчезли; остался лишь доктор Вацлав Боттвинк и его историческое открытие, которому было суждено потрясти как минимум полдюжины экспертов, способных понять его значение. Это был торжественный и радостный миг – из тех, что случаются один-два раза в жизни.

– Ну и ну, сэр, холодновато тут у вас!

¹⁴ Джон Уилкс (1725–1797) – британский журналист, публицист и политик эпохи Просвещения, борец за права, одна из ключевых фигур в становлении европейского радикализма.

¹⁵ Графство в Англии

Историк поднял взгляд от стола. Сквозь толстые линзы своих очков для чтения он различал размытую фигуру высокого человека, стоявшего у двери в противоположном конце комнаты. Сняв очки, он сумел рассмотреть его более четко. Медленно, с мучительным усилием он выбрался из живой реальности выборов 1768 года в Мидлсексе и оказался лицом к лицу с серой тенью настоящего.

– А, сержант Роджерс! – сказал он, с некоторым трудом вставая со стула. – Доброе утро!

– Могу ли я поговорить с вами, сэр?

– Конечно, конечно, я в вашем полном распоряжении. Только вот – я лишь сейчас об этом вспомнил – я должен встретиться с лордом Уорбеком сегодня утром. Возможно, мне сначала следует сходить к нему.

Детектив странно на него посмотрел.

– Не думаю, что сейчас его светлость захочет встречаться с кем-либо, – мрачно сказал он. – Вы были здесь, наверху, все утро? – продолжил он.

– Все утро? – доктор Боттвинк вынул из кармана старомодные серебряные часы. – Но это невозможно! Оказывается, я пробыл здесь больше двух часов!

– Тогда до ланча у нас как раз достаточно времени, чтобы немного поболтать, – спокойно сказал Роджерс.

– Конечно, сержант. Повторяю, я в вашем распоряжении. Два часа! Я даже не заметил, как пролетело время. Вы не присядете? Давайте я уберу книги со стула.

– Нет, – очень твердо сказал Роджерс. – Нет, но все равно спасибо. Не знаю, как вы, сэр, но я предпочитаю по возможности заниматься работой в тепле. Я пришел спросить, не будете ли вы против на пару минут спуститься в библиотеку.

– Конечно... Или правильнее ответить «конечно нет»? В любом случае, я немедленно пойду с вами. Теперь, когда вы об этом упомянули, комната действительно кажется холодноватой.

– Возможно, это еще одна мелочь, которую вы не заметили, сэр? – спросил Роджерс с несколько ехидной улыбкой и отошел в сторону, чтобы пропустить доктора Боттвинка.

– У меня было о чем думать, кроме температуры, – ответил тот. Он остановился в дверях и оглянулся на стол, на котором лежали рядом поблекший и неопрятный старый меморандум, и его четкая копия, сделанная рукой историка. Со вздохом сожаления он распрощался с веком разума и начал спускаться впереди сержанта по узкой каменной лестнице.

– Итак, вы не особо замечаете, что происходит, доктор Боттвинк? – сказал Роджерс, устроившись в кресле у камина в библиотеке.

– Прошу прощения?

– Который час, жарко сейчас или холодно, и тому подобные вещи – вы их не замечаете?

– А, я вас понял! Рассеянный профессор – тот образ, который так часто изображает британский юмор; вы отводите мне именно эту роль, сержант? Что ж, полагаю, в каком-то смысле это действительно так. Но только в определенном смысле – вы должны это понимать. Когда человек занят делом истинной важности, он не замечает тривиальных мелочей, ведь правда? Но я тешу себя надеждой, что в вопросах обычной жизни я могу отличить сокола от цапли.

– Сокола от... как вы сказали?

– Неважно, это фраза не моего авторства. Я думал, вам она знакома¹⁶. Говоря на простом языке английской полиции, я могу отличить живого человека от мертвого, а естественную смерть – от насильственной, особенно когда она происходит у меня на глазах. Думаю, я прав, предполагая, что именно эту тему вы желали обсудить со мной, сержант?

Роджерс не ответил. Его лицо с крупными чертами было лишено какого-либо выражения; на нем читалось лишь утомление, и он смотрел в огонь, полузакрыв глаза. Внезапно он повернулся к доктору Боттвинку и резко выпалил:

– А профессором в какой именно области вы являетесь, доктор Боттвинк?

Историк терпеливо перечислил свои степени и дипломы.

¹⁶ Англ. to know a hawk from a handsaw – букв. «отличить ястреба от пилы», т. е. быть не лишенным проницательности.

– Вы ведь довольно много путешествовали?
Губы доктора Боттвинка скривились в мрачной улыбке.
– Наверное, более точным было бы сказать, что меня гоняли с места на место, – спокойно заметил он.
– А какими конкретно были ваши политические пристрастия в Чехословакии?
– Разумеется, я был левым.
– Разумеется?
– Я хочу сказать, что мои левые взгляды – назовем это так – послужили естественной причиной того, что меня гоняли с места на место.
– Хм. Тогда, я полагаю, вы какое-то время пробыли в Вене?
– Да. Меня пригласили туда прочесть курс лекций. Этот курс по сей день остается незавершенным.
– Это было во времена режима Дольфуса¹⁷?
– Да. Позвольте мне предвосхитить ваш следующий вопрос, сказав, что я был противником режима Дольфуса. Именно поэтому курс лекций, естественно, прервался. Я антиклерикал и антифашист; коротко говоря, меня можно отнести к категории природных «анти».
– То есть кратко вас можно было бы описать как коммуниста, доктор Боттвинк?
Историк отрицательно покачал головой.
– Увы! – ответил он. – Когда-то, наверное, так и было, но сейчас я слишком хорошо понимаю, что, попади я в Москву, я оказался бы в неприятном положении антисталиниста. Если бы мне потребовалось описать свою позицию сегодня, я сказал бы... Но зачем мне отнимать у вас время, сержант? Есть лишь две вещи, которые вы хотите обо мне знать, и я вам о них расскажу. Первое: я выступаю категорически против Лиги Свободы и Справедливости. Второе: ни по этой, ни по какой-либо иной причине я не убивал достопочтенного мистера Роберта Уорбека.
Невозможно было определить, впечатлили ли Роджерса слова доктора Боттвинка. Он не снизошел до ответа. Вместо этого он порылся в карманах, из одного достал небольшую жестяную коробочку табака, из другого – пачку папиросной бумаги, и принялся сворачивать папиросу. Закурив, он вновь заговорил, но совершенно на другую тему.
– Этот флакон с ядом из шкафа в буфетной, – сказал он. – Опишите мне его.
– Я понятия не имею, как он выглядит.
– Вы хотите сказать, что его там не было?
– У меня нет причин сомневаться в том, что он там был. Я просто его не видел.
– Насколько я понимаю, вы подходили к этому шкафу как минимум дважды. Один раз – когда вы рассматривали эту старинную деревянную деталь...
– «Льняные складки».
– ...и второй раз, когда показывали ее Бриггсу. Вы хотите сказать, что ни в первом, ни во втором случае вы не заметили того, что находилось прямо под вашим носом?
– Меня интересовал шкаф, или, если говорить точнее, задняя часть шкафа, а не его содержимое. Я историк, сержант, а не отравитель. *Chacun à son métier*¹⁸.
– А вы не подходили к шкафу в третий раз?
– Разумеется нет. У меня не было для этого причины. Мой интерес к нему себя исчерпал.
– Интерес к шкафу или интерес к яду?
– Повторяю, я не заметил там никакого яда.
– Ваша способность замечать предметы кажется весьма избирательной, доктор Боттвинк.
– Так и есть. Вы описали ситуацию с восхитительной ясностью, если позволите мне так выразиться.

¹⁷ Энгельберт Дольфус (1892–1934) – австрийский политический деятель, канцлер Австрии в 1932–1934 гг. В начале 1933 года Дольфус наложил запрет на деятельность нацистов в Австрии. В целях предотвращения политических выступлений как нацистов, так и левых партий Дольфус отказался от созыва парламента, приостановил действие конституции и установил в Австрии авторитарный режим, известный как австрофашизм.

¹⁸ Каждый должен заниматься своим делом (*фр.*).

– Тогда вы, наверное, скажете мне, что ваши наблюдения за событиями прошлого вечера не имеют никакой ценности, и что я напрасно потрачу время, если стану задавать вам вопросы на эту тему.

– Напротив, меня весьма заинтересовало все, что произошло. Думаю, что мои наблюдения ничуть не хуже, чем наблюдения... других людей.

– Я хотел бы это проверить. Вы видели, как мистер Уорбек положил что-то в своей бокал, прежде чем выпить?

– Я этого не видел, – решительно ответил доктор Боттвинк.

– Однако же сэр Джулиус, миссис Карстерс и Бриггс одинаково убеждены, что он это сделал. Как вы это объясните, сэр?

Доктор Боттвинк молчал.

– Ну? Что скажете?

– Если все они единодушны, – медленно произнес он, – если все они согласны, то кто я такой, чтобы не соглашаться? Но единодушны ли они? Вот вопрос, который я себе задаю.

– Я вам только что сказал, что единодушны.

– Прошу прощения, сержант, но вы не говорили ничего подобного. Вы сказали, что все они одинаково в этом уверены. Вы не упомянули леди Камиллу, что, вероятно, имеет существенное значение. Далее: вы не сказали, единодушны ли они в отношении того момента и тех обстоятельств, при которых, как они говорят, это произошло. Это и есть проверка, разве нет? Я, может, и антиклерикал, но Библию я читал.

– А могу я спросить, при чем тут Библия?

– Я имею в виду историю о Сусанне и старцах¹⁹, с которой офицер, обладающий вашим опытом, должен быть хорошо знаком.

– Так и есть, – коротко ответил Роджерс.

Некоторое время он молчал. Доктор Боттвинк с видом участника прений, который изложил свою точку зрения, с довольным видом откинулся на спинку кресла и позволил взгляду блуждать вдоль заставленных книжными шкафами стен. Через некоторое время взгляд его остановился на некой точке за левым плечом детектива. Он смотрел в эту точку со странным напряжением; однако, когда Роджерс обернулся и посмотрел в том же направлении, он увидел лишь заставленную книгами полку, неотличимую от всех остальных полок в комнате, если не считать разных заголовков книг, что не имело никакого значения.

– Доктор Боттвинк! – громко сказал он.

Историк виновато вздрогнул.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я на время отвлекся. Что вы сказали?

– Вы уже видели это раньше?

Детектив извлек откуда-то небольшой смятый пакет из тонкой оберточной бумаги. Аккуратно расправив его на колене, он показал несколько лежащих внутри белых кристаллов. Доктор Боттвинк надел очки и внимательно рассмотрел пакет.

– Нет, – хорошенько подумав, сказал он, – не видел. Что это?

– Это предстоит установить лаборанту-химику – когда я смогу до него добраться.

– Совершенно верно. А пока я сказал бы, что неразумно было бы проводить любительскую проверку природы этих кристаллов, и уж конечно, не проверять их на вкус. Могу я спросить, где был найден этот пакет?

– Под карточным столом.

– Понятно. Это, конечно, вполне согласуется с...

– С чем?

– С тем, что кто-то высыпал содержимое этого пакетика в бокал мистера Роберта, пока этот бокал стоял на столе – сделал ли это сам мистер Роберт или другой человек. Если кто-то другой, то

¹⁹ Речь об известном сюжете из *Книги пророка Даниила*. За обнаженной купающейся Сусанной подглядывали два старца, которые затем попытались склонить ее к совокуплению, угрожая обвинить в прелюбодеянии. Сусанна отказалась, была ложно обвинена и приговорена к смерти, но в последний момент спасена благодаря пророку Даниилу, который допросил старцев по отдельности. Они были уличены в лжесвидетельстве и казнены.

все мы были так заняты его паясничаньем у окна, что это легко было сделать незаметно. С другой стороны, если он сделал это сам... но какая чушь, сержант! Нужно ли дальше продолжать этот фарс?

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что вы не больше моего верите в то, что этот несчастный человек убил себя сам. Разве человек, как бы он ни был пьян, объявляет во всеуслышание, что он намерен сделать важное заявление, а потом принимает яд, так его и не сделав? Абсурд. Вы не задали мне ни единого вопроса о событиях прошлого вечера, и этому может быть лишь одна причина: вы уже выяснили их у прочих присутствовавших и, сделав это, раскрыли нелепый сговор между сэром Джулиусом и остальными. Вы просто проверяли меня, желая выяснить, состою ли и я в этом сговоре. Разве не так?

– Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы, доктор Боттвинк.

– Как пожелаете. Но я бы очень хотел получить ответ на один вопрос, потому что он ставит меня в тупик. Вы узнали, какое именно заявление собирался сделать мистер Роберт? И если узнали, то что он собирался сказать?

– Этого я вам тоже не скажу.

– Жаль. Если бы я это знал, то возможно, это помогло бы мне оказать вам помощь, и поверьте, я бы хотел вам помочь, если бы мог. Что ж, сержант, есть ли еще какие-то вопросы, которые вы хотите мне задать?

– Всего два вопроса, сэр, и потом мне больше незачем будет вас беспокоить – пока что. Когда я вошел к вам, вы сказали мне, что должны встретиться с лордом Уорбеком. Каков был характер этой встречи?

– На этот вопрос легко ответить. Это должна была быть не совсем встреча – Бриггс сообщил мне за завтраком, что его светлость изъявил желание поприветствовать всех гостей в своей комнате и пожелать им счастливого Рождества и Нового года. Принимая во внимание то, что было известно нам, но неизвестно ему, эта церемония должна была оказаться весьма мучительной, но я не испытывал желания от нее уклониться.

– То есть вы не видели лорда Уорбека сегодня утром?

– Нет, конечно нет.

– Ни до завтрака, ни после?

– Да нет же! Даже такой чужестранец как я, сержант, знает достаточно для того, чтобы понимать, как неуместно встречаться с английским джентльменом до завтрака. А после завтрака, уверяю вас, я отправился напрямик в комнату с архивными документами и оставался там до вашего прихода. Но почему вы об этом спрашиваете?

– Кто-то, – мрачно ответил Роджерс, – навестил его светлость между тем моментом, когда Бриггс принес ему поднос с завтраком, и временем, когда он пришел, чтобы его забрать.

Доктор Боттвинк молчал. Его брови были подняты вопросительными полукругами, рот округлился от удивления.

– Кто-то, – продолжил детектив, – сообщил ему о смерти его сына. Когда Бриггс пришел к нему во второй раз, он нашел его в состоянии полного коллапса.

– Так он умер, бедняга?

– Нет. Он все еще жив, но не более того. Не могу сказать, доживет ли он до того момента, когда мы сможем вызвать к нему врача, и сумеет ли врач что-либо сделать, когда все-таки появится; я в этом сомневаюсь.

– Так! – тихо, почти про себя сказал доктор Боттвинк. – Все так, как можно было ожидать. Да, я нахожу это вполне логичным. А ваш второй вопрос, сержант? – продолжил он уже громче.

– Лишь вот какой: на что это вы только что смотрели с таким интересом?

– Я рад, что вы меня об этом спросили. Я ведь сказал, что желаю помочь вам? Что ж, я смотрел на книгу, которая навела меня на кое-какие мысли – возможно, о чем-то важном. Я смотрю на эту книгу прямо сейчас.

Он встал, пересек комнату и подошел к книжному шкафу в углу.

– Вот эта книга, – сказал он, тронув пальцем маленький томик в зеленом переплете. – Жизнь Уильяма Питта²⁰, авторства лорда Роузбери²¹. Небольшое сочинение, но ни в коем случае не поверхностное. Оно рассматривает жизнь Питта Младшего, как вы понимаете – второго сына «великого общинника»²². Вам следует прочесть эту книгу, сержант.

– Благодарю вас, сэр, – сухо сказал Роджерс, – но сейчас меня заботит смерть Роджера Уорбека, а не жизнь Уильяма Питта.

– Эти сведения немного выходят за точные рамки того периода, которым я занимаюсь, – не обратив внимания на его слова, продолжал доктор Боттвинк, – и потому я не стыжусь сказать, что не могу назвать точную дату, но думаю, это был 1788 или 1789 год. Я знаю, что вы в любом случае найдете эту информацию у Роузбери. Вы должны понять, что значение имеет не то, что произошло в тот год, а то, чего тогда не случилось. И вот это было весьма важно. Как собака в ночи в истории про Шерлока Холмса. Вы не заинтересовались, сержант Роджерс? Вы думаете: рассеянный профессор ведет себя сообразно своему характеру? Я сожалею об этом. По крайней мере, я сделал все, что в моих скромных силах, чтобы вам помочь. Теперь вы позволите мне уйти?

²⁰ Уильям Питт Младший (1759–1806) – британский государственный деятель. Был премьер-министром Великобритании в общей сложности почти 20 лет.

²¹ Арчибалд Филипп Примроуз, 5-й граф Роузбери (1847–1929) – британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании с 1894 по 1895 г. Сложив с себя обязанности лидера либеральной партии, за время отставки составил биографию Уильяма Питта Младшего (1892 г.).

²² Прозвище, которое Питт Старший получил из-за того, что принадлежал к сословию нуворишей, а не потомственной аристократии, и потому большую часть своей политической жизни занимал место в палате общин, а не в палате лордов.

XII. Спальня и библиотека

Старый, обросший пристройками дом окружала абсолютная тишь. Густой туман, опустившийся на засыпанную снегом округу, не колыхало ни одно дуновение ветра. Ни звука не проникало сквозь морозный воздух. Пристально глядя в высокое окно в спальне лорда Уорбека, сидящая на диване Камилла видела перед собой мир, в котором, казалось, замерла сама жизнь – мир бесплодный, бесцветный, и по всем признакам безграничный. Трудно было поверить, что за этим пустынным пространством продолжается жизнь; что на оживленных прибрежных морских путях корабли осторожно пробираются сквозь мрак или бросают якорь, печально гудя друг другу хриплыми сиренами; что по всей Англии, бросая вызов морозу и снегу, мужчины и женщины собрались вместе, чтобы отпраздновать Рождество в атмосфере любви и счастья. Еще труднее было осознать, что эта полнейшая изоляция была кратковременным, преходящим творением капризной Природы, и что через несколько дней, а может, всего лишь часов, она исчезнет, и тогда к Уорбек-Холлу и ко всему, что в нем произошло, будет приковано внимание оживленного и любопытного внешнего мира.

Она задрожала, отвернулась от окна и оглядела комнату. Здесь царила та же тишина и неподвижность, что и снаружи, если не считать тиканья часов на каминной полке. Лорд Уорбек лежал в постели; лицо его было почти таким же белым, как подушка, одеяло едва шевелилось от его неглубокого и частого дыхания. Он пролежал так все утро, находясь за пределами речи и понимания, в своей собственной изоляции, которая в свою очередь находилась в более широких границах оторванных от мира окрестностей. Когда Бриггс сообщил о состоянии, в котором нашел его, Камилла согласилась посидеть с ним – почти как человек, который соглашается подежурить у тела покойника, ибо ни она, ни кто-либо другой в доме не могли сделать ничего, чтобы помочь ему.

Она встала, подошла к кровати и склонилась над неподвижной фигурой. Ей казалось, что лицо, пожалуй, стало чуть бледнее, дыхание – еще слабее, но трудно было уловить степень изменений в состоянии человека, в котором осталось так мало жизни. Достаточно было того, что он все еще жив. Она некоторое время стояла, напряженно всматриваясь в худые, изможденные черты, затем отвернулась. В этот момент дверь позади нее тихо отворилась, и в комнату вошел Бриггс.

– Как его светлость? – спросил он.

– Мне кажется, ничего не изменилось, – ответила она. – Бриггс, как вы думаете, сколько это продлится?

– Не могу сказать, миледи, – ответил дворецкий ровным монотонным голосом, которым отвечал на любой вопрос касательно своих обязанностей по дому. – Я зашел сказать, – продолжил он, не меняя выражения, – что я подам ланч через четверть часа.

– Я не голодна.

– Если позволите, миледи, всем нам нужно поддерживать силы. Думаю, вам следует хоть немного поесть.

– Тогда не могли бы вы прислать мне что-нибудь сюда, Бриггс? Я не могу оставить его светлость в таком состоянии.

– При всем уважении, миледи, вам нужно подумать и о себе. Невозможно ведь сидеть тут взаперти весь день. Кроме того, речь не идет о том, чтобы оставить его светлость в одиночестве. Я устроил так, что с ним посидит другой человек.

Напряженное одиночество сделало Камиллу чувствительной к оттенкам речи, которые в других обстоятельствах ускользнули бы от нее, и она быстро переспросила:

– Другой человек? О ком вы? Кто-то из прислуги?

– Не совсем так, миледи. Моя дочь здесь, и она готова пока что сменить вашу светлость.

– Ваша дочь? Надо же, Бриггс, я совершенно позабыла о том, что у вас есть семья. Где же она?

– В коридоре, миледи. Она очень надежный человек, я вас уверяю.

Впервые на губах Камиллы появилась улыбка.

– Конечно, она ведь ваша дочь, – сказала она. – Я бы хотела ее увидеть.

Бриггс подошел к двери и тут же вернулся.

– Моя дочь Сьюзан, миледи, – сказал он.

– Здравствуйте, – сказал леди Камилла тоном чуть преувеличенной вежливости, который хорошо воспитанные женщины используют в отношении людей, ниже их стоящих.

– Здравствуйте, – ответила Сьюзан. В ее голосе прозвучал легкий вызов, и Бриггс неодобрительно прищелкнул языком, отметив, что за приветствием не последовало обращение «миледи».

Сама не зная почему, Камилла внезапно почувствовала, что она находится в одной комнате с соперницей. Внешность Сьюзан была весьма далека от облика «надежной» девушки, которую Камилла ожидала увидеть. Перед ней стояла женщина, в манере которой она уловила некое сдерживаемое чувство, и ей странным образом показалось, что это чувство направлено на нее. Камилла намеревалась лишь поздороваться с девушкой и уйти, но теперь она почувствовала, что должна остановиться и понять, что скрывается за этим странным выражением лица, которое казалось одновременно дерзким и испуганным. Странная вышла сцена. Помимо соображений вежливости и хороших манер, все трое остро ощущали необходимость соблюдать правила поведения в комнате больного, поэтому все сказанное произносилось приглушенными голосами, из уважения к ничего не видящему и не слышащему пациенту в кровати.

– Мы ведь прежде не встречались? – спросила Камилла.

– Нет, не встречались.

– Вы не живете здесь, верно?

– Нет. Я приехала лишь пару дней назад.

– Понятно. Вы ни слова о ней не сказали, Бриггс.

– Папа не хотел, чтобы кто-то знал, что я здесь.

Бриггс начал что-то говорить, но Сьюзан его опередила:

– Рано или поздно люди должны будут узнать, папа. Почему не сейчас?

Камилла в замешательстве переводила взгляд с дочери на отца.

– Я не понимаю, о чем речь, – прошептала она. – Что узнать?

– Пожалуйста, не обращайтесь на нее внимания, миледи, – вмешался явно расстроенный Бриггс. – Я бы не позволил ей прийти сюда, если бы знал... Сьюзан, напрасно ты разговариваешь с ее светлостью в таком тоне.

– Я имею право разговаривать так, как захочу. Более того, я имею право здесь находиться, – настаивала Сьюзан. – А это больше, чем могут сказать некоторые.

– Сьюзан! – запротестовал Бриггс. – Ты ведь пообещала, что не станешь причинять беспокойства, пока его светлость...

– Не перебивайте ее, Бриггс, – надменно сказала Камилла. – Я хочу добраться до сути. Так о каком праве вы говорите?

Рука Сьюзан нащупала что-то в кармашке сумочки и вынырнула оттуда, сжимая в несколько раз сложенный листок бумаги.

– Вот о чем я говорю, – резко сказала Сьюзан и сунула его Камилле.

Камилла медленно развернула листок. Медленно прочла написанное от начала до конца. Затем так же неторопливо сложила его и вернула Сьюзан. Выражение ее лица не изменилось, а голос остался тихим, каким ему и полагалось быть в комнате больного. Она сказала:

– Благодарю вас. Очень жаль, что никто не знал об этом раньше. Это могло бы оказать большое влияние на многих людей.

Повернувшись к Бриггсу, она продолжила:

– Ваша дочь права. Она имеет право быть здесь. Я пообедаю внизу.

Сьюзан открыла было рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем она заговорила, леди Камилла вышла из комнаты. Голова ее была высоко поднята, а по осанке никто бы не догадался, какой удар получила ее гордость при виде датированного годом ранее свидетельства о браке, заключенном между Робертом Артуром Перкином Уорбеком, холостяком, и Сьюзан Энни Бриггс, девицей.

Бриггс молча смотрел ей вслед. Когда она ушла, он набросился на Сьюзан.

– Если бы я знал, что ты настолько забудешься, моя девочка, я бы никогда не позволил тебе прийти сюда, – с упреком сказал он.

– А почему бы мне не сказать ей то, что хочется? – спросила его дочь дерзко, но при этом явно защищаясь. – Я ведь не хуже ее, так?

– Нет, моя девочка, – серьезно ответил Бриггс. – Даже если бы ты была замужем за самым высокопоставленным человеком, ты не была бы ей равней, и нечего притворяться, что это не так.

– Папа, мы ведь не в Средние века живем. Только потому, что она родилась леди...

– Именно потому, что она родилась леди, – твердо повторил Бриггс, крепко держась за свои старомодные принципы. – Ты не смогла бы выйти из комнаты вот так, даже если бы старалась тысячу лет. Она выше тебя, Сьюзан, – что бы она там ни сделала.

– Ну, она... – запальчиво начала Сьюзан, и осеклась, осознав смысл сказанных отцом слов. – Что ты имеешь в виду? – потрясенно спросила она шепотом. – Папа, ты ведь не хочешь сказать, что именно она подсыпала эту дрянь в питье Роберту?

– Я ничего не хочу сказать, потому что сказать мне нечего. Я сказал мистеру Роджерсу, что это было самоубийство, хотя мне неизвестно, поверил ли он в это. Я считаю, нужно предоставить разбираться с этим тем, кого это касается. Твое положение это уже не изменит. – Он посмотрел на часы. – Мне надо идти, – сказал он. – Тебе сейчас принесут поднос с едой. Тебе ничего не нужно делать – просто сиди здесь тихонько и дай мне знать, если его светлость...если что-нибудь случится. Ты разве не взяла с собой шитье или еще какое-нибудь занятие?

– Я найду чем заняться, – сказала Сьюзан, доставая из сумочки маникюрный набор. – Приведу в порядок ногти. Забавно, правда? – добавила она, устроившись в кресле. – Все это время я хотела попасть к его светлости, и вот я наконец здесь, сижу в его комнате, когда все уже почти кончено. Бедный старик! Он был славный, правда?

– Славный – не то слово, моя девочка.

– Думаю, он бы повел себя порядочно по отношению ко мне, если бы Роберт сделал то, что следовало. Как жаль, что я не могу ему сказать. Странно все сложилось, да? Ты старался его побережь, а теперь он не знает той единственной вещи, которая могла бы его подбодрить. Ты расскажешь сэру Джулиусу, папа? – добавила она.

Бриггс покачал головой.

– Хоть он и называет себя социалистом, готова поспорить, что для него это все равно будет удар, – заметила Сьюзан. Эта мысль, казалось, привела ее в хорошее настроение, и она спокойно занялась своими ногтями, когда ее отец удалился.

Сэр Джулиус тем временем был в библиотеке. Он вошел туда вскоре после ухода доктора Боттвинка – настолько скоро, будто он дожидался этой возможности за дверью. Он нашел там сержанта Роджерса, который сидел, откинувшись на спинку кресла, курил папиросу и задумчиво смотрел на бюсты классиков, венчающие книжные полки. Роджерс машинально встал, когда в комнату вошел канцлер казначейства.

– А, Роджерс, – сказал сэр Джулиус. – У вас есть для меня новости?

– Нет, сэр Джулиус. Я проверял телефон сегодня утром, он по-прежнему молчит. Послушаем прогноз по радио без пяти час, и тогда, может быть, поймем, как долго продержится такая погода. Она не может продлиться очень долго, как мне кажется.

– Я должен связаться с премьер-министром в Чекерсе²³ как можно раньше. Это очень важно. Я нахожусь в весьма затруднительном положении, Роджерс, – в весьма затруднительном.

– Несомненно, сэр, – Роджерс демонстрировал заметное отсутствие интереса.

– Леди Камилла сказала мне, что мой кузен в очень тяжелом состоянии.

– Да, сэр. Было бы интересно узнать, кто именно сообщил ему новость, которая вызвала у него этот приступ.

– Полагаю, кто-нибудь из этих чертовых дураков слуг. У них нет никакого такта. Если бы мне предоставили сообщить ему об этом, все могло бы быть по-другому. Ужасное происшествие... ужасное.

– Несомненно, сэр.

²³ Официальная резиденция премьер-министра с 1921 года.

– Вам этого не понять, Роджерс, но я глубоко озабочен состоянием лорда Уорбека.
– Это совершенно естественно, сэр, – сухо сказал детектив. – Но вы должны помнить, что моя забота сейчас – это смерть мистера Роберта Уорбека.

Сэр Джулиус изумленно вскинул брови.

– Но я думал, что это решено, – сказал он. – Он покончил с собой. Я ведь утром вам все объяснил.

– Да, сэр. И то же самое сделали миссис Карстерс и Бриггс.

– Ну вот видите.

– К несчастью, сэр Джулиус, у меня есть причины быть неудовлетворенным этим объяснением.

– Неудовлетворенным?! После того как я сказал вам, что видел это своими собственными глазами?!

– Да, сэр.

– Я знаю, в чем дело, Роджерс. Вы наслушались этого чертова Боттвинка.

– Сэр Джулиус, – серьезно сказал Роджерс, – пожалуйста, вы должны помнить, что сейчас я по вашей собственной просьбе являюсь детективом, расследующим это дело. Я несу перед вами не больше обязанностей, чем перед любым другим свидетелем в этом вопросе. Я не обязан говорить вам, откуда или от кого я получил информацию. С другой стороны, ваш долг – как и любого другого человека – состоит в том, чтобы помогать мне, говоря правду. И для того, чтобы помочь вам рассказать мне правду, я, так и быть, скажу вам вот что: я услышал три рассказа об обстоятельствах, при которых мистер Уорбек якобы совершил самоубийство. Они не согласуются друг с другом и с моими собственными наблюдениями на месте преступления. Я не верю ни одному из них. А теперь, сэр, давайте предположим, что мы начали сначала, и посмотрим, не удастся ли нам узнать правду.

Сэр Джулиус сильно покраснел. Он громко откашлялся, дважды сглотнул и затем сказал:

– Что ж, очень хорошо. Я не видел, как Роберт положил что-то в свой бокал вчера вечером. Это была... неточность. Но не считая этой неточности, я дал вам полный и точный отчет обо всем, что произошло, насколько это позволила моя наблюдательность. Мне больше нечего вам сказать.

– Нечего, сэр Джулиус?

– Совершенно нечего.

Детектив молча прошелся по комнате туда-сюда. Затем он повернулся к сэру Джулиусу и сказал:

– Я надеялся, сэр, что вы расскажете мне что-нибудь о своих перемещениях до ужина. В какой-то момент вы оказались неподалеку от буфетной, не так ли?

– Возможно.

– А вы случайно не заходили туда?

– Я, право, не могу вспомнить. Полагаю, я туда лишь заглянул.

– А был ли там кто-нибудь еще, когда вы туда заглянули?

– Не думаю.

– А с чего бы вам, сэр Джулиус, интересоваться той частью дома, где обитает прислуга?

– Я очень люблю этот старый дом. Я давно здесь не был и воспользовался возможностью оживить давние воспоминания.

– Как и миссис Карстерс, судя по всему.

– Мне совершенно ничего не известно о действиях миссис Карстерс. В конце концов, меня интересует это место. Это родовой дом моей семьи, и я полагаю, что имею право ходить в нем куда пожелаю.

– Вашей семьи – именно так, сэр Джулиус. И по смерти мистера Роберта Уорбека вы являетесь следующим наследником звания пэра. Вам это приходило в голову?

– Конечно, приходило! – резко и зло ответил сэр Джулиус. – Кто, по-вашему, хочет быть пэром в нынешнее время?

– Вы знали, что Бриггс хранит цианистый калий в буфетной?

– Разумеется, нет. Я бы и не узнал это вещество, если бы его увидел.

– Понятно. Благодарю вас, сэр Джулиус.

Сэр Джулиус не воспользовался возможностью удалиться. Вместо этого он остался неуверенно переминаться с ноги на ногу, пока наконец не решил заговорить снова.

– Вы только что упомянули миссис Карстерс, – сказал он. – Я правильно понимаю, что она тоже была в буфетной вчера вечером?

– Похоже на то.

– Но это абсурд... я хочу сказать, абсурд, что она имела какое-то отношение к отравлению Роберта. Я знаю ее много лет – это самый надежный и ценный член партии. И насколько мне известно, она не является наследницей титула пэра, – добавил он с неуверенным смешком. – Да я бы скорее заподозрил леди Камиллу!

Он с тревогой посмотрел на лицо сержанта в поисках хоть какой-то реакции на свои слова, но бесстрастные черты детектива ровным счетом ничего не выражали.

– Вы ведь понимаете, насколько все это нелепо, – продолжил он. – По-моему, совершенно ясно, что это был случай самоубийства, даже если оно и не произошло в точности так, как я... так, как мне показалось. Ведь так легко запутаться в деталях. А если это было не самоубийство, то остается только Бриггс – что совершенно нелепо, и... Боже правый! Почему я не подумал об этом раньше? Конечно, Боттвинк! Разве этот парень не коммунист?

– Он этого не признает, сэр Джулиус.

– Конечно, не признает. Люди подобного сорта никогда этого не делают. Но теперь я вспомнил его имя; он был замешан в каких-то беспорядках в Австрии перед войной. Это все объясняет!

– Вы хотите сказать, что мистер Уорбек был убит из-за его связи с Лигой Свободы и Справедливости?

– Нет, нет! – возразил Джулиус со все возрастающим волнением. – Проблема с вами, полицейскими, в том, что вы не разбираетесь в политике. Никто в здравом уме не беспокоится об этих нелепых неонацистских организациях. Они не более чем комедия, которую играют полоумные юнцы. Нет! Кто сегодня является главными врагами коммунизма? Да мы – социал-демократы Западной Европы! Все это время мишенью был я! И единственное, что меня спасло, – это то, что в суматохе он высыпал яд не в тот бокал!

– Это, разумеется, лишь теория, сэр Джулиус, – бесстрастно сказал Роджерс.

– А теперь, когда его попытка провалилась, он старается посеять подозрения, которые дискредитируют меня, а через меня – основы свободы по всему миру! Вы только вообразите, какое это оказало бы воздействие на Западноевропейский союз, если бы *меня* обвинили в убийстве!

Судя по его лицу в этот момент, Роджерс был совершенно неспособен пользоваться воображением. Он лишь ответил:

– Должен сказать, сэр Джулиус, что, насколько я могу судить о докторе Боттвинке, он больше интересуется политикой восемнадцатого века, чем современной.

– Восемнадцатого века? Вздор! Говорю вам, этот человек опасен!

– Во всяком случае, – сказал Роджерс, – я так понимаю, что теперь вы определенно отказываетесь от предположения, что это самоубийство?

– Ну... я... то есть... я, – запинаясь ответил Джулиус. – Простите, но, кажется, прозвенел гонг к ланчу! – и он вылетел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Роджерс некоторое время в раздумье постоял у камина. Затем он дважды прошелся по комнате туда-сюда, еле слышно напевая невыразительный мотив. Наконец, улыбнувшись собственной слабости, он подошел к книжному шкафу и достал маленький том в зеленой обложке. Он быстро пролистал страницы, пожал плечами и вернул книгу на полку.

XIII. Новый лорд Уорбек

Компания, снова собравшаяся за ланчем, выглядела мрачной. Сэр Джулиус занял место во главе стола, бросив злобный взгляд на сидевшего справа доктора Боттвинка. Доктор Боттвинк в свою очередь, похоже, чувствовал себя совершенно непринужденно, но выглядел рассеянным, словно мысли его все еще были заняты политическими вопросами восемнадцатого века. Сидевшая напротив миссис Карстерс нервничала и ерзала. Место рядом с ней пустовало.

Обед начался в молчании, но не в характере миссис Карстерс было хранить молчание долго. Как следствие, она заговорила о погоде.

– Как долго это продлится, как вы думаете? – спросила она. – Чувствуешь себя настолько беспомощным в такой изоляции.

Сэр Джулиус, к которому, скорее всего, был адресован этот довольно бессмысленный вопрос, лишь мрачно покачал головой. Доктор Боттвинк, который мысленно рассуждал о том, действительно ли Уилкс имел в виду то, что он сказал в 1768 году, его даже не услышал. В отчаянии миссис Карстерс обратилась к Бриггсу:

– А что вы думаете, Бриггс?

– Не могу ничего сказать, мадам.

– Но неужели никто ничего не может сделать? Сидеть здесь и ждать, пока что-нибудь произойдет, – такое безнадежное занятие. Неужели мы не можем собрать несколько человек, чтобы... чтобы сделать хоть что-нибудь?

– Работники с фермы пытаются добраться до деревни, мадам. Они немного продвинулись по дороге, как мне сообщили, но снег становится рыхлым, и им приходится туго.

– Вы сказали, рыхлым?

– Да, мадам. По-видимому, ожидается оттепель.

– Слава небесам!

– Несомненно, мадам. По радио сообщили, что теперь ожидаются масштабные наводнения.

Доктор Боттвинк успел решить проблему с Джоном Уилксом к своему удовлетворению как раз вовремя, чтобы услышать последнее замечание. Он принял эту новость с выражением сильного огорчения на лице, но было ли оно вызвано страхом перед наводнениями или неодобрением выбранных Бриггсом слов, осталось тайной.

– Оттепель! – воскликнул сэр Джулиус. Глаза его на мгновение загорелись, но всего лишь на мгновение. Он снова погрузился в прежнюю угрюмость и в молчании вновь принялся за еду.

В этот момент в комнату вошла леди Камилла, и миссис Карстерс повернулась к ней.

– Камилла, дорогая, вы слышали? – воскликнула она. – Будет оттепель!

– Думаю, она должна была наступить рано или поздно. – Камилла заняла свое место за столом. Лицо ее было спокойным, но глаза предательски покраснели. – Простите, что я опоздала к обеду, – продолжила она. – Я рада, что вы не стали меня ждать.

– Но, Камилла, конечно же мы бы не начали обедать без вас, если бы знали, что вы спуститесь – правда, сэр Джулиус? Я думала, что вы останетесь в комнате лорда Уорбека. Вы ведь не оставили его одного, Камилла? В конце концов, неизвестно же, что может случиться. Может, мне стоит... Я не особо хочу есть...

Миссис Карстерс собралась было встать из-за стола, но Камилла ее остановила.

– Все в порядке, миссис Карстерс, – сказала она. – Разумеется, я не оставила его одного. За ним приглядывают.

– Но кто, дорогая? Я не хочу говорить плохо ни о ком из слуг – Бриггс, вы ведь понимаете, – но при нынешних обстоятельствах не кажется ли вам, что один из нас...

Бриггс в этот момент подавал Камилле блюдо. Она подняла на него глаза, и они переглянулись.

– Вам незачем беспокоиться, – быстро сказала она. – Бриггс был так добр, что попросил свою дочь посидеть с ним, пока я не вернусь.

– Вашу дочь, Бриггс! Мне кажется, я ее помню. Она была маленькой рыжеволосой девочкой в те дни, когда я вела занятия в воскресной школе в деревне. Почему же вы не сказали мне, что она здесь?

Бриггс не сразу ответил, и поток воспоминаний продолжился.

– Я помню, что она поступила в услужение в Лондоне примерно в то время, когда я вышла замуж. Сьюзан Бриггс! Она была очень смысленной девочкой, но довольно непослушной! Что с ней случилось, Бриггс? Чем она занимается сейчас?

– Но я ведь только что сказала вам, миссис Карстерс, – перебила Камилла нервным и резким голосом, – она сидит с лордом Уорбеком, пока я пообедаю.

– Разумеется, но я не это имела в виду, дорогая. Я лишь спросила...

Бриггс, который отошел к буфету, бесстрастно сказал:

– Моя дочь, мадам, была замужем. Она недавно овдовела.

– Боже мой, как печально!

– Да, мадам. Есть горячие пирожки и холодный пудинг. Что вам подать?

Ни один человек не может бесконечно вести односторонний разговор с дворецким, и миссис Карстерс сдалась. Однако не успела она управиться с половиной пирожка, как тишину в комнате нарушил торопливый стук в дверь. Бриггс открыл и сразу же вышел, осторожно прикрыв дверь за собой. Он отсутствовал несколько мгновений и затем вернулся. Подойдя к столу, он сказал:

– Сэр Джулиус, вы не могли бы выйти на минутку?

Бормоча извинения, Джулиус в свою очередь поспешил из комнаты, дворецкий последовал за ним. После их ухода воцарилась тревожная тишина.

– Как вы думаете, что случилось? – спросила наконец миссис Карстерс.

– Полагаю, – ответил доктор Боттвинк, впервые заговорив, – что теперь у нас новый лорд Уорбек.

Доктор Боттвинк оказался прав. Первыми словами, с которыми Бриггс обратился к сэру Джулиусу, когда они вышли из столовой, были:

– Он умер, сэр.

– Умер?

– Да, сэр Джулиус. Совершенно мирно, как говорит моя дочь. – Бриггс, не стыдясь, вынул носовой платок и промокнул глаза. – Вы... Вы, наверное, захотите подняться и посмотреть на него, сэр?

– Да, – с трудом сказал Джулиус, – полагаю, мне следует это сделать.

Мужчины поднялись по лестнице в молчании. Бриггс открыл дверь в комнату лорда Уорбека и отошел в сторону, чтобы пропустить Джулиуса, но тот, проявив редкое для него понимание чувств другого человека, взял Бриггса под руку, и они вошли вместе. Они стояли рядом, глядя на неподвижное, безмятежное лицо. Слов у них не было. Лорд Уорбек наконец покинул этот мир, и если выражение его лица что-то говорило о чувствах, с которыми он из него ушел, то сделал он это без сожалений.

Когда через несколько минут они вышли из комнаты, то обнаружили в коридоре Сьюзан. Джулиус, казалось, не заметил ее, но Бриггс остановил его, когда тот уже собирался пройти мимо.

– Это моя дочь, сэр Джулиус, – сказал он.

– Ах да, – вежливо сказал Джулиус. – Вы ведь были с ним, когда он умер?

– Да.

– Он... Он смог сказать что-нибудь перед кончиной?

– Да, – ответила Сьюзан. В ее резком, невыразительном голосе прозвучала нотка нетерпения. – Я хотела вам об этом рассказать. Перед самым концом он как будто внезапно пришел в сознание, всего на пару мгновений, и сказал совершенно отчетливо: «Скажите Джулиусу, что мне жаль». Вот что он сказал. «Скажите Джулиусу, что мне жаль». Потом он как будто вздрогнул, и все, он скончался.

– Спасибо, – сказал Джулиус. Он повернулся к Бриггсу. – Это очень похоже на моего кузена, – заметил он. – Он до последнего оставался добросердечным и деликатным человеком.

– Я, конечно, не знаю, что именно он имел в виду, – продолжила Сьюзан, – но...

– Нет, нет, милая. Конечно, откуда вам это знать. Но я понимаю, отлично понимаю. Я очень рад, что вы передали мне эти слова.

Он собрался уходить, когда Сьюзан снова заговорила.

– Есть еще кое-что, что я должна сказать вам, и это гораздо важнее, – сказала она.

Джулиус устал и был подавлен, поэтому фамильярность Сьюзан подействовала на его и без того натянутые до предела нервы.

– Что бы это ни было, я уверен, что оно может немного подождать, – довольно резко ответил он. – Мне сейчас о многом нужно подумать, вы должны это понимать. Бриггс, вы не...

– Думаю, сэр, – сказал Бриггс, – я мог бы объяснить, в чем дело. Как говорит моя дочь, это важный вопрос.

– Я бы предпочла объяснить сама, – перебила его Сьюзан. – В конце концов, это мое дело, и я не стану тратить понапрасну время, как это сделал бы ты. – Она повернулась к Джулиусу. – Дело всего лишь вот в чем: вы минуту назад вышли за дверь, думая, что теперь, когда этот старый джентльмен умер, вы станете лордом Уорбеком. Так вот, вы им не станете.

Джулиус воззрился на нее в полном замешательстве.

– Я им не стану? – с запинкой повторил он. – Я – не лорд Уорбек?

Он повернулся к Бриггсу, словно ища у того подтверждения, что это не сон.

– Моя дочь говорит истинную правду, сэр Джулиус, – уверил его Бриггс. – Мистер Роберт женился на ней – надо ли говорить, что это произошло совершенно без моего ведома и согласия, и...

– И мой маленький сын – законный лорд Уорбек! – воскликнула Сьюзан голосом героини старинной мелодрамы.

– У вас... у вас есть ребенок... сын? – запинаясь, спросил сэр Джулиус. – Ребенок Роберта? Рожденный в браке? Господи боже мой! Я и подумать не мог... Я всегда считал... Я...

И без всякого предупреждения он потерял сознание.

* * *

Придя в чувство, сэр Джулиус увидел встревоженное лицо склонившегося над ним Бриггса. Сьюзан исчезла.

– С вами все в порядке, сэр? – спросил дворецкий.

– Да-да, все будет хорошо через минуту. Помогите мне сесть в кресло, Бриггс... Так-то лучше. Принесите мне стакан воды... Спасибо. А теперь скажите, что произошло? Я долго был без сознания?

– Всего пару минут, сэр Джулиус. Боюсь, вы сильно ушиблись при падении.

Джулиус задумчиво потер затылок.

– Это точно, – заметил он.

– Простите, сэр, я не успел вас подхватить. Все произошло так внезапно. Боюсь, это оказалось для вас настоящим потрясением.

– За последние двадцать четыре часа у меня было много потрясений.

– Я очень сожалею, что моя дочь повела себя так... так жестоко, сэр Джулиус.

К изумлению Бриггса, Джулиус засмеялся и казалось, уже не мог остановиться. Рука, в которой он все еще держал стакан с водой, тряслась так сильно, что вода расплескалась на пол.

– Ради бога, возьмите стакан, Бриггс! – сквозь смех сказал он.

– Да, сэр Джулиус, конечно, – сказал дворецкий, теперь уже всерьез встревожившись. Он забрал стакан и стоял, заботливо глядя на Джулиуса, пока продолжался этот приступ неестественного веселья. Вскоре он прекратился так же внезапно, как и начался.

– Не вините свою дочь, Бриггс, – сказал сэр Джулиус, вытирая глаза. – Она считает, что вела себя совершенно естественно.

– Может, и так, сэр Джулиус, но я, тем не менее, это осуждаю.

– Все это правда, я правильно понимаю? Мне это не приснилось? Все это по-прежнему кажется мне совершенно невероятным.

– Уверю вас, это истинная правда, сэр Джулиус.

– И как вам нравится быть дедушкой пэра Соединенного Королевства, Бриггс?

– Я считаю это большим несчастьем, сэ, для человека в моем положении.
Этот ответ чуть было не заставил Джулиуса снова расхохотаться, но он сдержался.

– Он... Мой кузен знал что-нибудь об этом? – спросил он.

– Нет, что вы, сэ Джулиус. Я не мог обсуждать с ним этот вопрос. Я полагался на то, что мистер Роберт уладит все с его светлостью.

– Большая ошибка – полагаться на Роберта хоть в чем-то, – нравоучительно сказал Джулиус. – Дед этого ребенка был гораздо более достойным человеком, чем тот, каким был или каким стал бы его отец. – Он с трудом встал. – Я должен спуститься к остальным, – продолжил он. – Они станут гадать, что со мной такое случилось.

– Вы уверены, что вполне пришли в себя, сэ Джулиус?

– Да, я уже оправился. Это была лишь минутная слабость. Хотя, наверное, мне лучше будет опереться на вас. И я бы хотел, чтобы вы никому и ничего не говорили об этом.

– Я собирался просить вас о том же самом, сэ Джулиус.

– Для человека в моем положении, – продолжил сэ Джулиус, пока они спускались по лестнице, – лучше, чтобы не было никаких сплетен касательно здоровья и прочего. Это наводит людей на всякие мысли. Я ведь здоровый и крепкий мужчина. Совершенно непохоже на меня вот так ослабеть – я бы сказал, беспрецедентно. Но если бы появились безответственные предположения о том, что мое здоровье слабеет, это могло бы причинить серьезный ущерб. Вы понимаете меня?

– Несомненно, сэ Джулиус. Мне бы и в голову не пришло говорить об этом с кем-либо. Но это не совсем то, что я имел в виду.

– А?

– Я хотел попросить вас, сэ, оказать мне любезность и пока не говорить ничего о... о моем внуке, сэ.

Джулиус резко остановился и в изумлении воззрился на него.

– Но почему же нет?

– Ну, если позволите так выразиться, я чувствую, что попал в несколько неловкое положение, сэ.

– Если на то пошло, то не вы один. Вы же не можете всерьез надеяться, что вам удастся скрыть такую информацию.

– Конечно нет, сэ Джулиус, я полностью это осознаю. Просто я был бы рад, если бы это стало известно не раньше, чем разъедутся гости. Мне бы не хотелось показаться перед леди Камиллой и миссис Карстерс в качестве члена семьи, если вы меня понимаете, сэ. Вряд ли это было бы уместно. Леди Камилла, к несчастью, уже знает о мезальянсе мистера Роберта, и нас обоих это очень расстраивает. Если бы вы смогли ничего больше не говорить на эту тему, я был бы вам весьма обязан.

Джулиус некоторое время колебался, прежде чем ответить. Когда он наконец заговорил, его манера уже была лишена некоторого добродушия.

– Это единственная причина, по которой вы не хотите никому сообщать этот весьма важный факт?

– Сэр?

– Вам не пришло в голову, что сержанта Роджерса он тоже может заинтересовать?

– Не понимаю, каким образом это касается сержанта Роджерса, сэ.

– Разве нет, Бриггс? Подумайте. Прямо перед смертью мистер Уорбек собирался сделать весьма важное объявление. Сержант Роджерс спрашивал меня, знаю ли я, о чем шла речь. Разве он не задал вам тот же вопрос?

– Да, сэ Джулиус, должен признать, что задал.

– Теперь для меня очевидно, какое объявление намеревался сделать Роберт. Вы ведь не сказали об этом сержанту, Бриггс?

– При нынешних обстоятельствах, сэ Джулиус, я не считал это необходимым.

– Или вы не сделали этого, потому что вам было что скрывать?

– В самом деле, сэ, я даже не знаю, что сказать, когда вы выдвигаете подобные предположения. Это... это совершенно не то, что я ожидал бы от такого джентльмена как вы.

– Давайте-ка на минуту забудем о правилах поведения джентльменов. Роджерс уже был достаточно любезен, чтобы намекнуть, будто у меня был мотив убить мистера Уорбека. Не понимаю, почему вы должны оказаться в лучшем положении, чем я. В таком деле каждый за себя, Бриггс, и если вы не расскажете все начистоту полиции, то мне придется предоставить им эту информацию – это в моих интересах.

Бриггс нервно сглотнул и сказал:

– Хорошо, сэр Джулиус, я пойду к сержанту прямо сейчас. Однако я бы хотел обратить ваше внимание...

– Да?

– Сэр, я так понимаю, что мы пришли к согласию касательно того, что мистер Роберт совершил самоубийство.

– Думаю, об этом можно забыть, Бриггс. Вы увидите, что сержант Роджерс так не считает – я в этом почти уверен.

– Хорошо, сэр. А в том, что касается дам?..

– Можете положиться на меня, Бриггс. Я буду считать это вашим личным делом.

Когда Джулиус наконец вернулся в столовую, остальные уже пообедали, но не расходились. Он нашел их стоящими у камина – трио подавленных, несовместимых людей, которых объединяла общая тревога. Когда он вошел, все обернулись к нему.

– Да, – сказал Джулиус, отвечая на немой вопрос в их глазах. – Мой бедный кузен умер. Его кончина была очень мирной.

Минуту все молчали. Миссис Карстерс сделала резкий вдох, прозвучавший в тишине почти как шипение. Доктор Боттвинк, засунув руки глубоко в карманы, медленно покачал головой. А затем Камилла заговорила резким, неестественным голосом.

– Теперь их двое, – сказала она. – Роберт, запертый в гостиной, и дядя Том в своей постели наверху. Нас осталось всего четверо! Четверо, запертых здесь этим дьявольским туманом и снегом. Кто будет следующим, как вы думаете?

– Камилла, дорогая, – воскликнула миссис Карстерс, – вы не должны такое говорить! Вы обезумели! Конечно, мы все очень опечалены смертью бедного лорда Уорбека, но...

– Я хочу уехать отсюда, – продолжала Камилла, не обращая на нее внимания. – Я хочу уехать, пока не поздно. На этом доме лежит проклятие. Здесь пахнет смертью. Мы все здесь в опасности, каждый из нас. Неужели никто из вас этого не чувствует? Неужели вы не понимаете, что чем дольше мы здесь остаемся...

– Что касается пребывания здесь, миледи, – сказал доктор Боттвинк нарочито спокойным тоном, – то здесь у нас, к сожалению, нет выбора, пока...

Его слова прервал звук, похожий на сильный стук в оконные стекла. Все повернулись на этот звук, но первой его значение поняла миссис Карстерс.

– Все в порядке! – вскричала она голосом, который внезапно стал веселым и уверенным. – Разве вы не видите, Камилла? Туман рассеивается, и пошел дождь!

XIV. Последствия оттепели

– Вам следовало сразу рассказать мне об этом, – сурово сказал Роджерс.

– Да, мистер Роджерс, – смиренно ответил Бриггс, – теперь я это понимаю. Но я настолько привык хранить молчание по этому поводу, что это почти стало моей второй натурой, так сказать. Понимаете, я считал это делом, которое мы с мистером Робертом должны решить между собой.

– Понимаю. Вы считали, что его долг – рассказать все отцу и признать вашу дочь своей женой?

– Именно так, мистер Роджерс.

– И вы угрожали ему последствиями, если он этого не сделает?

– Мне не нравится слово «угрожать», мистер Роджерс. Мы обменялись несколькими резкими словами, это я признаю. Но что касается угроз – что я мог сделать? В самом крайнем случае я мог рассказать его светлости, но при таком состоянии его здоровья я не желал становиться источником потрясения, способного его убить.

– Вы ведь были очень к нему привязаны?

Дворецкий молча кивнул.

– Но не очень-то любили его сына?

– Он вел себя не как подобает джентльмену, и это факт, мистер Роджерс.

– Может быть, вы предпочли убить сына, нежели шокировать вашего хозяина?

– И поглядите, что с ним сделал шок, вызванный смертью мистера Роберта, упокой господь его душу! – воскликнул Бриггс.

На это детектив ничего не ответил. Он подошел к окну и пристально смотрел во двор. В окна хлестал дождь, и на его глазах огромный пласт снега соскользнул с крыши и с тяжелым глухим звуком упал на землю.

– У вас скоро будет возможность дать объяснения полиции Маркшира, – сказал он. – Хорошо, Бриггс, можете подписать ваши показания и идти. Думаю, мне лучше взять показания и у вашей дочери, чтобы у меня было полное досье, прежде чем я передам дело в другие руки. – Он выглядел совершенно измотанным и подавленным.

– Хорошо, мистер Роджерс, я сейчас пришлю к вам миссис Уорбек.

– Кого? Ах да, конечно, я чуть не забыл. Скажите-ка мне кое-что, пока вы не ушли. Если дождь вскоре прекратится, то как вы думаете, когда кто-нибудь сможет сюда добраться?

– Все зависит от Диддера, мистер Роджерс.

– От чего?

– От Диддера. Это речка, которую нужно перейти, чтобы добраться до деревни. Когда в последний раз был такой сильный снег – это было еще во времена старого лорда – разлив, вызванный оттепелью, отрезал нас на три дня. Но по нынешним временам, с комиссией по водным ресурсам, осушительными системами и прочим, вода в реке спадает гораздо быстрее, чем раньше. На самом деле, его светлость всегда жалуется... то есть жаловался, что все эти нововведения испортили рыбалку. Сам я надеюсь, что мы свяжемся с внешним миром к завтрашнему дню.

– К завтрашнему! – повторил сержант. Он снова повернулся к окну, чтобы Бриггс не видел выражения его лица, но его выдавала спина. Его крепкая фигура заметно поникла, а широкие плечи утратили прямые и уверенные очертания. На фоне окна был виден силуэт побежденного, упавшего духом человека, с нетерпением ждущего завтрашнего дня, когда он должен будет передать своим профессиональным соперникам дело, в котором вынужден признать свое поражение.

Что касается прочих обитателей Уорбек–Холла, начавшийся дождь не принес им ничего, кроме благословенного чувства облегчения. Они стояли вместе у окна столовой, глядя на то, как на глазах меняется белый мир снаружи. Гладкое покрывало, прежде скрывавшее лужайки и клумбы, уже было изрыто мелкими темными впадинками. Бесформенные холмики снега превратились в розовые кусты. Везде, где в земле были углубления, начинали образовываться

темные неглубокие лужицы, на глазах становившиеся глубже и шире. Воздух был наполнен громким плеском воды, водопадами низвергавшейся с водостоков под крышей.

– Трубы все еще забиты снегом, – заметил Джулиус. – Такими темпами затопит весь чердак. – Но он не двинулся.

– Надеюсь, комната с документами надежно защищена от воды, – сказал доктор Боттвинк. – Было бы настоящей катастрофой для науки, если бы что-нибудь случилось с хранящимися там манускриптами. – Но даже эта мысль не смогла оторвать его от окна.

– Разве не прекрасное зрелище? – вздохнула миссис Карстерс. – Кажется неправильным говорить такое после всего случившегося, но я сейчас чувствую себя почти счастливой.

– Как ни парадоксально, – сказал доктор Боттвинк, – но сейчас, когда весь видимый мир словно растворяется в воде, я чувствую себя почти так, как, должно быть, чувствовали себя пассажиры Ноева ковчега, когда воды потопа стали убывать. – Со вздохом он прибавил: – Как жаль, что мы, в отличие от них, не выйдем в мир, где вся прочая жизнь вымерла; вместо этого нас ждет мир, густо населенный любопытными людьми, и они станут задавать нам множество вопросов, на которые у нас сейчас нет ответов.

Выражение лица Джулиуса говорило: ничто не было бы большим проявлением дурного вкуса, чем это замечание. Тягостный реализм этих слов пресек дальнейшую беседу. Однако они еще некоторое время стояли и смотрели на завораживающее зрелище того, как снег исчезает подобно песчаному замку в волнах прилива. Камилла громко зевнула.

– Господи! Я так устала, – сказала она. – Я поднимусь к себе и лягу. Думаю, теперь я смогу заснуть.

Вскоре после ее ухода трое оставшихся наблюдателей заметили, что небо стало светлеть. Облака редели, дождь превратился в морось, и появились проблески бледного, приглушенного солнечного света.

– Я пойду на улицу, – внезапно объявил Джулиус.

– На улицу?! – воскликнула миссис Карстерс. – Но, сэр Джулиус, это невозможно!

– Ерунда! Невозможно ведь сидеть взаперти вечно. Я хочу подышать свежим воздухом.

– Да вы и двух метров не пройдете, как окажетесь по колено в воде, – возразила миссис Карстерс.

– Попрошу болотные сапоги. Бриггс наверняка мне их отыщет. Конечно, я буду держаться аллеи. Если смогу, отправлюсь в деревню. Может быть, мне даже удастся перебраться через мост, а если так, то я смогу послать за помощью. В любом случае, стоит попытаться. На худой конец, хоть разомнусь немного.

– Вы ведь будете осторожны? – с тревогой спросила миссис Карстерс. – После всего, что случилось, мы не можем столкнуться с... – ее голос задрожал, – с еще большими несчастьями. А ваша жизнь имеет большую ценность для страны.

– Я могу о себе позаботиться, – уверенно сказал Джулиус. – А, Бриггс, вот и вы!

– Да, сэр Джулиус, я пришел убрать со стола. Боюсь, я сильно задержался, но...

– Ничего страшного. Я собираюсь выйти и хочу, чтобы вы нашли мне болотные сапоги его светлости. Подойдут те, что высотой до бедра...

Джулиус и Бриггс вышли.

– Новый лорд Уорбек внезапно стал бодрым и энергичным, – сказал доктор Боттвинк, когда они ушли. – Без сомнения, это реакция. Кстати, мадам, я заметил, что вы продолжаете обращаться к нему «сэр Джулиус». Это правильно?

– Совершенно правильно – до похорон.

– Благодарю вас. В таких делах много нюансов, которые иностранцу нелегко понять.

– Мне очень жаль, что вы, иностранцы, так заботитесь о том, что в этой стране уже устарело, – сурово сказала миссис Карстерс. – Я, кажется, уже обращала ваше внимание на то, что мы живем в прогрессивном, демократическом государстве, гораздо более прогрессивном во многих важных сферах, чем все эти ваши так называемые «страны народной демократии». Такие вещи, как титулы и звание пэра, являются любопытными пережитками прошлого, не более того, и вам было бы гораздо полезнее заняться, к примеру, изучением нашей непревзойденной системы социального обеспечения, а не размышлять о таких пустяках, как правильное обращение к соотечественнику.

– Признаю свою ошибку, – кратко сказал доктор Боттвинк. – Я, конечно, знаю, что Англия во многом продвинулась в сторону эгалитаризма. Будет интересно, и в данный момент даже уместно заметить, что вы совсем недавно упразднили привилегию, дающую пэрам право быть судимыми за убийство согласно правовой процедуре, которая отличается от той, что применяют к нам, простым смертным. Тем не менее, такому чужестранцу, как я, может показаться, что вы все еще находитесь под властью тяжелого наследия прошлого. Я столкнулся с весьма интересным примером этого буквально сегодня утром. Возможно, вам захочется об этом услышать.

Доктор Боттвинк внезапно понял, что он разговаривает с пустой комнатой. Он вздохнул и отвернулся. Через несколько минут он снова взбирался по крутой лестнице в комнату с архивом, где его ждало неизменное прошлое со всеми своими сокровищами.

Надев старую рыбацкую шляпу своего кузена, макинтош на несколько размеров больше, болотные сапоги и крепкие ботинки с пряжками, Джулиус зашлепал по аллее. Серая слякоть перемежалась участками рыхлого снега, в который он проваливался по колено. Дренажные стоки забились, и вода в канавах переливалась через край, образуя большие желтые лужи в любом углублении. Но в направлении фермы, куда он двинулся, земля шла под уклон, так что, в сущности, большую часть пути он шел вдоль русла мелкой и быстрой реки, шагая вниз по ее течению. Справа, там, где участок земли круто поднимался вверх, тающий снег превращался в струи воды, которые уже промыли глубокие канавки в покрывавшем аллею гравии. Слева избыток воды низвергался на луг, превращая его в болото. Снег исчезал с поразительной быстротой. Он увидел, что на склоне холма справа в одном-двух местах уже обнажилась земля. Его озадачило то, что она была коричневой, а не зеленой, но, подойдя поближе, он увидел, что эти проталины на самом деле не земля, а толпы изголодавшихся кроликов, которые собрались, чтобы подкормиться вновь появившейся из-под снега травой.

Идти было нелегко, тяжелая экипировка ему сильно мешала, но Джулиус продвигался вперед довольно быстро: по левую руку уже показалась ферма. Он не стал подходить к дому и направился напрямик к деревне. Во двор дома вышел мужчина и что-то прокричал ему, когда он проходил мимо. Джулиус помахал ему и не останавливаясь заторопился дальше. Он сильно потел от такой непривычной физической активности. Лицо его пылало от напряжения. Если он вышел на поиски глотка свежего воздуха, то этой цели он уже достиг; однако он неуклонно продолжал идти вперед, словно от этого зависела его жизнь.

Обойдя каменную изгородь вокруг фермы, он оказался у невысокого откоса, за которым, как он знал, дорога вновь спускается к реке и к деревне за ней. Он тут же увидел то, о чем ему пытался сказать мужчина с фермы. Ветер, дувший в предыдущие два дня, намел глубокий сугроб у откоса, и через него до наступления оттепели работники с фермы пытались пробить путь к внешнему миру. Джулиус оказался на узкой тропинке между двумя снежными валами, поднимавшимися выше его роста. На уровне земли из них сочилась влага, но они все еще стояли, плотные и слежавшиеся, и повышение температуры на них почти не повлияло. Тропинка под ногами была скользкой, потому что люди, которые здесь работали, утоптали снег до состояния льда. Вскоре он достиг конца расчищенного прохода и дошел до того места, где работы были прекращены. Тут у него начались настоящие проблемы. Перед ним была стена из снега – не очень высокая, если уж на то пошло, самое большее три-четыре фута, но это была стена мокрого и рыхлого снега, совершенно не похожая на созданные руками человека валы, мимо которых он только что прошел; это была стена, на которую невозможно было взобраться и через которую было практически невозможно пройти.

Канцлер казначейства бросился на это препятствие с поразительной решимостью. Сделав первый же шаг, он погрузился в снег почти на всю высоту своих сапог, после второго шага с него чуть было не свалился один ботинок. Но он настойчиво продолжал. Размахивая руками, чтобы сохранить равновесие, мокрый и снаружи, и под одеждой, он погружался в мягкую, вязкую массу. Он словно пробирался сквозь клей. Какое-то время казалось, что продвигаться дальше невозможно. Потом, отчаянно дернувшись вперед, он наткнулся на слой плотного снега, примерно в футах от поверхности, который мог выдержать вес его тела. Дальше дело пошло легче. После усилий, показавшихся ему бесконечными, он наконец добрался до края сугроба. По бокам

показались знакомые столбики идущей вдоль аллеи ограды; он, шатаясь и тяжело дыша, преодолел последние ярды склона и победоносно остановился на гребне холма.

Джулиус достал из кармана влажный носовой платок и промокнул лицо, по которому ручьями тек пот. В глазах у него плясали мушки, и он не сразу смог сфокусировать взгляд на открывшейся перед ним картине. Прямо, меньше чем в полумиле, была деревня Уорбек. На небольшом холме, окруженном деревьями, виднелась норманнская башня церкви, с которой накануне доносился звон колоколов. Луч света от склоняющегося к западу солнца так ясно высветил золоченый флюгер в омытом дождем воздухе, что казалось, до него можно дотронуться рукой. Но между ним и деревней лежала широкая мутная полоса воды; на ее темной поверхности тут и там виднелись белые островки – это комья снега отрывались от берегов и плыли, уносимые вздувшимся потоком. Русло окаймлял двойной ряд подстриженных ив, но на добрую сотню ярдов по обе стороны от них переполненная река превратилась в грязное озеро. Прямо перед собой он видел горбатый мост, через который шла дорога к деревне; его арка поднималась над водой, но последний отрезок аллеи, там, где она шла через низкие пойменные луга, исчез под разливом.

Джулиус оценил положение. Он мог довольно точно измерить глубину воды впереди, ориентируясь на изгородь по обеим сторонам. Насколько он мог судить, там было максимум два фута. Очевидно, это скопление воды образовалось от потока, пришедшего с верховья реки, где оттепель, должно быть, началась на несколько часов раньше, чем в долине. Начавшийся днем дождь вряд ли успел в полной мере оказать свое действие на уровень воды в реке. Тающий снег все еще стекал в долину тысячами канавок и протоков. Это означало, что уровень Диддера продолжает подниматься. Если он не переберется через реку сейчас, то может застрять тут на неопределенный срок. Сделав глубокий вдох, он зашагал вниз по склону холма, при каждом шаге в его сапогах хлюпала вода. Все оказалось, как он и думал: вода дошла ему до колен, лишь когда он был в нескольких ярдах от моста. В то же время течение оказалось сильнее, чем он ожидал. Принесенный водой мусор частично забил арку под мостом, так что основная сила потока пришлась большей частью на ближайший берег. Продвигаясь вперед, он обнаружил, что идти прямо становится все труднее. Он не взял с собой шест, и, продвигаясь к цели, чувствовал, как вода рывками тянет его за ноги, пытаясь выбить из-под него опору. Однако под ногами у него была твердая земля, он был хорошо обут, так что, наклоня тело в сторону встречного потока, он неплохо сохранял равновесие.

И тут без всякого предупреждения его левая нога погрузилась в глубокую яму. Он ощутил резкий холод, когда вода перелилась через край сапога. У него мелькнула мысль, что основание аллеи, должно быть, размыло потоком. С судорожным усилием он перенес правую ногу вперед и на глубине нащупал твердую опору. С трудом вытянув провалившуюся левую ногу, он поставил ее рядом с правой. Сейчас он как никогда сожалел об отсутствии шеста для перехода реки вброд. Невозможно было угадать, каким окажется дно этого грязного потока. С другой стороны, возвращаться было так же опасно, как и идти вперед. Мост заманчиво возвышался перед ним всего в нескольких шагах. Очень осторожно, теперь переставляя каждую ногу лишь на несколько дюймов, он двинулся к нему.

Он прошел всего лишь около ярда, когда пласт гравия, на котором он стоял, всей массой скользнул из-под его ног в пустоту. Сэр Джулиус плашмя упал на спину. Голова его оставалась над поверхностью, но тело полностью погрузилось в воду. В тот же миг его ступни оторвались от земли и всплыли к поверхности, так как заключенный в сапогах воздух сделал их единственной плавучей частью его тела. Никакими мыслимыми усилиями он не мог теперь встать на ноги. Он слышал сердитый рев воды и беспомощно смотрел, как вздувшиеся на его ногах сапоги закружились в маленьком водовороте, а потом поплыли вниз по течению, волоча за собой тяжелый от воды, медленно тонущий сверток, который – как вдруг потрясенно и испуганно осознал он – был в действительности сэром Джулиусом Уорбеком, членом парламента, который сейчас находился совсем близко от смерти.

Внезапно он почувствовал острую боль под правой рукой. Пару секунд он словно в тумане думал, что это какое-то не описанное прежде ощущение при утоплении, но затем боль превратилась в рывок. Он понял, что больше не плавает по течению, а быстро движется поперек него. Вывернув голову, он обнаружил, что тянущим его приспособлением является крепкая трость, изогнутая рукоять которой надежно поддерживала его плечо. Второй конец трости находился в

руках сержанта Роджерса, который, удобно стоя на мелководье, был занят тем, что тащил его к берегу, выказывая при этом существенно меньше эмоций, чем большинство людей демонстрируют, забавившись.

Насквозь мокрый, жалкий и онемевший, канцлер казначейства позволил поставить себя на ноги. Все еще молча он прошел за сержантом на берег и стоял там, дрожа, пока Роджерс безмолвно снял с него башмаки и болотные сапоги и вылил из них воду. Еще более ужасный миг настал, когда ему пришлось снова обуть их, потому что они были липкими и отвратительно пахли. Именно в этот момент он снова обрел дар речи.

– Роджерс, – сказал сэр Джулиус, прыгая на одной ноге без башмака, – я премного вам благодарен.

– Не за что, сэр, – невозмутимо ответил сержант. – В конце концов, это моя работа. – Он поддержал Джулиуса сильной рукой и добавил: – На самом деле я, можно сказать, не справился со своей работой, иначе вас бы вообще здесь не было. Позвольте мне, сэр, – и он наклонился, чтобы затянуть пряжку на башмаке.

– Лично я считаю, что вы проделали отличную работу, вытащив меня отсюда, – заметил Джулиус, обращаясь к согнутой спине Роджерса.

Сержант поднялся, лицо его покраснело от наклона.

– Моя работа, сэр, – сурово ответил он, – присматривать за вами. Именно за этим я здесь нахожусь. Если бы я не позволил себе увлечься, так сказать, пытаюсь сделать то, что по закону должна делать полиция Маркшира, я бы ни за что не позволил вам попасть в такую передрыгу. А теперь, сэр, если вы готовы, мы как можно быстрее пойдем назад. Лучше возьмите меня под руку, и пойдем так быстро, как только сможем. Вам лучше поскорее снять с себя мокрые вещи.

Рука об руку промокшая пара нетвердой походкой отправилась назад. По дороге сержант Роджерс лишь один раз позволил себе вновь упомянуть об этом приключении.

– Я был бы очень благодарен, сэр, – сказал он, – если бы вы не сообщали об этом в Особый отдел. Мне бы не хотелось, чтобы там подумали, что я повел себя настолько безответственно, что позволил вам выйти из дома одному в такой день.

– Я сделаю все, о чем вы попросите, – сказал сэр Джулиус. – Но черт подери, я не грудной ребенок. Я имею право выйти на прогулку в одиночестве, если мне этого хочется. Если бы я утонул, то это была бы моя вина.

– Ваша вина, сэр, и моя ответственность. Об этом вы забываете. А если бы вы не утонули? Возможно, с моей точки зрения, это было бы еще хуже. Что, если бы вы завтра утром появились на Даунинг-стрит без меня? Мне бы пришлось давать множество неудобных объяснений.

– Вы совершенно правы, – смиренно сказал Джулиус. – Простите, Роджерс, это было эгоистично с моей стороны.

– Кстати, любопытно, сэр Джулиус: вы направлялись именно на Даунинг-стрит?

Несмотря на то, что Джулиус замерз и очень устал, он улыбнулся.

– О да, – заверил он своего спутника. – Именно на Даунинг-стрит. Я не беглец, спасающийся от правосудия, Роджерс.

– А, – сказал детектив. По его тону невозможно было понять, поверил ли он этому утверждению. – Можно сказать, что сейчас это представляет для меня лишь отвлеченный интерес, но я решил, что будет интересно это выяснить.

XV. Ошибка доктора Боттвинка

Было уже почти темно, когда двое мужчин вернулись в Уорбек-Холл под возобновившимся ливнем. Любой, кто увидел бы их, подумал бы, что внешне они напоминают пойманного заключенного и его охранника, и такого человека можно было бы простить за подобную мысль. Сэр Джулиус едва волочил ноги и вряд ли дошел бы до дома, если бы не поддержка Роджерса, который с угрюмым и решительным лицом бесстрастно шагал с ним рядом, крепко держа его под руку. Но к счастью, никто не видел позора канцлера, и они незаметно вошли через боковую дверь.

Все еще молча сержант отвел своего подопечного в гардеробную, где снял с него макинтош и болотные сапоги. Сэр Джулиус не протестовал. Его пальцы в любом случае слишком онемели, чтобы самому справиться с промокшими ремнями и пряжками. После этого он позволил отвести себя наверх, в свою комнату, и раздеться. Он послушно проглотил горячий бренди с водой, который Роджерс смешал с поразительной быстротой; так же послушно он забрался в горячую ванну, которую Роджерс ему приготовил. К этому времени Джулиус уже находился в состоянии такой покорности, что испытывал прямо-таки благодарность за то, что этот человек не отправился за ним в ванную и не стал его мыть.

Выйдя из ванной, он обнаружил, что Роджерс ждет его в комнате, и что сам он тоже успел переодеться. Ванна и питье сотворили чудо, и сэр Джулиус уже в достаточной степени оправился от неприятных ощущений, чтобы задуматься о том, что не он один сегодня вымок насквозь.

– Надеюсь, вы не слишком пострадали, Роджерс, – сказал он вполголоса, желая проявить внимательность.

– Нет, благодарю вас, сэр, – коротко ответил детектив, как будто несколько раздраженный тем, что ему приписывают какие-то человеческие слабости. – А теперь, я полагаю, вы хотите лечь.

– Нет-нет. Я снова в полном порядке благодаря вашим заботам, Роджерс. Я немного устал и, наверное, лягу рано. Но сейчас мне нужен не столько отдых, сколько еда.

– Хорошо, сэр. В таком случае, как только вы оденетесь, мы спустимся к чаю.

Это «мы» не ускользнуло от внимания сэра Джулиуса. Он отлично понял, что оно подразумевало: отныне сержант Роджерс будет его постоянным спутником. Пока он остается в Уорбек-Холле, за ним все время будет следить этот холодный, неодобрительный взгляд. Вздохнув, он смирился с неизбежным и поторопился одеться самостоятельно.

– Ну, сэр Джулиус, – сказала миссис Карстерс, когда он и его охранник вошли в библиотеку, – вот и вы. Вы сильно промокли?

Сэр Джулиус с удивлением обнаружил, что чай только что подали. Вся его эскапада, во время которой он пережил такие сильные ощущения, что их хватило бы на всю оставшуюся жизнь, заняла чуть больше часа. Он с облегчением понял, что отсутствовал недостаточно долго, чтобы это заметили. Вот она миссис Карстерс – готовится разливать чай, как вчера это делала Камилла; неужели это было всего-навсего вчера? А вот доктор Боттвинк, спокойный и молчаливый, и оба они думают, что Джулиус всего лишь вышел прогуляться под дождем. Но в то же время его немного огорчало то, что после такого сурового испытания его присутствие воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Не каждый день человеку случается едва не утонуть. Но как бы он ни любил поговорить о себе и своих делах, в этом случае следовало проявить сдержанность.

– Да. Очень сильно промок, – ответил он. – Как и сержант Роджерс, который часть пути прошел со мной. Кстати: надеюсь, вы не будете против, если Роджерс выпьет с нами чаю? Ему кажется, что при таких обстоятельствах было бы лучше...

– Конечно, конечно. – Кажется, миссис Карстерс была в превосходном расположении духа. – Мы будем очень рады его обществу, правда, доктор Боттвинк? (Видите, я теперь правильно произношу вашу фамилию!). Бриггс, принесите, пожалуйста, чашку с блюдцем для сержанта Роджерса.

– Хорошо, мадам.

Бриггс говорил без всякого выражения. Ни один мускул не дрогнул на его лице; ни малейшего намека на то, что он счел этот приказ не вполне обычным. Хорошо вышколенный дворецкий

приучен подавлять свои чувства в подобных случаях. И тем не менее, каким-то мистическим образом ему удалось дать понять всем присутствующим, что это предложение вызвало у него негодование. Невозможно было сказать, как он сумел это сделать. Столь искусные методы передачи информации – это тайна телепатов и хорошо вышколенных дворецких.

Словно бросая вызов направленным на нее волнам неодобрения, миссис Карстерс решила воспользоваться ситуацией.

– Я это вполне понимаю, сэр Джулиус, – сказала она доверительным тоном, – и, если позволите так выразиться, полностью одобряю. В конце концов, вы ведь сейчас лицо особой важности, правда?

Меньше чем за минуту сэру Джулиусу пришлось во второй раз испытать суровую необходимость прикусить язык и не обсуждать тему, которую он любил больше всех прочих тем на свете. То, что ему это удалось, возможно, получилось из-за присутствия Бриггса, а может быть, просто потому, что миссис Карстерс не дала ему возможности что-то сказать: она тут же умудрилась еще больше обидеть и без того уже глубоко оскорбленного человека.

– И принесите поднос для леди Камиллы, Бриггс, – продолжила она. – Не думаю, что она захочет спуститься. Я сначала отнесу его ей, а потом выпью чаю сама.

Доктор Боттвинк, Джулиус и Роджерс хором предложили избавить ее от хлопот, взявшись отнести поднос для Камиллы. Бриггс выразительно, но без слов, дал понять, что подавать гостям Уорбек-Холла еду в комнату – это дело дворецкого, и никого другого. Однако миссис Карстерс проигнорировала их всех. Не прекращая потока несвязной болтовни, она разливала чай для мужчин, пока не прибыл поднос со свежесваренным чаем.

– Придется вам самим о себе позаботиться, пока я не вернусь, – игриво сказала она. – Но я уйду всего на пару минут.

Миссис Карстерс определенно была в хорошем расположении духа. Она вполголоса напевала, пока вприпрыжку – иначе не скажешь – шла к двери, которую перед ней распахнул Бриггс, всем своим видом выражающий неодобрение. Если и был в этом несчастливом доме человек, который с наступлением оттепели вновь обрел надежду и хорошее настроение, то это была миссис Карстерс.

Оставшись одни, трое мужчин снова заняли свои места в комнате, в которой вдруг наступила блаженная тишина. Джулиус понял, что зверски голоден. Он умял две булочки с маслом и половину лежавших на блюде бутербродов, а затем совершил серьезный набег на рождественский пирог. Доктору Боттвинку повезло, что он обладал скромным аппетитом, потому что Роджерс тоже оказался любителем поесть.

Мужчины ели почти в полном молчании. Джулиус был слишком занят поглощением еды, чтобы разговаривать, а ни один из двух прочих мужчин не был склонен к светской болтовне. Лишь когда чайник опустел и они достали папиросы, завязалось нечто вроде беседы, да и то это были лишь отрывочные замечания доктора Боттвинка о погоде, на которые Джулиус отвечал ворчанием, а Роджерс – более вежливыми односложными репликами.

Чуть позже Джулиус откинулся на спинку кресла, вытянул к огню усталые ноги и почувствовал себя так, как бывало в дни молодости после долгого дня, проведенного в седле. (Тот факт, что в возрасте между двадцатью и тридцатью годами он регулярно охотился с гончими, был одной из самых ревностно оберегаемых тайн в высших кругах его партии.) Завтра все его мышцы совершенно одеревенеют. Почему Роджерс не добавил горчицы в ванну? Он не велел ему это сделать, но тот мог бы и сам догадаться. Хотя нет, это несправедливо. В конце концов, он ведь полицейский, а не лакей. Он и без того постарался на славу. Канцлер на минуту задремал, и тут же, дернувшись, проснулся. Так не пойдет! В комнате его ждет работа, которую необходимо выполнить. Ему не мешало бы приняться за нее сейчас. Однако он словно прирос к креслу, и глаза у него слипались. Он снова открыл их, услышав голос доктора Боттвинка, который доносился будто с огромного расстояния:

– Миссис Карстерс уже довольно долго нет.

Джулиус оглядел опустошенный стол.

– Мы ей мало что оставили, – заметил он, широко зевая. – Бриггсу придется принести ей свежего чаю, когда она все-таки вернется.

Роджерс ничего не сказал. Судя по его виду, он тоже наполовину спал. Если принять во внимание, в котором часу он лег нынешней ночью, его можно было извинить, но доктор Боттвинк презрительно хмурился в его сторону.

– Я отчетливо слышал, как она сказала, что вернется через пару минут, – сказал он. – Ее нет уже по меньшей мере двадцать пять минут. Разве вы не находите это странным?

Сэр Джулиус снова закрыл глаза.

– Я определенно нахожу, что без нее стало очень тихо, – пробормотал он.

Доктор Боттвинк нетерпеливо пожал плечами. Он уже собирался что-то возразить, когда дверь открылась, однако вошла не миссис Карстерс, а всего лишь Бриггс, который принялся убирать со стола.

– Бриггс, – спросил историк, – вы не знаете, где миссис Карстерс?

– Нет, сэр. Она поднялась к леди Камилле. Разве она не спускалась?

– Она не спускалась, и она не выпила чаю, – встревоженно ответил доктор Боттвинк.

Бриггс с минуту молча созерцал стол.

– Наверное, мне следует заварить ей свежий, – предложил он. – И сделать еще бутербродов.

– Понятно. Как и сэр Джулиус, вы считаете, что все можно поправить свежесваренным чаем.

А я вот так не думаю. В этом доме уже случилось то, что нельзя поправить чайником чая. Возможно, это еще один такой случай. Я не знаю. Я лишь надеюсь, что могу ошибаться.

– На что именно вы намекаете, доктор Боттвинк? – заговорил Роджерс, и теперь он, без сомнения, совершенно очнулся ото сна.

– Я не знаю, на что я, как вы выражаетесь, намекаю. Возможно, у меня просто шалют нервы. Я только спрашиваю себя: почему миссис Карстерс понадобилось почти полчаса на то, чтобы отнести чай леди Камилле? Или наоборот: почему леди Камилле понадобилось полчаса на то, чтобы взять чай у миссис Карстерс? Мне это кажется странным, а в таком доме, как этот, все, что кажется странным, вызывает тревогу.

– Вас легко встревожить, сэр.

– Очень легко, – просто сказал доктор Боттвинк. Он беспокойно переминался с ноги на ногу, и затем снова обратился к Бриггсу.

– Вы уверены, что миссис Карстерс пошла в комнату леди Камиллы? – спросил он.

– Она пошла в том направлении, сэр.

– И с тех пор ни слуху ни духу ни о ней... – он сделал паузу и многозначительно продолжил: – Ни о леди Камилле?

– Нет, сэр.

– Она ведь поднялась к себе после ланча, верно? С тех пор она не звонила и не давала о себе знать каким-либо иным способом?

– Насколько мне известно, нет, сэр.

– Тогда, Бриггс, не сделаете ли вы мне одолжение, поднявшись в комнату ее светлости? Постучите в дверь, войдите при необходимости... В конце концов, вам нужно будет забрать поднос с чаем... И убедитесь, все ли с ней в порядке.

Бриггс с подносом в руках изумленно смотрел на него.

– Я схожу, если вы считаете это необходимым, сэр. Мне не пристало входить в комнату к даме, но...

– По крайней мере, постучите в дверь и добейтесь ответа, если сможете, – настаивал доктор Боттвинк. – Идите же, Бриггс, умоляю вас!

– Хорошо, сэр.

С явной неохотой дворецкий вышел, неся перед собой поднос.

– А теперь, – сказал Джулиус, с трудом поднимаясь с кресла, – может, вы будете так добры объяснить мне, что все это значит?

Доктор Боттвинк, который нервно расхаживал туда-сюда по комнате, резко остановился перед ним и всплеснул руками.

– Сэр Джулиус, – сказал он, – вы, кажется, неоднократно говорили мне, что я не понимаю английских обычаев и традиций. Но вы также обратили мое внимание на то, что произошедшее в этом доме совершенно не в английском духе. Следовательно, я считаю, что я, как и любой другой, имею право сказать, каким мне представляется положение, и почему меня, как выразился

любезный Роджерс, легко встревожить. А положение мне представляется вот каким: среди нас разгуливает убийца, который уже напал один раз; по правде говоря, я считаю, что дважды. Я уже определил для себя, кто этот убийца, и если бы сержант последовал моему совету, то думаю, он пришел бы к тому же выводу. А теперь...

Он резко умолк, так как в комнату вошел Бриггс.

– Ну? – спросил он. – Вы были у леди Камиллы?

– Нет, сэр, – спокойно ответил дворецкий. – Это оказалось лишним. Причин для тревоги нет. Миссис Карстерс поднялась к ней и обнаружила, что леди Камилла еще спит. Поэтому она решила отнести поднос с чаем, приготовленным для ее светлости, к себе в комнату, и выпить чаю в одиночестве, не возвращаясь сюда. Вот и все.

– И все дела! – фыркнув, сказал Джулиус.

– Миссис Карстерс сама сказала вам об этом? – быстро спросил доктор Боттвинк.

– Нет, сэр. Моя дочь оказалась на лестничной площадке как раз когда миссис Карстерс вышла из комнаты ее светлости и сообщила об этом. Она добавила, чтобы леди Камиллу не беспокоили. Я вам еще понадоблюсь, сэр?

– Так! – Доктор Боттвинк повернулся к Джулиусу, его обычно спокойное лицо исказилось от волнения. – Сэр Джулиус, я намерен побеспокоить леди Камиллу сам, и немедленно; остается лишь молиться, чтобы ее еще можно было побеспокоить!

Он оттолкнул изумленного Бриггса и вылетел из комнаты.

– Думаю, нам лучше пойти с ним, сэр, – тихо сказал Роджерс Джулиусу и поспешил за историком. Джулиус последовал за ним, шествие замыкал Бриггс. Все они стали подниматься по лестнице.

Они догнали доктора Боттвинка у комнаты леди Камиллы. Он внимательно прислушивался у двери. Очевидно, ничего не услышав, он громко постучал. Ответа не последовало. Он минуту подождал, затем распахнул дверь и вошел в комнату; остальные нервно шли за ним по пятам.

Леди Камилла лежала в постели, натянув на плечи пуховое одеяло. Она лежала на боку, спиной к ворвавшимся к ней мужчинам. Доктор Боттвинк подошел к ней с выражением крайней тревоги на лице. Он наклонился, схватил ее за плечо и потряс.

Камилла резко вздрогнула, села в кровати и уставилась на него. По мере того, как она медленно просыпалась, недоумение на ее лице сменялось негодованием.

– Какого черта?.. – спросила леди Камилла сонным голосом.

– Я не знаю, что сказать, – произнес доктор Боттвинк. – Я повел себя очень глупо. Мне стыдно.

– Если на то пошло, то вам удалось всех нас поставить в весьма глупое положение. Вломилась вчетвером в комнату к молодой женщине, разбудили ее и напугали до полусмерти...

– Не сыпьте соль на рану, сэр Джулиус. Повторяю, мне стыдно. Я у всех вас прошу прощения.

Они беседовали на лестничной площадке, куда удалились после того, как пяясь, отступили из комнаты Камиллы.

– Я сейчас пойду в фамильный архив, – сказал доктор Боттвинк, – и продолжу свою работу. Мне вообще не следовало ее прекращать. Я хорош лишь для одного занятия. Вмешиваться в то, что тебя не касается, – это ошибка. Это послужит мне уроком.

– Минутку, сэр, – заговорил Роджерс. – Кажется, вы забываете, что ситуацию, которая изначально вас встревожила, нужно еще прояснить.

– Я не понимаю.

– Я думал, вас беспокоило то, что миссис Карстерс ушла из библиотеки на несколько минут и не вернулась.

– Ах, это! – историк пожал плечами. – Я беспокоился лишь потому, что она пошла к леди Камилле. Я не тревожился за безопасность миссис Карстерс, о нет!

– Что ж, – невозмутимо сказал сержант, – я не понимаю, почему безопасность одного человека должна заботить вас больше, чем безопасность всех остальных. Моя работа – это безопасность сэра Джулиуса, и меня сейчас не особо интересует кто-то другой. Но раз уж мы здесь, то я думаю, мы могли бы постучать к миссис Карстерс и убедиться, что с ней тоже все в порядке.

– Как пожелаете, сержант. Повторяю, меня это не заботит. Однако на этот раз я постараюсь избежать неловкости и останусь снаружи.

Деревянной походкой сержант Роджерс прошел по коридору к комнате миссис Карстерс. Как и доктор Боттвинк, он прислушался. Как и доктор Боттвинк, он постучал, но сделал это дважды и еще громче. Затем он распахнул дверь.

Миссис Карстерс не лежала в постели. Она сидела в кресле, глядя прямо на дверь широко раскрытыми глазами. Она была мертва.

XVI. Чайник чая

– Да нет же! – устало сказал доктор Боттвинк. – Это невозможно! В соответствии со всеми правилами логики и разума это невозможно!

– Но это произошло, доктор Боттвинк, – сказал Роджерс.

Четверо мужчин собрались у камина в библиотеке. Под воздействием случившегося несчастья были забыты ранги и титулы, и Бриггс без приглашения сел рядом со всеми. Он был страшно бледен, а его руки неудержимо тряслись. Что касается остальных, то Джулиус будто остолбенел, взгляд у него был стеклянный, а движения медленные и неуверенные. Боттвинк резко опустился в кресло, словно сдувшийся воздушный шар. Даже его круглые полные щеки обвисли и приобрели желтоватый оттенок, которого на них прежде не было. Что до Роджерса, то его лицо не выражало ничего, кроме бесконечной усталости. Он автоматическим движением стал сворачивать папиросу, но, покончив с этим, так и не закурил. Вместо этого он сидел, уставившись на маленький бумажный цилиндр в своей руке, словно недоумевал, откуда тот в ней взялся.

– Это какой-то абсурд! – почти раздраженно запротестовал доктор Боттвинк. – Миссис Карстерс, вы только подумайте!

– Я вас не понимаю, – мрачно сказал Джулиус. – Если по дому разгуливает маньяк, который убивает людей, то по какой причине миссис Карстерс должна быть в большей безопасности, чем остальные?

– Если это маньяк, то ни для чего нет никаких причин. Это логично. Это я могу понять. Но я не увидел здесь признаков мании. Напротив. Я предполагал, что убийца в здравом уме, и исходя из этого предположения было лишь два человека, всего два, чьи жизни я был готов считать надежно защищенными – это миссис Карстерс и вы, сэр Джулиус. Но теперь... – Он пожал плечами и умолк.

– А могу я спросить, сэр, с чего это вы впутываете мое имя в это дело, неважно из каких предположений? – спросил Джулиус. – Вы что, намекаете...

– Это ни к чему нас не приведет, – смешался Роджерс. – Давайте придерживаться фактов. Миссис Карстерс умерла, по-видимому, совершенно таким же образом, как и мистер Роберт Уорбек – от отравления цианидом.

– Несомненно, это был цианид, – тихо сказал доктор Боттвинк.

– Придется провести анализ в установленном порядке, – продолжал детектив, – но все улики свидетельствуют о том, что она выпила яд вместе с чаем. Мы знаем, что где-то в доме находится флакон этого яда, но хотя я тщательно обыскал ее комнату, я не смог его там найти. Следовательно, мы можем допустить, что она не сделала этого по собственной воле. В таком случае, яд уже был в чае до того, как миссис Карстерс принесла его в свою комнату.

Роджерс умолк и откашлялся. Когда он вновь заговорил усталым, невыразительным голосом, Бриггса начала бить дрожь.

– Мы кое-что знаем о происхождении этого чая, – сказал Роджерс. – Он был приготовлен не для миссис Карстерс, а для леди Камиллы Прендергаст, и покойная отнесла его к ней в комнату. По-видимому, то, что по чистой случайности леди Камилла спала, побудило миссис Карстерс выпить чай вместо нее.

– Но зачем ей было это делать? – перебил доктор Боттвинк. – Чай был приготовлен для нее здесь. Мне кажется совершенно неестественным...

– Я лишь рассматриваю факты, – холодно сказал Роджерс. – Я еще не беседовал с леди Камиллой на эту тему, но если она действительно спала, когда к ней пришла миссис Карстерс, так же как тогда, когда пришли мы, то факты кажутся достаточно ясными. Из этого следует, что если чай был намеренно отравлен, то он должен был убить не миссис Карстерс, а леди Камиллу. Теперь вот что: свежий чай заварили в кухне...

– Клянусь богом, сэр, я ничего в него не клал! – вскричал Бриггс.

– Заварили в кухне, – неумолимо повторил Роджерс. – Сюда его принес Бриггс и передал его миссис Карстерс. Насколько нам известно, она не выпускала поднос из рук до своей смерти. Бриггс, – он резко повернулся к побелевшему дворецкому, – это ведь вы заваривали чай?

– Да, мистер Роджерс, – ответил Бриггс почти шепотом. – То есть я... Да, это я его заварил.

– С вами кто-то был в это время? Кухарка – где она была?

– Она и остальные слуги пили чай в комнате экономки. Я... Я был совсем один.

Роджерс посмотрел на него бесконечно усталым взглядом, в котором мелькнуло сочувствие.

– Знаете, вам лучше говорить правду, – сказал он. – Кто еще был с вами в кухне?

После нескольких секунд молчания, которые показались очень долгими, Бриггс сказал сдавленным голосом:

– Какое-то время со мной была моя дочь.

Вновь последовало молчание, и тут Роджерс снова вспомнил, что держит папиросу. Он разгладил помятую бумагу, сунул папиросу в рот, закурил, выдохнул облачко едкого дыма и спросил:

– Какое участие она принимала в заваривании чая?

Собравшимся у камина мужчинам пришлось напрячь слух, чтобы разобрать ответ. Бриггс низко опустил голову и говорил почти шепотом; слова беспорядочно срывались с его побелевших губ.

– Я нарезал хлеб для бутербродов на кухонном столе, – сказал он, – когда вошла моя дочь. Чайник был на плите позади меня и как раз закипал. Она спросила, для кого чай, и я ей ответил. Я уже подогрел заварочный чайник и насыпал в него чай – из той же чайницы, из которой заваривал чай для вас. Потом чайник вскипел, и она спросила, не налить ли кипятка в заварочный чайник. Чтобы самому не хлопотать, я ответил «да». Я даже не обернулся. Она налила кипятка в заварочный чайник, поставила его на поднос со мной рядом и вышла. Это все, джентльмены. – Он резко умолк и закрыл лицо руками.

– Но я все равно говорю, что это невозможно! – воскликнул доктор Боттвинк.

– Благодарю вас, сэр, – слабо прошептал Бриггс. Затем он через силу поднялся на ноги. – Если вы меня извините, – сказал он, – я сейчас удалюсь. У меня много работы, и...

– Минутку, Бриггс, – сказал Роджерс. – Прежде чем вы уйдете, есть еще кое-что, о чем я хочу вас спросить. Изначально именно вы сказали нам, что миссис Карстерс отнесла чай, предназначавшийся для леди Камиллы, в свою комнату. Вы получили эти сведения от вашей дочери?

– Да, мистер Роджерс. Она сказала об этом мне, а я передал то же самое вам.

– Похоже, что ваша дочь сильно замешана в этом деле.

– Я... Я не могу поверить, что она имела к этому какое-то отношение, мистер Роджерс.

– Это ей придется объяснить соответствующим органам в надлежащее время. Где она сейчас?

– В своей комнате, полагаю. Вы хотите ее видеть?

Детектив минуту колебался.

– Да, – наконец сказал он. – Попросите ее немедленно спуститься сюда. И вы не должны ничего ей говорить о том, что произошло, вам ясно?

– Хорошо, мистер Роджерс.

После ухода Бриггса Роджерс повернулся к Джулиусу.

– Как я уже сказал вам сегодня, сэр Джулиус, моя задача – охранять вас. Я больше не считаю себя ответственным за это дело. Ждать прибытия местной полиции осталось недолго, и проводить расследование – это их работа. Но я считаю, что мой долг офицера полиции – дать им как можно более полный отчет о фактах. Это единственная причина, по которой я предложил расспросить эту молодую женщину. Как я понимаю, у вас нет возражений?

– Действуйте, как считаете нужным, – коротко ответил Джулиус.

– Вы не против, – спросил доктор Боттвинк, – если я буду присутствовать при вашей встрече с этой девушкой? Мне это было бы крайне интересно.

– При условии, что вы не станете пытаться участвовать в разговоре, сэр, я могу вам это разрешить.

– Я вам очень признателен. Я никак не могу взять в толк, зачем дочери достойного Бриггса пытаться отравить леди Камиллу.

– Вполне себе мотив, – проворчал Джулиус, – две женщины и один мужчина. – Он встал. – Я пойду к себе, – объявил он.

Роджерс встревожился.

- Не уверен, сэр Джулиус, что я могу позволить вам... – начал он.
- ...скрыться от ваших глаз, вы хотите сказать? Я о себе позабочусь. Запрусь в комнате на ключ. Прежде чем сержант успел возразить, Джулиус ушел.
- Две женщины и один мужчина, – пробормотал доктор Боттвинк, когда за ним закрылась дверь. – Это, конечно, осложнение. Признаю, что я этого не предвидел. А вы согласны с этой теорией, сержант Роджерс?
- Роджерс с совершенно измученным видом ответил:
- Меня сейчас не заботят теории, сэр. Мое дело – просто собрать все факты, которые привлекли мое внимание, и передать их соответствующим лицам.
- Ах да, факты! Может быть, это лучший метод – если вы сможете его придерживаться. Сам же я не способен избежать логических рассуждений, а это очень утомляет, особенно когда приводит к абсурдным выводам. Но кстати о фактах: был один маленький факт касательно миссис Карстерс, который вы не упомянули в вашем превосходном *résumé*²⁴ этого дела.
- Да?
- Полагаю, это совершенно незначительный факт, но вы заметили, что туфли у нее были мокрые?
- Заметил. На ковре остались следы, и они указывают на то, что она подходила к французскому окну в своей комнате и ненадолго выходила на балкон. Там все еще много подтаявшего снега.
- Благодарю. Вы установили факт, который объясняет состояние ее обуви, хотя не установили причину, объясняющую этот факт. Это вы оставляете другим, как и положено. Можно многое сказать о принципе разделения труда, не так ли?
- Сержант решил, что этот вопрос не требует ответа, и они больше ничего не говорили друг другу, пока через несколько минут в комнату не вошла Сьюзан.
- Вы хотели меня видеть? – отрывисто спросила она.
- Да, хотел. Присядьте, миссис Уорбек.
- *Lieber Gott!*²⁵ – воскликнул доктор Боттвинк.
- Доктор Боттвинк, – строго сказал Роджерс, – если вы хотите остаться здесь, вы не должны вмешиваться.
- Мои глубочайшие извинения, сержант. Это не повторится, я обещаю.
- Роджерс снова повернулся к Сьюзан.
- Насколько я понимаю, недавно вы были в кухне, когда ваш отец готовил чай для леди Камиллы Прендергаст.
- Верно.
- Сьюзан выглядела искренне озадаченной, но ее взгляд был настроенным и дерзким.
- Он говорит, что вы помогли ему заварить чай. Это так?
- Я только налила кипятка в чайник.
- И все?
- Да, конечно, все. Чайник уже вскипел, а папа нарезал хлеб для бутербродов, и я спросила: «Налить кипятка в чайник?», и он сказал «да», ну я и налила.
- Последовала долгая тревожная пауза, и Сьюзан испуганно добавила:
- С чаем ведь все было в порядке?
- В нем был яд, – коротко ответил Роджерс.
- Она резко поднесла ладонь ко рту, словно желая подавить крик.
- Яд? – прошептала она. – В чае, который приготовил папа?
- В чае, который вы приготовили вместе.
- Но я ничего не сделала, говорю же вам, только налила туда кипятка, когда папа меня попросил. С чего мне хотеть кого-то отравить?
- Вы знали, что чай предназначался для леди Камиллы?
- С ней что-нибудь случилось? – торопливо спросила Сьюзан.

²⁴ Краткое изложение (фр.)

²⁵ Боже мой! (нем.)

– С леди Камиллой ничего не случилось. Вы отлично знаете, что она не пила этот чай. Его выпила миссис Карстерс.

– А с ней что случилось? – лицо девушки снова стало холодным и недовольным.

– Миссис Карстерс мертва.

– Что ж, это ведь не моя вина, так? – теперь она выказывала не больше эмоций, чем если бы ее несправедливо упрекнули в том, что она разбила фарфоровую чашку.

– Что вы делали у двери в комнату леди Камиллы? – внезапно спросил Роджерс.

– Я поднялась туда, потому что хотела с ней поговорить.

– И о чем вам было говорить с леди Камиллой?

– Я ей наговорила всякого сегодня утром, когда пришла в комнату его светлости, чтобы с ним посидеть, и я... В общем...

– Вы хотели поговорить с ней еще раз, в этом все дело?

Сьюзан пожала плечами.

– Теперь уже неважно, – сказала она. – Я все равно с ней не увиделась.

– Вы поднялись туда, чтобы посмотреть, выпила ли она чай, так?

– Говорю вам, я ничего не знала про чай, – сердито повторила Сьюзан. – Когда я поднялась, из ее комнаты как раз выходила миссис Карстерс. Она сказала, что ее светлость спит, и чтобы ее не беспокоили. Мы с ней крупно поговорили, и она унесла чай в свою комнату, а я пошла к себе. Это все.

– Вы не попытались помешать миссис Карстерс унести чай, который, как вы знали, предназначался леди Камилле?

– С чего мне было ей мешать? Говорю вам, я не знала...

– Хорошо, миссис Уорбек, незачем снова это повторять. Думаю, больше я вас не побеспокою. Вы понимаете, что позже вам могут задать те же вопросы другие люди?

– Они получают те же самые ответы, – сказала Сьюзан и демонстративно пошла к двери. Когда она вышла, доктор Боттвинк сказал:

– Я прошу прощения, сержант, за мою несдержанность, но я был обескуражен. Полагаю, эта молодая женщина – вдова уважаемого мистера Уорбека?

Роджерс кивнул.

– Этот факт, разумеется, стоит принять во внимание вместе со всеми остальными. Могу я спросить, как давно вы об этом знаете?

– Узнал сегодня днем.

– Вот как! А остальные? Им также было об этом известно?

– Помимо Бриггса, никто ничего не знал до сегодняшнего дня. Сэр Джулиус узнал об этом только после смерти лорда Уорбека.

– А дамы?

– Сказали только леди Камилле. Это было как раз перед ланчем.

– Понятно. – Историк на целую минуту погрузился в раздумья, а когда заговорил, то обращался к самому себе и нес что-то, очевидно, не относящееся к делу.

– Словарный запас малообразованных людей очень ограничен, – бормотал он. – К несчастью, ему также недостает точности. Иначе сейчас имелась бы улика, которая, возможно, заслуживала бы расследования. И все же не думаю, что это бы существенно помогло.

– Что вы сказали? – спросил Роджерс.

– Я? Ничего. Я говорил не к месту – кажется, так это называют? Теперь у вас есть все факты, которые вы искали, сержант?

– Думаю, да.

– Так тому и быть.

Доктор Боттвинк широко зевнул и вернулся к созерцанию огня в камине.

Послышались тяжелые торопливые шаги. Дверь распахнулась, и появился Джулиус. Он покраснел от волнения, а его усталость словно рукой сняло.

– Роджерс! – воскликнул он. – Роджерс! Взгляните-ка на это!

Он держал в толстом кулаке маленький темный предмет и торжествующе размахивал им.

– В моем шкафу! – тяжело дыша, сказал он. – В ящике, где я держу носовые платки! Я только что пошел взять чистый платок, и когда я его достал, вот это лежало прямо под ним!

С видом картежника, достающего козырного туза, он поставил на стол маленький флакон синего стекла, на котором крупными буквами было написано «Яд».

– Что вы об этом думаете? – спросил сэр Джулиус.

XVII. «Поговорили...»

Сержант Роджерс взял флакон и поднес к свету.

– Пуст, как я вижу, – сказал он и поставил флакон обратно на стол. Лицо его, как всегда, ничего не выражало.

– Ну? – нетерпеливо спросил Джулиус. – Разве не это вы искали?

– Похоже на то, сэр Джулиус. Бриггс, без сомнения, сможет его опознать. – Тон сержанта был сдержанным, почти безразличным.

– И он был в моем шкафу, подумать только! Как, черт побери, он там оказался? Как вы думаете?

– Ну, в вашу комнату легко попасть с лестницы, сэр. Ваша дверь – первая на лестничной площадке.

– Точно. Она рядом с комнатой леди Камиллы. А комната миссис Карстерс дальше по коридору.

– Я помню, сэр.

– Полагаю, вы обыскивали их комнаты прошлой ночью?

– Да, сэр.

– Тогда как...

– У меня нет предположений, сэр. И если только человек, положивший его туда, не решит сам нам об этом сказать, я не вижу способа это выяснить.

Неодобрение в голосе сержанта звучало слишком явно, чтобы его можно было проигнорировать.

– Наверное, – промямлил сэр Джулиус, – мне следовало оставить его там, чтобы вы могли посмотреть.

– Следовало, сэр.

– На нем могли быть отпечатки и все такое.

– Такая возможность, конечно, существовала.

– Простите. Это было глупо с моей стороны. Боюсь, я потерял голову, когда увидел его там.

– Вполне понимаю, сэр. – Роджерс помолчал и продолжил довольно грозно: – Несомненно, офицер, который в надлежащее время займется этим делом, примет ваше объяснение, учитывая ваше положение.

– Господи, Роджерс, уж надеюсь, что так! – взорвался Джулиус.

– Он, конечно, должен будет принять во внимание тот факт, что нет никакого подтверждения ваших слов.

– Тьфу! – в сердцах сказал Джулиус.

– Однако, – ровным голосом продолжал Роджерс, – есть одна вещь, которую я могу ему сообщить. Флакона не было в вашем шкафу, когда я осматривал его прошлой ночью. Дайте-ка подумать; вы говорите, что он лежал под верхним носовым платком в стопке?

– Да.

– Я открывал этот ящик, когда помогал вам переодеться сегодня. Если бы в тот момент там что-то лежало не так, думаю, я бы это заметил. Не уверен в этом до конца, но думаю, что заметил бы. Возможно, это поможет точнее определить, когда именно его туда положили.

Роджерс взял флакон и сунул его в карман.

– Вы больше ничего не хотите рассказать мне, сэр? – спросил он.

– Мне больше нечего вам сказать. У вас есть все факты.

– Есть один факт, – заметил доктор Боттвинк, – который, по крайней мере, меня несколько утешает.

– А именно, сэр?

– Тот факт, что флакон сейчас пуст. Это означает, что я смогу поужинать более или менее спокойно.

Он встал и вышел из комнаты. Выглядел он гораздо менее подавленным – то ли по упомянутой им причине, то ли по какой-то иной. Лицо его оставалось серьезным и задумчивым, но с него исчезло выражение полного смятения, которое появилось на нем в тот момент, когда они обнаружили, какое несчастье случилось с миссис Карстерс. Он довольно шустро прошагал в северо-восточное крыло дома, поднялся по знакомой узкой лестнице и снова оказался в комнате с архивами.

Однако сейчас это прибежище не оказало на него привычного магического воздействия. Внешне там ничего не изменилось. Крыша чудесным образом выдержала удары стихии. Архивные документы по-прежнему стояли в дубовых шкафах сухими и нетронутыми. Однако сейчас они напрасно расточали свои соблазны. Что-то встало между ними и их пылким обожателем. Двадцатый век – вульгарный, противоречивый, беспокойный – вторгся в цитадель века восемнадцатого и полностью ее разрушил. К своему глубочайшему удивлению, доктор Боттвинк обнаружил, что его совершенно не интересуют бумаги третьего лорда Уорбека.

Несколько минут он празднично сидел за рабочим столом, и затем признал себя побежденным. Он положил ручку, которую бесцельно вертел в руках, и принялся расхаживать по узкой комнате. Он в четвертый раз развернулся у стола и почти дошел до двери в пятый, когда эта дверь без всякого предупреждения распахнулась.

– О! – удивленно воскликнул доктор Боттвинк. – Леди Камилла!

– Я вас побеспокоила, доктор Боттвинк?

– Чтобы ваша светлость задавала мне подобные вопросы? Беспокоить меня? Да что вы! Когда я думаю о том, как я повел себя по отношению к вам, я...

– Именно поэтому я к вам и пришла, – бесцеремонно перебила его Камилла. – Мне кажется, вы должны мне это объяснить. Так что же вы и все остальные делали в моей комнате?

– Это было досадной ошибкой с моей стороны. Хотя, возможно, – педантично поправился он, – прилагательное «досадная» не годится. Я не желал бы оскорбить вас еще сильнее. Я очень счастлив, что ошибся. Короче говоря, когда я вошел к вам в комнату, я думал, что вы мертвы.

– Вы думали?!.. Это самое странное объяснение визита в комнату женщины, которое я когда-либо слышала, а я их слышала немало.

– И тем не менее, это правда.

– И почему же в тот момент я должна была быть мертва?

– Миледи, – серьезно сказал доктор Боттвинк, – ответ я на этот вопрос прямо, я, возможно, окажусь виновен еще в одном промахе. Однако помните ли вы то, что сказали сегодня, перед тем как подняться к себе, чтобы отдохнуть?

Камилла отрицательно покачала головой.

– Не помню, – сказала она.

– Нет? Позвольте, я вам напомню. Вы сказали, что в этом доме стоит запах смерти. Вы задались вопросом, кто из нас умрет следующим.

– Правда? Должно быть, я очень плохо себя чувствовала, если говорила подобное. Это было очень глупо с моей стороны.

Доктор Боттвинк восхищенно воззрился на нее.

– Сколь чудесна способность молодости к восстановлению! – сказал он. – Несколько часов сна, и все снова хорошо! Но вы действительно это сказали, леди Камилла. И видите ли, к несчастью, оказалось, что в конечном итоге ваши слова были не так уж глупы.

– Не понимаю.

– Значит, вам еще не сказали? Вы не знаете, что миссис Карстерс умерла?

– Миссис Карстерс! – Камилла побледнела, но великолепно овладела собой. – Что случилось?

– Ее отравили, миледи, – очевидно, тем чаем, который был приготовлен для вас и который она выпила сама, так как нашла вас спящей.

Камилла молчала. Она неподвижно стояла посреди комнаты и не сводила прекрасных глаз с доктора Боттвинка.

– Надеюсь, – серьезно сказал историк, – что вы действительно спали, когда миссис Карстерс к вам заходила.

– Она ко мне вошла? Разумеется, я спала, если это так. Я ничего не слышала.

– Это хорошо. – Он с облегчением вздохнул. – Это очень, очень хорошо. Вы не забудете сказать об этом полиции, когда они будут вас допрашивать?

– Конечно. – Камилла выглядела весьма озадаченной. – Вы хоть понимаете, доктор Боттвинк, что я понятия не имею, о чем вы говорите?

– Пусть будет так, миледи. При условии, что вы со своей стороны поймете, что я в этом деле – ваш друг.

– Думаю, так и есть, – медленно сказала она. – Хотя я, хоть убейте, не понимаю почему.

– Хоть убейте! – повторил доктор Боттвинк. – Это ведь жаргонное выражение, верно? Наверное, оно подходит к той ситуации, в которой мы оказались. Кстати, леди Камилла: есть еще одна фраза, которую я недавно услышал, и буду рад, если вы мне ее разъясните. Каким бы знатоком вашего языка ни был иностранец, я считаю, что мне все еще есть чему поучиться.

– Вы в самом деле очень странный человек! – сказала Камилла. – Сначала вы говорите мне, что кто-то пытался отравить меня и отравил миссис Карстерс, а потом ждете, что я примусь спокойно обсуждать английский жаргон! Вы... вы хорошо себя чувствуете, доктор Боттвинк?

– Благодарю вас, миледи, я в полном здравии. И уверяю вас, я поднял этот вопрос не из праздного любопытства, а потому, что это может оказаться важным для нас обоих. Будьте добры, потерпите еще немного и ответьте мне на один-единственный вопрос.

– Хорошо.

– Благодарю вас. – Доктор Боттвинк поправил очки, заложил руки за спину и заговорил громче, словно обращаясь к классу: – Мой вопрос вот в чем. Какой смысл вы придали бы следующей фразе, сказанной человеком из рабочего класса: «Я сегодня встретился с таким-то; я ему (или ей) наговорил всякого»?

– Этот человек – мужчина или женщина?

– Женщина.

– В таком случае, – без колебаний ответила Камилла, – я бы сказала, что она наговорила такому-то гадостей.

Доктор Боттвинк потер руки.

– Отлично! – сказал он. – А если бы фраза была такой: «мы крупно поговорили»?

– Это, вероятно, означало бы, что другая женщина нагрубила ей в ответ. Прозвучало бы еще понятнее, если бы она просто сказала: «Мы повздорили». Это бы точно означало скандал.

– Чрезвычайно тонкое различие. Я всегда считал, что английский – самый выразительный язык на свете. Я вам очень, очень благодарен.

– Это всё, доктор Боттвинк?

Историк поколебался, прежде чем ответить.

– Да, – наконец сказал он. – Есть еще вопросы, которые я хотел бы задать, но вы, возможно, сочтете их неуместными. Кроме того, есть один человек, который, как я считаю, может ответить на них лучше.

– Да? И кто же это?

– Разумеется, женщина из рабочего класса.

Женщина из рабочего класса была в буфетной со своим отцом, где доктор Боттвинк ее и нашел. Когда он вошел, она посмотрела на него с подозрением. Бриггс был ненамного приветливее, но заученная фраза автоматически сорвалась с его губ.

– Вам что-нибудь угодно, сэр? – спросил он.

– Да, Бриггс. Вы оказали бы мне большое одолжение, если бы позволили задать миссис Уорбек важный вопрос.

– Я ничего не скажу, – тут же выпалила Сьюзан. – Я уже рассказала сержанту обо всем, что случилось, и он говорит, что мне придется рассказывать это снова другим полицейским, когда они явятся. С меня хватит.

– Позвольте уверить вас, мадам, что этот вопрос – не из тех, что вам уже задавал сержант. Я согласен с каждым словом, которое вы ему сказали.

– Я ничего не стану говорить, – повторила она.

– Бриггс! – В глазах доктора Боттвинка, когда он повернулся к дворецкому, почти стояли слезы. – Бриггс, я умоляю вас о помощи! На всех нас брошена тень. От вашей дочери зависит,

освободят ли нас от подозрений. Простое утверждение, которое никоим образом не может ее обличить – и от которого завтра она может отказаться, если пожелает, – неужели вы мне не поможете его получить?

– Думаю, это ей решать, сэр, – неуверенно сказал Бриггс. – Я уж точно не хочу мешать вам, если вы думаете, что это поможет, но я не могу отдавать приказы после того, что случилось. И все же, Сьюзан, я не понимаю, почему бы тебе не сделать то, о чем просит этот джентльмен.

– Ты как все остальные! – запальчиво сказала Сьюзан. – Изводишь и донимаешь меня то одним, то другим! В этом доме не осталось человека, который рано или поздно не стал бы на меня нападать, а теперь еще и он начинает! Почему они не оставят меня в покое?

– Миссис Карстерс изводила и донимала вас, мадам?

– Она была самой ужасной из всех!

– Уф! – с облегчением выдохнул доктор Боттвинк. – Это было, когда вы с ней встретились у комнаты леди Камиллы?

Сьюзан с подозрением посмотрела на него.

– Что вы об этом знаете? – спросила она.

– Ничего. Видите ли, дитя мое, мы как раз добрались до того самого вопроса, который я хотел вам задать. Расскажите мне, как именно донимала вас миссис Карстерс, и думаю, я смогу вам пообещать, что более никто не будет вас изводить и донимать.

– А вы здесь при чем?

– Возможно, совсем ни при чем. Возможно, очень даже при чем. Я не могу этого сказать, пока не услышу ваш рассказ. Вы с ней повздорили, верно?

– Если и так, то она сама виновата.

– Естественно, я и не предполагаю иного.

– Это она начала.

– Конечно.

– Я бы и слова не сказала, если бы она не стала передо мной важничать.

– Без сомнения, вас это очень рассердило.

– Ну, вряд ли вы станете винить меня в том, что я сказала то, что думаю.

– Ну конечно нет!

– Я ей прямо сказала: «Мы больше не в воскресной школе, чтобы вы обращались со мной как с ничтожеством. Я считаю, что со мной нужно говорить уважительно».

– Да, и в самом деле, это было совершенно справедливо.

– Какая наглость спрашивать меня, что я делаю у двери в комнату ее светлости! Я имею право ходить в этом доме куда пожелаю, так ведь?

– Я был бы последним, кто станет это отрицать, мадам.

– Она прямо обалдела, услышав от меня такое, – сказала Сьюзан, и видно было, что это воспоминание доставило ей удовольствие.

– Да, неудивительно.

– Она сказала, что поражена, до чего докатились нынешние девушки, и не забыла ли я, с кем говорю. «Еще как помню, – говорю я ей, – это уж мне известно». «Вопрос не в этом», – сказала я. «А вы знаете, с кем вы говорите? – спросила я. Вот что я хочу знать».

– Именно.

– «Я – distinguished миссис Уорбек, – сказала я, – и теперь, когда умер его дедушка, мой маленький сын – законный лорд Уорбек; сэр Джулиус про это знает, и никто не отнимет этого права, – сказала я, – ни у него, ни у меня».

– Мои поздравления, мадам. Я не знал о вашем счастье. Надеюсь, его светлость в добром здравии. Он здесь, с вами?

– Вот это она и хотела узнать, только выразилась она иначе. «Где этот щенок?» – спросила она. Вот как она назвала его светлость – щенком! «Дома, в безопасности, со своей тетей, – сказала я, – где никто до него не доберется». И тут она так злобно на меня глянула! Если бы она не держала в руках поднос, то думаю, она бы на меня набросилась.

Доктор Боттвинк цокнул языком в знак неодобрения подобного поведения.

– Чашка дребезжала о блюде, так она была зла, – продолжала Сьюзан. – Она прямо вся тряслась. Я подумала, что она вот-вот уронит поднос на пол. А лицо! Она прямо позеленела, как будто ее вот-вот стошнит.

– Да-да, именно так. – Доктор Боттвинк кивал головой; глаза его были полузакрыты – он пытался представить себе эту сцену. – Пожалуйста, продолжайте, мадам.

– Ну, по правде говоря, это и все, что было. После этого она не вымолвила ни слова. Да и что она могла сказать? Она просто отвернулась и пошла по коридору к своей двери, а я осталась стоять, где стояла. Она старалась идти надменно, но все еще тряслась. И вот она доходит до своей двери, оборачивается и говорит: «Я буду пить чай у себя, и, пожалуйста, учтите, что леди Камилла спит и ее нельзя беспокоить». Все пыталась важничать, понимаете? Но у нее не получилось, ну уж нет! Я ее хорошо на место поставила, это я вам точно говорю! А потом она пошла к себе, закрыла дверь, и больше я ее не видела.

После речи Сьюзан повисла долгая пауза. В буфетной стало очень тихо, после того как ее резкий голос наконец умолк. Бриггс молча и потрясенно смотрел на дочь. Доктор Боттвинк тоже молчал, но лицо его было довольным и спокойным. Когда он наконец заговорил, в его голосе прозвучало глубокое облегчение.

– Спасибо, – тихо сказал он. – Большое вам спасибо. Миссис Уорбек, только теперь я должен объяснить вам...

Сьюзан его перебила.

– Папа, – обратилась она к отцу, – кажется, звонят?

Все трое прислушались. Со стороны холла доносилось отчетливое позвякивание.

– Господи помилуй, да это же телефон! – воскликнул Бриггс. И, забыв многолетнюю выучку, он помчался в холл, даже не сняв фартук и не надев пиджак.

XVIII. Чисто английское убийство

Когда Бриггс, доктор Боттвинк и Сьюзан добежали до холла, телефоном уже завладел сержант Роджерс. Рядом с ним стоял Джулиус. Они втроем столпились у него за спиной. Через минуту на лестнице появилась Камилла, перегнулась через перила и смотрела на них сверху. Все пристально глядели на телефонную трубку и слушали в полном молчании, как будто видеть человека, пользующегося телефоном, было им настолько в диковинку, что нельзя было упустить ни одной детали. Разговор занял довольно долгое время, поскольку связь была не очень хорошей, и Роджерсу приходилось повторять все по нескольку раз, чтобы на другом конце его поняли; однако все это время маленькая группа людей рядом с ним стояла неподвижно и сосредоточенно слушала. Лишь когда разговор был окончен, они расслабились и снова стали собой.

Охрипший и вспотевший сержант положил трубку и повернулся к своим слушателям.

– Если все пойдет хорошо, то они придут сюда через несколько часов, – сказал он. – Самое позднее завтра на рассвете. Дорога расчищена до деревни, и они организуют паромную переправу через реку. Если дождя больше не будет, то они смогут вывезти нас отсюда завтра.

– Слава богу! – прошептал Джулиус. Он обычно не проявлял набожности, но слова эти прозвучали искренне.

Поначалу казалось, что остальным нечего сказать. Перспектива освобождения из плена, по-видимому, застала их врасплох. Они продолжали стоять в нерешительности, беспокояно переминаясь с ноги на ногу. Затем Камилла со своего поста на лестнице сделала очевидное предложение.

– Бриггс, – сказала она, – думаю, было бы неплохо, если бы вы принесли нам чего-нибудь выпить в библиотеку.

– Хорошо, миледи, – он повернулся и автоматическим жестом велел Сьюзан следовать за ним.

– Я имею в виду и вашу дочь, разумеется, – сказала Камилла ясным высоким голосом. – И себе тоже принесите.

– Да, миледи.

Бриггс спешно удалился. Когда он уходил, Камилла заметила, что его лысая макушка порозовела. Однако причину она истолковала неправильно – Бриггс просто-напросто вдруг осознал, что позволил себе появиться перед гостями в рубашке и в фартуке.

Снова облачившись во фрак, он через несколько минут вернулся в библиотеку, неся поднос с графином и бокалами. Он серьезно и церемонно разлил напитки, взял свой бокал и тактично удалился к двери. Тонко разбираясь в том, что является уместным, он выбрал старый темный херес того сорта, что обычно подавали в Уорбек-Холле по случаю похорон в семье. Остальные участники этого маленького собрания собрались у камина и молча пили маленькими глотками. В комнате повисло тревожное ожидание.

Первым заговорил доктор Боттвинк.

– Итак, сержант Роджерс, – громко сказал он, словно обращаясь ко всем сразу, – вы говорите, что они будут здесь через несколько часов. Говоря «они», вы, я полагаю, имеете в виду полицию?

– Так и есть, сэр.

– Могу я спросить, а что вы собираетесь рассказать им, когда они явятся?

С высоты своего роста Роджерс устало посмотрел на приземистую фигуру доктора.

– Я уже говорил вам, сэр, – терпеливо ответил он. – Я больше не считаю себя ответственным за это дело. Я просто передам свой рапорт и предоставлю дело им.

– Ваш рапорт... именно так. А он на стадии завершения, ваш рапорт?

Роджерс допил херес и взглянул на часы.

– Он не совсем закончен, – ответил он, – но очень скоро я его допишу. Мне нужно добавить лишь несколько дополнительных фактов, чтобы привести его в соответствие с новыми данными.

Доктор Боттвинк тоже допил свой херес, но в отличие от Роджерса, не поставил бокал. Вместо этого он подошел к графину и налил себе еще.

– Не понимаю, – заметил он, – почему маркширские полицейские – хотя они, несомненно, отличные ребята – смогут найти ответ к этой задаче лучше, чем вы.

Сержант пожал плечами.

– Об этом не мне судить, – коротко сказал он. – Это просто не моя работа, вот и все.

– В самом деле, доктор Боттвинк, – веско вставил Джулиус, – вряд ли вы – да можно сказать, и любой из нас – имеете право указывать сержанту, что ему следует или не следует делать. Он знает свои обязанности, и я уверен, помощь в их исполнении ему не требуется.

– Как вам угодно, сэр Джулиус. Я понимаю, насколько важно в этой стране знать свое место. А я, разумеется, никогда не занимал положения, которое позволяло бы мне кому-либо давать указания. Мне просто пришло в голову, что это послужило бы к профессиональной чести сержанта, если бы к прибытию своих коллег он смог бы не только дать отчет о фактах, но и объяснить их. Но если я выставил себя в неподобающем свете, то я умолкаю.

Потребовалось некоторое время для того, чтобы смысл этих чопорных, педантичных фраз дошел до умов, которые уже плохо соображали от пережитых эмоций и усталости. Камилла первой уловила этот смысл.

– Доктор Боттвинк, – прямо спросила она, – вы знаете, кто убил Роберта?

– Разумеется. – Он отпил глоток хереса и добавил: – И лорда Уорбека. И миссис Карстерс. Это был один и тот же человек.

Послышался внезапный резкий звук. Бокал с хересом выпал из пальцев Сьюзан и разбился у ее ног. Бриггс покинул свое место у двери и бесстрастно собрал осколки. Никто не пошевелился. Доктор Боттвинк лишь повернул голову в сторону этой помехи. Он крутил в пальцах полупустой бокал и смотрел на него с задумчивой улыбкой. Непохоже было, что он расположен к дальнейшим разговорам.

– Продолжайте, доктор Боттвинк! – настаивала Камилла. – Продолжайте!

– Что скажете, сэр Джулиус? Вправе ли я говорить? Или же, – тут он повернулся к Роджерсу, – поскольку, в сущности, это дело полиции, то, может, вы скажете мне, сержант? Не следует ли мне, строго говоря, приберечь эти сведения для соответствующих органов, когда они сюда доберутся?

Сержант Роджерс сильно покраснел и заговорил с трудом.

– Я так понимаю, сэр, – сказал он, – вы говорите, что уже рассказали мне все, что вам было известно. Если у вас есть еще какая-то информация, вы можете оставить ее при себе до того, как дадите показания офицеру, который возьмется за это дело. Но вам придется ему объяснить, почему изначально вы сочли возможным ее скрыть.

– Речь не идет о сокрытии, сержант. Я скажу ему то же самое, что говорил вам. Я скажу ему, чтобы он прочел биографию Уильяма Питта. – Он взглянул на один из книжных шкафов и добавил: – Вы, как я понимаю, не воспользовались моим советом? Вы не заглянули в этот небольшой труд покойного лорда Роузбери?

– Нет, – коротко ответил Роджерс, – не заглянул.

– Жаль. Но еще не поздно. У вас еще есть время.

– Что это еще за чушь про Уильяма Питта? – спросил Джулиус. – Я так понимаю, вы утверждаете, что у вас есть некая теория касательно смерти моего несчастного родственника, погибшего прошлой ночью. А теперь вы уклоняетесь от темы и заводите разговор о человеке, умершем сто лет назад.

– Гораздо больше, чем сто лет назад. В 1806 году, если быть точным. Но это очень короткий отрезок в истории такой страны, как Англия, где пережиткам прошлого позволено не только существовать, но и влиять на настоящее в самой прискорбной степени.

– Если вы так думаете, то вы вообще ничего не знаете о современной Англии, сэр!

– Разве? Тогда позвольте сказать, что вы ничего не знаете об английской истории. Более того, именно потому что вы и вам подобные равнодушны к урокам собственного прошлого, ваша современная Англия остается отягощенной древними анахронизмами. Я и сам любитель древности, и мне, наверное, следует радоваться подобным вещам, но когда я обнаруживаю, что пренебрежение простой реформой, необходимость которой была вопиюще очевидна еще с 1789 года, если не раньше, только что стоило этой стране трех жизней, я думаю, что как нация вы в своем консерватизме заходите слишком далеко!

Было совершенно очевидно, что после этой громкой цветистой речи доктор Боттвинк решил, что он полностью сокрушил своего противника; более того, сокрушив его, он счел, что больше не о чем говорить. Он повернулся спиной к сэру Джулиусу, поставил бокал на поднос и направился к двери, но Камилла его перехватила.

– Пожалуйста, не сердитесь на нас, доктор Боттвинк, – сказала она. – Мы не обладаем вашим умом, и никто из нас не знаком с историей. Мы все очень устали и очень напуганы – по крайней мере, я точно. Пожалуйста, *пожалуйста*, избавьте нас от мучений и объясните, о чем вы говорили. Можете начать с 1789 года, если это в самом деле необходимо, только расскажите нам хоть что-нибудь.

Доктор Боттвинк оказался совершенно неспособен устоять перед подобной мольбой, пробудившей в нем тщеславие.

– Если вы этого желаете, миледи, – сказал он с чопорным легким поклоном на иностранный манер. Он занял место ровно посередине ковра, чуть расставил ноги, заложил руки за спину, задрал подбородок и заговорил ясным и высоким лекторским голосом:

– Мне предложили начать описание с 1789 года. На самом деле я упомянул события этого года лишь в качестве иллюстрации или аналогии. Когда сегодня утром я предложил сержанту Роджерсу ознакомиться с биографией Питта Младшего, я сделал это лишь для того, чтобы привлечь его внимание к обстоятельствам, которые, как мне казалось, предлагают готовое объяснение расследуемого им преступления. Я не хотел лезть на первый план. Я думал, что он, воспользовавшись моим намеком, сможет решить эту задачу самостоятельно. Я полагал, что он поймет, как понял это я, что это дело – замечательный пример того, как повторяется история. Должен признаться, что последующие события заставили меня усомниться в обоснованности моей гипотезы. Под влиянием пережитого напряжения я поторопился предположить, что мой диагноз был неверным. Однако дальнейшие расспросы убедили меня в том, что это предположение было ошибочным, а моя изначальная теория верна. Короче говоря, я был прав с самого начала. История в самом деле повторилась, и даже в более поразительной степени, чем я предполагал.

Доктор Боттвинк умолк. Он вынул из кармана платок, тщательно протер очки, снова водрузил их на нос и продолжил:

– Сэр Джулиус охарактеризовал события, которым мы стали свидетелями, как не свойственные Англии. При всем уважении, у меня иное мнение. Это могло произойти только в Англии. Это на самом деле в высшей степени английское преступление. Я несколько удивлен тем, что именно он считал иначе. Вы можете возразить, – продолжил историк, хотя его слушатели, ошеломленные потоком слов, не выказывали ни малейшего намерения возражать, – что преступление – или, по крайней мере, убийство – это по сути своей феномен, не имеющий отношения к стране или нации; что, следовательно, нет разницы между английским и не-английским убийством. Но это заблуждение. Расследуя преступление, мы должны рассматривать два его аспекта: само действие, которое, в сущности, одинаково во всех странах и при любых правовых системах, а также социальную и политическую структуру, в которой оно произошло. Если свести дело к самым простым терминам, мы должны рассмотреть мотив преступления. Мотив, который имеет силу в одной форме общества, может попросту не существовать в другой. А как только определен мотив, установить преступника становится вопросом простой дедукции.

Доктор Боттвинк вновь снял очки. На этот раз он сложил их, и, держа в руке, энергично взмахивал ими в сторону слушателей, чтобы донести до них свои доводы.

– Так почему же я утверждаю, что это было английское преступление? – спросил он. – Потому что у него английский мотив. Потому что оно оказалось возможным благодаря политическому фактору, который является характерным для Англии. – Он на минуту смешался. – Возможно, мне следовало сказать, для Британии, – заметил он. – Простите меня. Я не желал оскорбить чьи-либо чувства. Я привык говорить «Англия», и с вашего позволения так и продолжу. Итак, это преступление – и по причинам, которые вскоре станут для вас очевидны, я использую это слово в единственном, а не во множественном числе – это преступление не могло бы произойти, если бы не тот факт, что Англия, единственная из всех цивилизованных стран, сохранила в своей конституции законодательную палату, место в которой можно получить лишь по наследству. И

мотив этого преступления был совершенно прост: обеспечить место в этой палате одному человеку, убрав двух других, которые стояли между ним и правом это место занять.

– В жизни не слышал подобного бреда!

Сэр Джулиус, побледнев от гнева, начал наступать на доктора Боттвинка. Размахивая кулаком перед носом историка, он бессвязно выкрикивал:

– Вы смеете намекать на то, что я... Вы смеете намекать?!.

Так и не закончив предложение, он разразился невнятными гневными звуками. Доктор Боттвинк оставался совершенно невозмутимым. Он ни на дюйм не сдвинулся с места и продолжил говорить, не обращая ни малейшего внимания на эту помеху.

– Пока что, – продолжил он тем же нравоучительным тоном, – пока что мы рассматривали то, что на первый взгляд кажется простым случаем династического убийства. Но это дело несколько сложнее, иначе я вряд ли был бы вправе охарактеризовать его именно так. Уничтожение господствующей семьи в интересах представителей ее младшей ветви – это обычное явление для всех наций и всех эпох. Чтобы увидеть и понять этот инцидент в его истинном свете, будет полезно еще раз вернуться к рассмотрению биографии Уильяма Питта и к событиям 1789 года.

Тут лекцию снова прервали – на этот раз Камилла. Она уже начала испытывать глубокую неприязнь к Уильяму Питту, и при очередном упоминании его имени громко застонала. Однако доктор Боттвинк безжалостно продолжал:

– Год, о котором мы говорим, был годом многочисленных перемен для этой страны и для Европы, но, как бы ни были они интересны сами по себе, они не имеют отношения к этому расследованию, поскольку были главным образом вызваны экономическими и конституциональными факторами здесь и за границей, которые сейчас несущественны. Как я позволил себе указать сержанту Роджерсу сегодня утром, важность этого года для наших целей заключается как раз в *событии, которое не произошло*. Из-за того, что оно не произошло, о нем забыли все, исключая историков, которым, к сожалению, не позволено оказывать существенное влияние на современную английскую политику. Событие, на которое я ссылаюсь и которое в течение нескольких дней казалось неизбежным, в той критической ситуации было не чем иным, как смертью – смертью второго графа Чатема. У него не было сыновей. Наследником его был некто иной, как Уильям Питт, впоследствии премьер-министр и канцлер казначейства. Можно лишь предполагать, что за этим последовало бы; однако точно известно одно: правление этого великого человека зависело исключительно от его власти в том, что до сих пор имеет странное название «нижняя палата парламента». Если бы он, как вы сами точно выражаетесь, получил синекуру, результатом стал бы серьезный политический кризис. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что не только карьера великого государственного деятеля, но и вся история Европы вращалась вокруг жизни или смерти совершенно непримечательного дворянина. Сэр Джулиус, – внезапно повернулся он к канцлеру казначейства, который все еще стоял на расстоянии вытянутой руки и гневно смотрел на историка, – вам что-нибудь говорит эта параллель?

Сэр Джулиус молчал, пристально глядя на оратора. Выражение гнева на его лице сменилось невольным восхищением. Затем он медленно и выразительно кивнул.

– Значит, ваше положение еще более уязвимо, чем положение вашего прославленного предшественника, поскольку согласно конституции, премьер-министр может заседать только в палате лордов. Канцлер казначейства же, напротив, не может. Если вам будет суждено унаследовать фамильное звание пэра, вы сможете служить своей стране в самых разнообразных достойных должностях, но вы никогда не сможете сохранить вашу нынешнюю. Должно быть, вы много думали об этом в последние сутки; я прав?

Сэр Джулиус снова кивнул.

– Так почему же, – продолжил историк с легким упреком, – почему вам ни разу не пришло в голову задуматься о том, кто станет вашим очевидным преемником на этом посту, когда – и если – то, что лорд Роузбери назвал «мрачным юмором нашей конституции», вынудило бы вас его покинуть? Я не знаток современной политики, но я уверен, что с тех пор, как я нахожусь в этом доме, я слышал это имя как минимум дюжину раз. Или миссис Карстерс ошибалась в оценке перспектив для своего мужа?

– Она была совершенно права. Он и есть этот очевидный преемник.

– Именно так. – Доктор Боттвинк выразительно взмахнул руками. – Вот это дело в двух словах. Нужно ли мне оскорблять ваши умственные способности, продолжая говорить?

– Кажется, я должен перед вами извиниться, – с некоторым трудом сказал Джулиус.

– Ничего страшного, сэр Джулиус. Несомненно, взгляд вам застила ваша врожденная скромность, и она не дала вам понять, что все это время целью преступника были вы.

Джулиуса давно не хвалили именно за это качество, и он покраснел от удовольствия.

– В заключение, – продолжил доктор Боттвинк, – я думаю, будет уместно, если я выражу свое сочувствие сержанту Роджерсу. Его первостепенная задача, как он сам неоднократно подчеркивал, – охрана сэра Джулиуса. Несомненно, он исполнял ее умело и с усердием. Но была одна опасность, от которой он был не в силах защитить своего подопечного – опасность нежелательного возвышения до палаты лордов. Сэру Джулиусу удалось ее избежать, но не благодаря Скотланд-Ярду, а благодаря счастливому обстоятельству – тому, что существует неизвестный нам всем юный лорд Уорбек, по поводу рождения которого я хотел бы принести достопочтенной миссис Уорбек мои запоздалые, но искренние поздравления.

Лекция закончилась. Доктор Боттвинк сошел с воображаемой кафедры, убрал очки и снова превратился в обычного человека. Однако один из его слушателей все еще не был удовлетворен.

– Доктор Боттвинк, – сказал Роджерс, – я вас правильно понимаю? Вы полагаете, что миссис Карстерс убила Роберта Уорбека?

– Я протестую против слова «полагаете», сержант. Но говорю, что да, она это сделала.

– И лорда Уорбека?

– Разумеется. У меня мало сомнений в том, что именно она сообщила ему о смерти его сына, чтобы ускорить его собственную кончину. Для ее целей вряд ли было так уж необходимо приближать конец и так уже умирающего человека, но она, несомненно, проявила нетерпение.

– Тогда, может быть, вы скажете мне, – с трудом произнес Роджерс, – кто, по-вашему, убил миссис Карстерс?

– Но я ведь уже ответил на этот вопрос. Разве я не сказал с самого начала, что один человек ответственен за все три смерти? Миссис Карстерс, разумеется, покончила с собой.

– Не вижу тут никаких «разумеется». С чего ей было это делать?

– Но это ведь очевидно, разве не так? Ах да, я забыл – у вас ведь еще не было возможности более подробно расследовать тот эпизод, который непосредственно предшествовал ее самоубийству. Я говорю о ее беседе с миссис Уорбек у двери в комнату леди Камиллы. Если бы вы успели это сделать – а я не сомневаюсь, что вы бы так и поступили при обычном положении дел, – вы бы узнали, что во время этой беседы миссис Уорбек сообщила ей в выражениях, которые, наверно, были извинительны в данных обстоятельствах, но которые я без колебаний назову резкими, что цель, ради которой она только что совершила тяжкое преступление, была совершенно недостижимой. Оказалось, что сэр Джулиус по-прежнему член палаты общин, и он по-прежнему стоит между ее мужем и должностью, которой она так страстно для него желала. Наследник славы дома Уорбеков находится вне пределов ее досягаемости. Реакция на эту новость оказалась слишком сильной для нервной системы, которая и так уже была напряжена до предела. Думаю, мне не стоит вдаваться в детали того, что последовало. Механизм самоубийства – это дело для вас и ваших коллег из полиции. Но я думаю, состояние ее обуви и следы на ковре указывают на то, что яд она прятала в снегу, который до обеда сегодняшнего дня толстым слоем лежал на ее балконе. Она достала флакон, высыпала содержимое в чай, а потом, в качестве последнего презрительного жеста – или, кто знает, в надежде бросить тень подозрения на сэра Джулиуса, что разрушило бы его карьеру так же безвозвратно, как и звание пэра, – она подложила флакон в его шкаф. Сделав это, она вернулась к себе, налила себе чаю и совершила последний акт отчаяния.

Он резко умолк, и в комнате воцарилась тишина. Затем Бриггс вышел из своего угла и вполголоса что-то сказал Камилле. Она кивнула, и Бриггс вышел из комнаты.

– Ужин будет готов через двадцать минут, – сказала она. – Будут только холодные остатки, так что никому не нужно переодеваться. Съезан, вы ведь поужинаете с нами? Я хочу все знать о сыне Роберта.

– И я тоже, ей-богу! – воскликнул сэр Джулиус. – Он теперь очень важное лицо – надеюсь, вы это понимаете.

– Я это знаю, благодарю вас, – дерзко сказала Сьюзан. – Не всякий мальчик в его возрасте уже лорд.

– Не от всякого мальчика, – возразил Джулиус, – зависит политическая карьера такого человека как я.

– Может быть, дополнительной гарантией, – предложил доктор Ботвинк, – стала бы некоторая рационализация британской конституции? Вы едва избежали опасности, как и Уильям Питт до вас. Следующий человек может оказаться не таким удачливым.

– Я поговорю об этом с премьер-министром, – сказал сэр Джулиус Уорбек.